

Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары

ДОКЛАДЫ

**Международного научного симпозиума
по вопросам археологии и истории
11—14 мая 1999 г.
Пушкинские Горы**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
А. С. ПУШКИНА «МИХАЙЛОВСКОЕ»
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА КАЗАНИ
КАЗАНСКИЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА
МУЗЕЙНОЕ ВЕДОМСТВО ФИНЛЯНДИИ
ИНСТИТУТ ФИНЛЯНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Санкт-Петербург
ИПК «ВЕСТИ»
2000

Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars

PAPERS
of the International Scientific Symposium
on archaeology and history
May 11–14, 1999
Pushkinskie Gory

Editorial Board:
A. N. KIRPICHNIKOV, E. N. NOSOV, A. I. SAKSA

Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары

ДОКЛАДЫ
Международного научного симпозиума
по вопросам археологии и истории
11—14 мая 1999 г.
Пушкинские Горы

Редакционная коллегия:
А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Е. Н. НОСОВ, А. И. САКСА

Сборник докладов Международного научного симпозиума, состоявшегося в Пушкинских Горах, посвящен актуальным проблемам археологии и истории Восточной и Северной Европы. Описываются новые открытия российских и финляндских ученых, изучающих культуры неолита и железного века. Рассматриваются контакты славян, финнов, волжских булгар и скандинавов в эпоху средневековья, а также археологические памятники и предметы материальной культуры, относящиеся к этому периоду. Сборник рассчитан на археологов, историков и всех интересующихся прошлым народов Евразии.

*Настоящий сборник публикуется при финансовой поддержке
Российского Государственного научного фонда.*

The papers of the International scientific symposium held in Pushkinskie Gory are dedicated to the urgent problems of archacology and history of Eastern and Northern Europe. New discoveries of Russian and Finnish scholars studying Neolithic and Stone Age cultures are described. Contacts of Slavs, Finns, Volga Bulgarians and Scandinavians during the medieval period as well as archacological sites and objects of material culture dating to that period are discussed. This collection is intended for archacologists, historians and all who are interested in the past of the peoples of Eurasia.

*The present papers are published with a sponsorship
of the Russian State Scientific Fund.*

СОДЕРЖАНИЕ

Кирпичников А. П., Посов Е. П. Научные традиции международного археологического сотрудничества	9
--	---

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОТКРЫТИИ СИМПОЗИУМА

Василевич Г. Н. Пушкиногорье. Заметки о сокровенном	15
Нехаков К. Ш. Новые рубежи истории	19
Хедман Андере. Северное сотрудничество	23
Волочкова О. К. Археология в Псковском музее	26

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Богуславский О. П., Щеглова О. А. Памятники у д. Городище в Юго-Восточном Приладожье. Новые раскопки	31
Белещкий С. В. Археологические памятники Пушкинского заповедника	40
Валлушина С. П. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII—начале XIII вв.	5
Васильев М. Е. Культовые камни и кресты на территории Пушкинского музея-заповедника	6
Измайлов П. Л. Бальмерский курганный могильник и его историко-культурное значение	70
Казиков Е. П. Измери — главный торговый пункт Волжской Болгарии (конец X—XI вв.)	87
Кирпичников Анатолий, Толлин-Бергман Лена, Янссон Ингмар. Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного Исторического музея в Стокгольме	100
Королева Э. В. Технологические традиции в ювелирном деле средневекового Пскова (этнический аспект)	126
Луото Ю. Балтийские контакты в эпоху каменного века в Финляндии	135
Макаров Н. А., Захаров С. Д. Археологическое изучение северорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Миннило на Кубенском озере	145
Посов Е. Н. К вопросу о типологии городов Полоховья	162
Рябинин Е. А. К истории христианизации Водской земли Великого Новгорода	172
Седов В. В. Эсты и Северо-Западная Русь	182
Сорокин П. Е. Устье реки Охты — первоначальный поселенческий центр в низовье Невы	194

Тимофеев В. И. Поселение эпохи раннего металла Шкуринна Горка Ленинградской области	208
Торвинен М. Керамика Сярайёспемпи I в раннеэолитическом контексте Северной и Северо-Восточной Финляндии	217
Уйно Пирьё. О славянских заимствованиях в финском языке археологическом контексте	225
Харлашов Б. Н. Уезд Ворошича (о формировании территории)	235
Хвоцинская Н. В. Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка	246
Хузин Ф. Ш. К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на Средней Волге (конец X—начало XIII вв.)	254
Резолюция Международного научного симпозиума «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары»	264

CONTENTS

Kirpichnikov A. N., Nosov E. N. Scientific traditions of the international archaeological co-operation	9
--	---

ADDRESSES AT THE OPENING OF THE SYMPOSIUM

Vasilevich G. N. The land of Pushkinskie Gory. Notes on the innermost	15
Iskhakov K. Sh. The new frontiers of History	19
Hedman A. The northern co-operation	23
Volochkova O. K. Archaeology in the Museum of Pskov	26

SCIENTIFIC REPORTS

Boguslavskii O. I., Shecheglova O. A. Archaeological sites near the village of Gorodishche in the southeastern Ladoga region	31
Beletskii S. V. Archaeological antiquities on the territory of the National Preserve of Pushkin	40
Vavilina S. I. Glass beads as a source on international relations of the Volga Bulgarians in the 8 th —early 13 th centuries A. D.	51
Vasilyev M. E. Cult stones and crosses on the territory of the National Preserve of Pushkin	65
Izmaylov I. L. The Balymer barrows and their historical and cultural significance	70
Kazakov E. P. Izmeri — the main trade centre of the Volga Bulgaria (late 10 th and 11 th centuries A. D.)	87
Kirpichnikov A. N., Tolin-Bergman L., Jansson I. New interdisciplinary studies of the Viking Age swords from the collection of the State Historical Museum in Stockholm	100

Koroleva E. V. Technological traditions of the jeweller's art in the medieval Pskov (the ethnic aspect)	126
Luoto J. Finnish-Baltic contacts in the Stone Age	135
Makarov N. A., Zakharov S. D. Archaeological studies of North-Russian village: the first results of excavations at the settlement of Minino near the lake of Kubenskoe	145
Nosov E. N. On the typology of towns in the Volkhov area	162
Ryabinin E. A. On the history of propagation of Christianity in the Vod' Land of Novgorod the Great	172
Sedov V. V. Eesti and the North-Western Rus	182
Sorokin P. E. The mouth of the Okhta River — the original settling centre in the lower reaches of the Neva River	194
Timofeev V. I. The early metal period settlement of Shkurina Gorka in the Leningrad Oblast	208
Torvinen M. The pottery of Säräsniemi-I in the early neolithic context of the northern and northeastern Fennoscandia	217
Ujno P. On adoptions from Slavonic in Finnish and their archaeological contexts	225
Kharlashov B. N. The Uyezd of Voronich (formation of the territory)	235
Khvoshchinskaya N. V. On the ethnic attribution of the pendants with bull-heads	246
Khuzin F. Sh. On the appearance of Kazan of the Pre-Mongolian period as a trade centre in the Middle Volga region (the end of the 10 th —beginning of the 13 th centuries)	254
Resolution of the International Scientific Symposium «Slavs, Finno-Ugrians, Scandinavians, Volga Bulgars»	264

Учаснікі сімпазіума.

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В настоящем сборнике читателю предлагаются доклады Международного научного симпозиума «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары», состоявшегося 11—14 мая 1999 г. в Пушкинских Горах (Исковская обл.). В симпозиуме приняли участие ученые и музейные работники Санкт-Петербурга, Москвы, Искова, Казани, Пушкинских Гор, музейных и научных центров Финляндии.¹ Особо следует отметить участие в проведении симпозиума директора Пушкиногорского музея-заповедника Г. Н. Василевича и его сотрудников, мэра Казани К. Ш. Исхакова, представителей Постоянного представительства Татарстана в Санкт-Петербурге, директора Исковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника О. К. Волочковой и археологов Искова, директора Информационного бюро Совета Министров северных стран А. Хедмана. Симпозиум был организован Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, Государственным историко-литературным и природно-ландшафтным музеем-заповедником А. С. Пушкина, администрацией Казани, Казанским Советом народных депутатов, Институтом истории Академии наук Татарстана, Музейным ведомством Финляндии, Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Финансовую поддержку проведению симпозиума оказал Российский гуманитарный научный фонд.

Международный научный симпозиум в Пушкинских Горах наследует традиции встреч археологов СССР и Финляндии, посвященных рассмотрению ключевых проблем археологии,

¹ Кроме авторов публикуемых докладов на заседаниях симпозиума выступили: Л. Е. Грушина, Т. Е. Еринова, К. Карпелан, Т. Карьялайнен, Е. В. Салмина, С. В. Степанов.

истории и культуры Восточной и Северной Европы. Первый из них состоялся в Ленинграде в 1976 г. Тогда в СССР и в Финляндии в рамках Советско-Финляндского комитета по научно-техническому сотрудничеству плодотворно начала действовать Смешанная рабочая группа по научному сотрудничеству в области археологии, опиравшаяся на государственную поддержку обеих стран. Расширение контактов советских и финляндских археологов было обусловлено коренными потребностями развития исторической науки. Следует сразу отметить широту и разнообразие научных начинаний Смешанной рабочей группы — проведение симпозиумов, научный обмен, участие в раскопках другой стороны, подготовка коллективных трудов, обмен литературой и др. Состоявшиеся симпозиумы были посвящены фундаментальным проблемам археологической и исторической наук и охватывали тематику, связанную с изучением неолита, бронзового и раннего железного века, а также средневековья. Целесообразно перечислить эти симпозиумы с указанием места и даты их проведения и наименования публикации, где были изданы сделанные доклады:

1. Ленинград, 1976 г. «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья». — Сборник: «Финно-угры и славяне». Л., 1979.

2. Хельсинки, 1978 г. «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна в железном веке и раннем средневековье». — Сборник: «Fenno-ugri et Slavi». Helsinki, 1978.

3. Ленинград, 1981 г. «Археология северо-западных районов СССР и Финляндии». — Сборник: «Новое в археологии СССР и Финляндии». Л., 1984.

4. Хельсинки, 1983 г. «Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы». — Сборник: «Fenno-ugri et Slavi 1983». ISKOS 4. Helsinki, 1984.

5. Ленинград, 1986 г. «Древности славян и финно-угров». — Сборник: «Древности славян и финно-угров». СПб., 1992.

6. Хельсинки, 1988 г. «Культура народов Восточной и Северной Европы». — Сборник: «Fenno-ugri et Slavi 1988». ISKOS 9. Helsinki, 1990.

7. Таллин, 1990 г. «Культурное наследие финно-угров и славян». — Сборник: «Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs». Tallin, 1992.

8. Хельсенки, 1992 г. «Промыслы и хозяйство доисторической эпохи». — Сборник: «Fenno-ugri et Slavi 1992. Prehistoric economy and means of livelihood». Muscovirasto. Arkeologian Osasto N 5. Helsinki, 1994.

9. Выборг, 1994 г. «Славяне и финно-угры. Археология, история, культура». — Сборник: «Славяне и финно-угры. Археология, история, культура». СПб., 1997.

10. Хельсенки, 1997 г. «Культурные контакты в районе Финского залива». В печати.

Уже одно перечисление состоявшихся международных симпозиумов и их трудов свидетельствует, что впервые совместными усилиями ученых России и Финляндии была создана целая библиотека актуальных изданий, посвященных культурному и научному наследию славян, финнов и других народов Евразии. Сотрудничество с финляндскими археологами мы намерены продолжать, несмотря на прекращение деятельности Смешанной рабочей группы по сотрудничеству и отсутствию государственного финансирования такого рода контактов. Теперь мы ищем нетрадиционные пути совместной научно-организационной деятельности, стремясь вынести на обсуждение на научных встречах комплексные проблемы, которые будут интересны для ученых и музейных работников, представителей общественности и власти разных стран и широкого круга регионов и центров России.

Касаясь симпозиума, прошедшего в Пушкинских Горах, нельзя не отметить выступлений на нем псковских археологов, ведущих активную исследовательскую и музейную работу в Пскове и в области. Представительным было участие ученых Татарстана, где резко возрос интерес к истории и где государственная власть активно помогает развитию науки и музеев. Мы искренне признательны Академии наук Татарстана и руководству Казани, в первую очередь мэру города К. Ш. Исхакову, за помощь в проведении симпозиума.

В программу симпозиума входили посещение его участниками Старой Ладogi, городища Городец на р. Луге и археологического комплекса у д. Которск, осмотр крепости Велье и археологических памятников Пушкиногорского музея-заповедника, знакомство с древностями Пскова и Изборска. Такие археологические экскурсии — подлинная школа обогащения нашего опыта новыми данными и сведениями.

Публикуемые в предлагаемом сборнике доклады отличаются широтой охвата исторического материала. Они посвящены изучению этнической и культурной истории Восточной и Северной Европы, новым археологическим исследованиям на северо-западе России, в Среднем Поволжье и в Финляндии, социальной и хозяйственной структуре общества в эпоху неолита, анализу поселений и могильников, предметов материальной культуры эпохи средневековья, наконец, археологическим раскопкам на территории самого Пушкиногорского музея-заповедника. Нет необходимости в подробной характеристике всех этих работ, которые наилучшим образом может оценить сам читатель.

Мы глубоко благодарны директору Пушкиногорского музея-заповедника Г. Н. Василевичу и всем сотрудникам музея за сердечное гостеприимство, которое было оказано участникам симпозиума в очень напряженный для музея период подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина — гения русской литературы и культуры, творчество которого не раз вдохновлялось событиями отечественной истории.

Участники симпозиума в единогласно принятом решении, которое полностью публикуется, рекомендовали провести очередную международную встречу археологов в России или в Финляндии в 2002 г. и тем самым продолжить теперь уже многолетнюю традицию научного сотрудничества, заложенную 23 года назад. Было бы целесообразным расширить круг участников очередной встречи, привлекая для обсуждения ключевых проблем специалистов-археологов разных государств и разных научных центров России.

А. Н. Курчицкиков, Е. Н. Носов.
30 сентября 1999 г.
г. Санкт-Петербург.

Выступления на открытии симпозиума

Г. Н. ВАСИЛЕВИЧ

Директор Государственного музея-заповедника
А. С. Пушкина «Михайловское»

ПУШКИНОГОРЬЕ. ЗАМЕТКИ О СОКРОВЕННОМ

Ваш Международный научный симпозиум собрался в канун 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина, для которого история и жизнь были перасторжимы и служили источником вдохновения. Кануны в России богаче праздников. Праздники в момент их свершения чаще всего — испытание на терпимость и крепость убеждений. Гораздо сложнее и важнее бытование музея вне юбилеев. Да и, главное, после них Пушкин существует вне юбилеев. Именно поэтому он и есть наше все, альфа и омега национальной жизни России. Едва отшумят славословия, каждый из нас вновь окажется наедине со старыми как мир проблемами. И если Пушкин нелегитимно прославляем нами — он останется, как и был, нашим паролем, сокровенным словом, открывающим сердца навстречу друг другу.

Любой юбилей, а пушкинский в особенности, заставляет задуматься о том, что такое память как предмет сохранения, как форма взаимоотношений с человеком, совершившим свою работу и ушедшим из жизни.

Как остановить прискорбное стирание памяти? Думается, вернуться к опыту Семена Степановича Гейченко. Еще не будучи уверенным в возможности восстановления Петровского, сохранения близлежащих земель, он, чтобы отметить их принадлежность к истории и к пушкинскому времени, установил знаменитые теперь памятные камни и каменные поклонные кресты. Мне думается, что это одна из самых приемлемых и доступных форм сохранения памяти в уходящих в небытие местах. По аналогии с городищами и селищами я бы назвал места расположения бывших усадеб усадьбищами.

Ставить памятные знаки, как показал опыт, — дело народное, которому работники культуры и ученые могут и обязаны помочь,

но в одиночку исполнить это не смогут. Если хотите, это одна из форм национального возрождения, факт нашего самоуважения. При таком отношении можно действительно закрепить в народной памяти и передать новым поколениям память о прошлом. Труды ученых историков и археологов могут такую память укрепить еще более.

В последнее время все больше людей приезжают *в гости к Пушкину* в его родовое село Михайловское. Кто-то говорит, что виной тому дороговизна закордонных и заморских туров. Другие считают, что это из-за отсутствия времени, — не каждый может позволить себе оставить работу и город больше чем на два-три дня.

Мне ближе третья точка зрения. *Сердце и душа* тянутся к родным, пусть себе и неброским, картинам природы. К плавным перекатам холмов, пестроте полей и аромату лугов, среди которых вьется река Сорочь, и тихо, как сто, двести, тысячу лет назад, отражают небеса два дивных озера — Кучане и Маленец.

В этой простой красоте, в тишине, давно позабытой горожанами, в *несуетности*, а значит и в *свободе*, живут простыми крестьянами строчки пушкинских стихов, его герои. Они заговаривают с путниками голосами птиц, аукаются эхом ветров, перешептываются каплями дождей.

Даже те, кто давным-давно не перечитывал Пушкина, кто просто не встречался с ним в своей жизни, вдруг встают ото сна неведения, ими овладевает незнакомое прежде желание, какая-то сладкая истома, от которой хочется и смеяться и плакать одновременно. Порою кажется, что именно так пробуждается в сердце любовь к Родине, сыновья тоска по ней и желание, еще не расставшись, дать *обет возвращения* в эти благословенные места...

От многих довелось слышать признание в том, что впервые пережили они подобное чувство в пушкинском Михайловском, в «...пустынном уголке. Приюте спокойствия, трудов и вдохновенья...». Есть вещи и явления в нашей жизни, которые *невозможно объяснить*, в которые *нельзя не верить*.

Старый музейный волшебник, барин и крепостной пушкинской усадьбы, Семен Степанович Геиченко писал и часто повторял: «Почти вся жизнь великого поэта была неразрывно связана с *Псковской землей*. Здесь в постоянном общении с простым русским народом, добрыми деревенскими друзьями, с родной природой формировалось поэтическое мировоззрение Пушкина, окреп и засиял его творческий гений».

Всем, что накоплено, пережито, положено в дивные стихи, поэт и сегодня делится с нами. Стоит лишь немного *потрудиться*, преодолеть кажущуюся непобедимой «занятость», сбросить с себя гипноз телевизионного глаза-экрана, чтобы открыть неисчерпаемую вселенную — Дом, где создаются сердца.

Вы сами того не заметите, как станете искать в памяти и в книжных кюветках что-нибудь из Пушкина. У кого-то в записных книжках и органайзерах вдруг появятся поэтические строчки. Кому-то вдруг откроется красота, *неповторимость* и *бесконечность* самого *обыкновенного* дня собственной жизни. И вот уж человек родился заново, каждой клеточкой отозвался на обращенное к нему Слово:

«Я твой: люблю сей темный сад
с его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят...»

Разве это не чудо? Припомните, *как* давно вы признавались кому-то или чему-то в любви? Как *давно* вы не признавались в любви! Уже только ради этого одного стоит побывать в пушкинской Деревне.

Часто задают вопрос: «Когда же лучше всего приезжать в Михайловское?» Он для меня, пожалуй, самый трудный.

Пушкин любил *осень*. Признавался в этом своей музе в стихах, друзьям в разговорах и письмах. Приезжайте осенью, в сентябре—октябре, в пору теплого бабьего лета. На Савкиной горке будут цвести золотые шары и зимняя астра. Прощальные крики птиц и осеннее половодье живо напомнят о древности псковского пушкинского уголка. От алеющих кленов и желтых берез, полыхающих красками на фоне темно-зеленых елей, будет не отвести глаз.

Но чем же хуже *зимняя пора*? Пушистые глубокие снега обнимают весь мир. Уютное тепло старинных вещей столь притягательно, что невольно чувствуешь себя своим в девятнадцатом пушкинском веке. Хочется промчаться в санях, погусарить, плешить прекрасных барышень вписанным в альбом искрометным экспромтом. Хочется печного тепла, крепкого мороза, русской бани, волшебных рождественских Святков.

Приходилось ли вам бывать у Пушкина *весной*? Если нет, бросайте все, скорее летите к разлившейся Сороти! И вы увидите Лукоморье. Километры воды... Все будет впервые — первые птички

трели, первые весенние листочки, первые длинные дни возвращающихся белых ночей, первые рассветы и закаты над пробуждающейся землей. Это будет незабываемая пушкинская весна.

Приезжайте *летом*... О нем вы будете с упоением рассказывать друзьям. О землянке на старых городищах. О купании в Сороти, о бесконечных, полных поэзии днях и кратких, как первый поцелуй, ночах, о дальних походах из усадьбы в усадьбу, о рыбалке, о хождении по Кучане на веслах и под парусом. И это будет по-пушкински неповторимо.

Приезжайте. Когда бы вы ни приехали в первый раз, непременно наступит мгновение, радостнее которого мне не довелось испытать, — возвращения в Пушкиногорье. Оно всегда будет неповторимым. Именно этого и хочется пожелать каждому паломнику по пушкинским местам Псковщины.

Приезжайте! Возвращайтесь!

НОВЫЕ РУБЕЖИ ИСТОРИИ

Рад приветствовать всех ученых — участников симпозиума, тематика которого охватывает широкую хронологию и обширную географию — от Скандинавии до Среднего Поволжья, большую часть Северной и Восточной Европы.

Через месяц исполняется 200 лет со дня рождения русского гения — А. С. Пушкина; замечательно, что ваш симпозиум почти совпал по времени с юбилеем великого поэта и мы собрались в месте, сыгравшем значительную роль в его творчестве, близ имени его родителей — села Михайловского — и места его упокоения — Святогорского монастыря.

Благодарю за радушный и теплый прием хозяев симпозиума, администрацию Ижевской области и лично директора Пушкиногорского музея-заповедника Георгия Николаевича Василевича.

В работе данного симпозиума впервые участвует довольно представительная делегация из Казани. Она приехала, чтобы объединить усилия наших ученых в изучении общего для всех нас восточно-европейского исторического наследия.

Исторически сложилось так, что Казань издавна является одним из крупнейших научных центров Российской империи, в том числе центром гуманитарных наук. Началом развития этих наук в Казани принято считать открытие в 1804 г. по указу императора Александра I Казанского университета, одного из первых в России.

В нашем университете еще в прошлом веке работали такие выдающиеся ученые, как основатель неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевский, астрономы, члены-корреспонденты Российской Академии наук И. М. Симонов и М. А. Ковалевский, основатель всемирно известной казанской школы химиков Н. Н. Зинин, выдающиеся химики К. К. Клаус и А. М. Бутлеров, один из основоположников российского славяноведения В. И. Григорович и др.

Одним из основных научных направлений было востоковедение, принесшее Казанскому университету мировую известность. Первым профессором восточных языков в университете стал профессор Х. М. Френ — основоположник научной арабистики и восточной пумизматики в России. Казанское востоковедение также прославлено именами монголоведа О. М. Ковалевского, синолога В. П. Васильева, арменолога С. И. Назарьянца, иранистов и тюркологов А. К. Казембека и И. Н. Березина, тюркологов широкого профиля В. В. Радлова, Н. Ф. Катапова и многих других.

Развитие гуманитарных наук в университете, изучение истории и культуры тюркских, финно-угорских, славянских и других народов способствовали формированию атмосферы взаимопонимания и терпимости между представителями разных народов в регионе.

Руководство города и республики рассматривает науку (и прежде всего науку гуманитарную) как важный фактор возрождения нашего духовного наследия, утраченных культурных ценностей и поэтому стремится всячески ее поддерживать и развивать. При Академии наук Татарстана создан Институт истории, который совместно с Казанским университетом при участии Казанского Совета народных депутатов проводил в последние годы ряд международных научных конференций («Источниковедение истории Улуса Джучи — Золотой Орды», «Историческая география, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII вв.»). Сейчас мы готовим другие научно-исторические форумы (например, международную конференцию «Великий Волжский путь» — возможно, вторая половина 2000 г.), в работе которых, я надеюсь, вы примете самое активное участие.

Перед администрацией любого города, как известно, в первую очередь стоят хозяйственные вопросы. Однако мы сознаем, что решение многих важных проблем невозможно без развития науки, в том числе и гуманитарной, без поддержки активной научной жизни.

Исследования наших ученых дают возможность утверждать, что Казань входит в число старейших городов России. Согласно последним данным археологической экспедиции, возглавляемой Ф. Ш. Хузиним, болгарское поселение городского типа на ее территории появилось еще в конце X—начале XI вв. С этого момента начинается история Казани, возникшей на пересечении важнейших торговых магистралей — Великого Волжского и Северного пушного путей. Город имел обширные международные связи. Здесь побывали купцы из древнерусских земель, Венгрии, Чехии, государств Средней Азии

и Арабского Востока. Казань сыграла важную роль в соперничестве Волжской Булгарии с Владимиро-Суздальским княжеством за расширение своего влияния на Волжском торговом пути.

В 30—40-е годы XIII в. в истории города начинается новый период развития. В эпоху могущества и падения Золотой Орды он превращается в значительный административный центр, где процветает ремесло, расширяются торговые связи, развивается культура. Именно в этот период происходит сложение на основе волжских булгар, кыпчаков и тюркизированных финнов нового народа с этнонимом «татары».

В период Казанского ханства, начиная с середины XV столетия, город получает столичный статус и становится экономическим, политическим и культурным центром обширного Средневолжского региона. Своеобразный облик Казани изумлял западных и восточных путешественников, красоту ее воспевали в своих произведениях болгаро-татарские поэты Мухаммадьяр и Кул Шариф.

Как известно, острое идеологическое и военное противостояние Казанского ханства и Московского государства закончилось поражением и завоеванием Казани Иваном Грозным 2 октября 1552 г. Казань пала и с этого времени начала превращаться в русский город. Мусульманские мечети были разрушены, на их месте появились православные церкви.

Со второй половины XVI в. Казань становится восточными воротами разраставшейся России, городом мусульманско-христианских контактов, соперничества и взаимовлияния. Отсюда ведется миссионерская деятельность русской православной церкви вплоть до Сибири, Центральной Азии и Китая; одновременно крепнет мусульманское сопротивление, вылившееся впоследствии в мощное реформаторское и просветительское движение.

В последующие века город неуклонно растет, но многочисленные опустошительные пожары разоряют Казань, нанося большой ущерб культуре и памятникам.

В советский период в Казани разворачивается промышленное и культурное строительство. За счет эвакуации военно-промышленного комплекса в 1941—1945 гг. город получает импульс к одностороннему развитию, увеличивается его население в результате эвакуации людей из западных областей СССР, население становится этнически еще более пестрым.

Все это не могло не отразиться на культурном развитии города как крупного индустриального и научного центра со всеми его противоречиями и проблемами.

Ныне, в результате реформ последнего десятилетия, Казань постепенно возвращает свое геополитическое положение, вновь превращается в восточные ворота новой России.

За свою долгую драматическую историю Казань была то болгаро-татарским, то русским городом. Долгое время татарская культура и язык находились в пренебрежении и забвении. Но сегодня в истории Казани, на наш взгляд, наступил период, когда татарская культура в городе вновь переживает бурное возрождение. При этом, хочется особо подчеркнуть, развивается и русская культура, и культуры всех других проживающих в Казани народов. У нас созданы национально-культурные общества, в которых представлено 15 наиболее крупных общин (чувашская, азербайджанская, украинская, армянская, немецкая, еврейская и др.). 7 национальных общин имеют или готовятся получить статус национально-культурных автономий. Ежегодно мы проводим фестивали «Наш общий дом», в которых принимают участие фольклорные коллективы различных национальных общин Казани. Ученые Института истории Академии наук Татарстана успешно работают над проблемами археологии и истории финно-угорских народов края, начато издание научного журнала «Finno-Ugrica».

Наш город и сегодня, как тысячу лет назад, продолжает развивать связи со странами мира. У Казани существуют партнерские отношения с городами Брауншвейг (ФРГ), Брайли и Колледж-Стейшн (США), Эскишехир (Турция), Ташкент, Бишкек, провинцией Аль-Магудия (Египет). У казанских вузов имеются самые тесные контакты с университетами Германии, Франции, США, Сирии, Турции, Египта и других стран.

В заключение хотел бы поблагодарить ученых Санкт-Петербурга за то, что они взяли на себя труд показать нам памятники археологии, истории и культуры Ленинградской и Псковской областей. Эти экскурсии значительно расширили наш кругозор. Также хочется выразить восхищение талантом и мастерством организаторов и научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское», реставраторов, стараниями которых музей-заповедник с полным правом может считаться памятником европейского, и даже мирового, значения. Ваш опыт очень нам пригодится, так как в Татарстане, в том числе и в Казани, имеется много памятников истории и культуры, нуждающихся в реставрации.

Еще раз благодарю за приглашение и теплый прием, желаю успешной и плодотворной работы симпозиуму.

АНДЕРС ХЕДМАН

Директор Информационного бюро
Совета Министров северных стран в Санкт-Петербурге

СЕВЕРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Совет Министров северных стран является органом сотрудничества правительств пяти северных стран — Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии и Исландии. Сотрудничество координируется непосредственно премьер-министрами этих стран. Совет Министров северных стран был создан в 1971 году как результат сотрудничества парламентов северных стран, проводимого в рамках Северного Совета, основанного почти сразу после второй мировой войны для того, чтобы подчеркнуть важность сотрудничества северных стран и роль народов этих стран в данном сотрудничестве.*

Северное сотрудничество включает в себя все области деятельности, кроме внешнеполитической и сферы безопасности. В этих областях северные страны избрали различные пути. Три страны являются членами НАТО, а две другие соблюдают нейтралитет.

Северное сотрудничество успешно развивалось после второй мировой войны. В некоторых сферах северные страны пытались создать похожие друг на друга системы. Это касается, например, безопасности движения, системы социального страхования и охраны окружающей среды.

В рамках северного сотрудничества была отменена необходимость предъявления паспорта при пересечении границ северных стран для граждан этих стран. Граждане северных стран могут свободно передвигаться, работать и жить в любой из этих стран.

У северных стран много точек соприкосновения. Их история тесно связана, хотя отношения, может быть, не были всегда такими хорошими, как сейчас.

Одной, пожалуй, из самых важных точек соприкосновения является языковая общность. Шведы, норвежцы и датчане часто могут понимать друг друга без особых проблем. В Финляндии существуют

* В основу выступления положена одноименная статья, опубликованная в журнале «Мир», 1999, № 1, издаваемом Информбюро Совета Министров северных стран в С.-Петербурге.

два государственных языка — финский и шведский, поэтому многие в Финляндии говорят по-шведски. В Исландии говорят на исландском, который является одним из скандинавских языков, но в то же время устаревшим, и скандинаву, который не обладает достаточными знаниями исландского, трудно понять жителя этой страны.

В России часто думают, что финский является скандинавским языком, но это не так. Факты говорят о том, что русский язык гораздо ближе к скандинавским, чем финский!

В начале 1990 гг. возникли два новых направления в нашей работе. Одно из них выразилось в том, что три страны — Швеция, Дания и Финляндия — стали членами Европейского союза. Другое — сотрудничество с сопредельными регионами, для которого после распада Советского Союза открылось много новых и разнообразных возможностей. Без преувеличения я могу сказать, что сотрудничество с сопредельными регионами придало новую силу Северному сотрудничеству и направило его в новое русло.

В 1991 г. Совет Министров северных стран создал Информационные бюро в каждой из столиц стран Балтии. Эти Информационные бюро начали действовать еще в советское время и стали первыми официальными представительствами северных стран в странах Балтии. Через четыре месяца после этого страны Балтии стали независимы, и северные страны одни из первых установили дипломатические отношения со странами Балтии. У Информационных бюро появились новые направления в работе, чем это задумывалось изначально.

Посольства северных стран были достаточно небольшими с напряженной загруженностью, в основном визовой работой и работой в политическом направлении. В противовес этому Информационные бюро начали заниматься сферами культуры и образования.

Следует отметить, что появился очень большой интерес к изучению северных языков. За прошедшие годы тысячи человек занимались изучением одного из северных языков на курсах, организованных Информационными бюро. Таким образом, преподавание северных языков стало одним из самых важных направлений деятельности Информационных бюро.

В 1994 году премьер-министры северных стран приняли решение о создании такого Информационного бюро в Санкт-Петербурге. Предполагалось, что задачи Информационного бюро в Санкт-Петербурге будут такими же, как и в странах Балтии, — направленными на развитие совместных проектов между северными странами и северо-западом России.

Наше бюро уделяет большое внимание преподаванию северных языков на северо-западе России. Мы нашли преподавателей из северных стран, которые преподают в университетах почти всех городов северо-запада России. Мы также организовали свои курсы северных языков, в основном в вечернее время. Конечно, мы не можем ограничиться только преподаваемым языком.

Основными задачами Бюро являются:

— координация и поддержка региональных и международных проектов и программ в области образования, науки, культуры, информации;

— организация стажировок и процесса повышения квалификации научных сотрудников и специалистов, преподавателей и студентов в качестве осуществления программ Совета Министров северных стран по обмену научными кадрами;

— оказание финансовой поддержки при проведении конференций и семинаров в указанных областях, содействие в предоставлении и получении грантов;

— создание благоприятных условий для развития сотрудничества и обмена опытом, улучшение системы связи и обмена информацией между специалистами северо-запада России и северных стран;

— создание банков данных и информационных систем по основным направлениям деятельности Бюро, совершенствование, развитие и пропаганда новых методик, разработанных в результате осуществления проектов.

За короткое время своего существования в Санкт-Петербурге Информационному бюро удалось совместно с заинтересованными организациями и при нашем финансовом участии провести ряд семинаров, конференций, выставок, рабочих встреч различных специалистов, помочь в производстве фильмов и публикации некоторых научных изданий. Назову, например, книги: «Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях» (СПб., 1998); Г. М. Коваленко. «Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI—XX веков». Не стану перечислять всего сделанного. Впереди много замыслов.

В заключение скажу, что существует большой потенциал в рамках сотрудничества с сопредельными регионами. Но главное — набраться терпения и выносливости. Знание языков, культуры и традиций друг друга еще не так велико, но чувствуется, что оно возрастает, медленно, но верно.

Благодарю организаторов и участников Международного симпозиума за возможность принять участие в его работе и увидеть места, где жил и творил великий сын России А. С. Пушкин.

АРХЕОЛОГИЯ В ПСКОВСКОМ МУЗЕЕ

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ПГОИАХМЗ) в 2001 году отметит свое 125-летие. В настоящее время в его составе находятся 14 музеев-филиалов в области, а также экспозиции и архитектурные комплексы в городе Пскове.

В Уставе ИКОМа (ст. 3) музей определяется как постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также удовлетворения духовных потребностей.

Одним из главных направлений работы Псковского музея является археологическое изучение города и области и соответственно хранение, изучение и экспонирование археологических коллекций.

Планомерные исследования культурного слоя города начались в 40-е гг. XX в., а с 1967 г. проводятся регулярные охранные раскопки. За прошедшие с этого времени 30 лет в Пскове сложился коллектив археологов, учителем которых стала Инга Константиновна Лабутина, археолог, кандидат исторических наук, профессор Псковского пединститута. В начале 1980-х гг. Валентин Васильевич Седов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, вместе с И. К. Лабутиной возглавили Псковскую археологическую экспедицию. Основным ядром экспедиции были сотрудники музея, студенты и преподаватели ПГПИ.

С 1988 г. в связи с Постановлением Совмина СССР № 816 «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории и культуры в Новгороде и Пскове» и разработкой проекта комплексной реконструкции исторического центра Пскова резко возрос объем археологических работ, предваряющих строительство. В 1991 г. ПГОИАХМЗ выступил учредителем самостоятельного археологиче-

ского подразделения, созданного на основе археологического отдела музея. Научно-исследовательский археологический центр (НИАЦ) возглавил кандидат исторических наук Б. Н. Харлашов. НИАЦ стал основным исполнителем заказов на охраняемые раскопки, с 1991 по 1996 г. его сотрудниками было изучено 10 600 кв. м культурного слоя Пскова. В 1997 г. НИАЦ был преобразован в научно-производственный археологический отдел музея (руководитель кандидат исторических наук Э. В. Королева) с сохранением коллектива специалистов. Отделу предоставлено здание, в котором расположены помещения для хранения коллекций, камеральные лаборатории и т. д. Реставрационная мастерская по металлу находится здесь же, но входит в состав отдела реставрации. В отделе работают 3 кандидата исторических наук, готовятся к защите еще 2 сотрудника. Специалисты отдела принимают участие в семинарах и конференциях Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Твери и др. На VI международном конгрессе славянской археологии в Новгороде сотрудниками музея было прочитано несколько докладов. Совместная с Научно-производственным центром по охране памятников работа по сохранению археологического наследия — еще одно направление работы отдела.

Перемены статуса и названия не меняли основное назначение археологического подразделения музея — исследование памятников Псковщины, и в первую очередь культурного слоя Пскова. Благодаря археологам, многие памятники спасены от разрушения, создана система регулярных охраняемых раскопок. К настоящему времени в Пскове изучено более 70 600 кв. м, а за последние 2 года — 1600 кв. м культурного слоя.

Вещевой материал из раскопок Пскова составляет основу археологической коллекции музея — это более 250 тыс. индивидуальных находок, дающих полное представление о жизни псковичей X—XVII вв. И сегодня самая актуальная проблема, стоящая перед отделом хранения археологии (зав. В. И. Лабутин), — организация их хранения. Основное хранилище, размещенное в ц. Новое Вознесение, находится в аварийном состоянии, а временные хранилища перегружены. Все это затрудняет активную работу по изучению коллекций и введению их в научный оборот. Но даже в этих условиях с археологическими фондами ежегодно работает несколько десятков специалистов, экспонаты предоставляются на выставки. Часть археологических материалов представлена в экспозиции «Геронческое прошлое Псковской земли». В 1998 г. была возрождена традиция организации итоговых выставок после окончания полевого сезона. Такие выставки с 1984 по 1987 г. размещались в фойе музея и назывались «Новые открытия археологов».

Открытие выставки приурочивалось к началу работы семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Научный семинар был организован в 1980 г. по инициативе В. В. Седова. Постоянными участниками семинара стали археологи и историки Пскова, Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Твери, Минска, Киева, Гродно, Латвии, Литвы, Эстонии. И хотя в последние годы становится все меньше участников из стран «Ближнего зарубежья» и СНГ, семинар продолжает работу. За эти годы издано 15 сборников тезисов семинара. Кроме археологической тематики, связанной с Псковской землей, в сборниках представлены исследования по археологии Северо-Запада и сопредельных территорий, истории, архитектуре, сфрагистике, нумизматике, лингвистике, искусствоведению, этнографии.

Осенью 1995 г. в Пскове прошла Первая всероссийская конференция по проблемам церковной археологии, организаторами которой были ИИМК РАН, Комитет по культуре и туризму Псковской области, Псковский музей-заповедник, Государственный музей-заповедник «Кижи», Псковское общество святой Ольги Российской. Материалы конференции изданы небольшим тиражом и практически сразу стали раритетом. В мае 1998 г., благодаря финансовой поддержке Швеции, в Пскове на базе музея была проведена конференция «Русь и Скандинавия». В ее работе приняли участие ученые России, стран Балтии, Швеции, Украины, Белоруссии. Псков представляли специалисты музея и пединститута.

Кроме тезисов семинара в Пскове были подготовлены и изданы несколько сборников научных статей, полностью посвященных археологии Пскова. Первой стала книга «Археологическое изучение Пскова», вышедшая в свет в 1983 г. в издательстве «Наука». В 1991 г. Псковский музей подготовил и издал сборник научно-популярных статей «Археологи рассказывают о древнем Пскове», адресованный всем интересующимся историей и археологией средневекового Пскова. Вторым выпуск книги «Археологическое изучение Пскова» был подготовлен НИАЦ в 1994 г. В 1996 г. в этой серии увидел свет третий выпуск, подготовленный по результатам раскопок на ул. Лейпна (том I). Авторы посвятили его памяти Г. П. Гроздилова — первого исследователя древней части Среднего города Пскова. Руководителем проекта «Средневековый Псков по данным археологии» и ответственным редактором стала И. К. Лабутина. Книга была напечатана при финансовой поддержке администрации Псковской области. Псковские археологи начали работу над вторым томом, продолжающим тему раскопок в древней части Среднего города. Книга может быть представлена читателям при изыскании средств на ее издание.

Научные ДОКЛАДЫ

ПАМЯТНИКИ У д. ГОРОДИЩЕ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ. НОВЫЕ РАСКОПКИ

Юго-Восточное Приладожье как весьма своеобразный и самобытный историко-культурный регион давно известно историкам и археологам. Сейчас здесь изучено свыше 5000 курганов более чем в 150 могильниках. Но до настоящего времени информация об истории этого региона остается весьма односторонней. За 200 лет раскопок в Юго-Восточном Приладожье было найдено крайне незначительное число древних поселений, причем ни одно из них не было планомерно раскопано широкой площадью. Одним из известных поселений является комплекс памятников в восточной части Южного Приладожья, у д. Городище, в среднем течении р. Сясь. Он известен уже с конца XIX в., и здесь были проведены ряд археологических исследований. Комплекс не привлекал внимания археологов, поскольку здесь не были известны древности IX в., а тем более VIII в., и он расценивался только как достаточно своеобразный район существования памятников Приладожской курганной культуры. Комплекс у д. Городище состоит из (рис. 1):

- городища и селища у д. Городище (рис. 1: 3);
- группы сопок севернее деревни, описанной Н. И. Репниковым и известной по раскопкам В. И. Равдоникаса. В 1909 г. она насчитывала 23 насыпи (к настоящему времени сохранилось 15) (рис. 1: 2);
- группы курганов юго-восточнее деревни, известной по раскопкам Н. Е. Бранденбурга, В. И. Равдоникаса и других исследователей и насчитывающей сейчас 25 поврежденных насыпей (по подсчетам Н. Е. Бранденбурга, состояла из 26 насыпей) [Бранденбург, 1895: 133—135; Репников, 1915: 35—42; Колмогоров, 1914: 428; Рассказов, 1929: 6; Равдоникас, 1934: 38—39] (рис. 1: 5);
- группы из 8 курганов в самой деревне (по данным Н. Е. Бранденбурга, состояла из 10 курганов) [Бранденбург, 1895: 133; Репников, 1915: 35—37; Рассказов, 1929: 6] (рис. 1: 4);

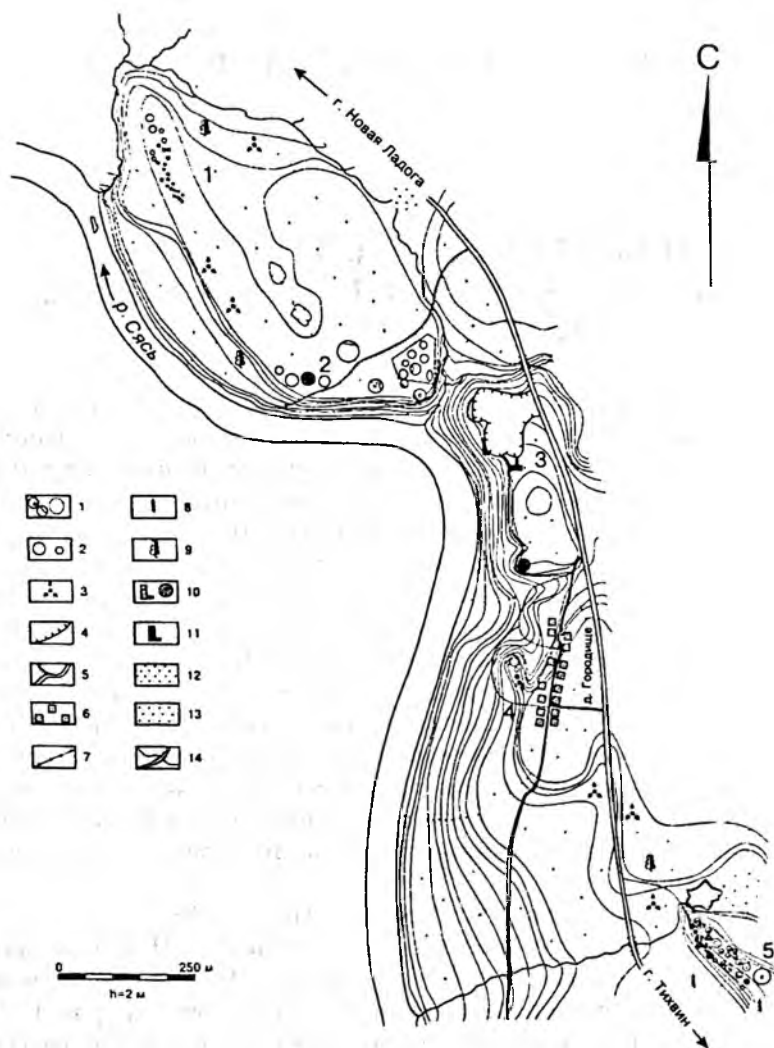

Рис. 1. Ситуационный план археологических памятников у д. Городище:

1 — могильник «Красная Заря»; 2 — могильник «Бесовы Харчевны»; 3 — остатки поселения на месте разрушенного городища; 4 — могильник в д. Городище; 5 — могильник юго-восточнее д. Городище.

Условные обозначения: 1 — поврежденные и разрушенные погребальные насыпи; 2 — погребальные насыпи; 3 — кустарник; 4 — граница гравийного карьера; 5 — дороги; 6 — постройки; 7 — ограждения; 8 — сосновый лес; 9 — лиственный лес; 10 — участки поселения и курганы, исследованные раскопками в 1987—1997 гг.; 11 — участки поселения, раскопанные в 1997 г.; 12 — луг; 13 — болото; 14 — мосты.

— группы из 29 курганов (28 из них раскопаны В. И. Равдоникасом), известной как «курганы у хутора Красная Заря» в 1 км северо-восточнее деревни [Равдоникас, 1934: 39—46; Кочкуркина, 1989: 15—22] (рис. 1: 1).

Несомненно, центральное место здесь занимает поселение, расположенное на высоком крутом берегу р. Сясь в месте впадения в нее небольшого ручья. Рядом с поселением реку перегораживают пороги. Этот памятник впервые был исследован в 1909 г. Н. И. Репниковым [Репников, 1915: 37]. Он впервые назвал этот памятник «городищем», то есть поселением, имеющим укрепления, однако не оставил их описания. С момента выхода его работы за поселением прочно закрепилось это определение, хотя ни один исследователь не оставил описания или чертежей остатков укреплений. В настоящее время их следов, если они когда-нибудь существовали, нет. В 1973 г. при строительстве автодороги это поселение было уничтожено гравийным карьером и долгое время считалось полностью утраченным для археологических исследований. Однако в 1989 г. были обнаружены остатки небольшой части поселения, примыкавшей к южной части городищенского холма.

Исследованиям 1996—1998 гг. подверглась именно эта часть поселения. В процессе раскопок за три полевых сезона изучена общая площадь 172 кв. м. Стратиграфия раскопа несложна. Под слоем дерна повсеместно расположен переотложенный и перемешанный пахотный слой — серо-коричневая плотная супесь с горизонтальными включениями тонких линз песка мощностью от 0,23 до 0,45 м, — в котором отчетливо прослеживаются следы глубокой распашки в виде вытянутых следов, оставленных лезвием пахотного орудия.

Непосредственно под пахотой залегает основной культурный слой поселения, образованный серой плотной, однородной гумусированной супесью. В восточной части раскопа он почти полностью уничтожен распашкой и его мощность едва достигает 1—5 см. Однако в западной части раскопа он достигает мощности до 30 см, причем выделяется его нижняя, более рыхлая и насыщенная золой часть. Именно в этом слое расположены основные развалы обожженных камней, с ним связывается и большинство индивидуальных находок. После снятия основного культурного слоя на фоне материкового оранжевого суглинка и оподзоленной супеси были прослежены пятна заполнения и выброса из сооружений и ям, отличающиеся разной степенью окрашенности в зависимости от насыщенности их заполнения гумусом или угольками. Следует отметить наличие достаточно тонких, но прослеженных на широкой площади

прослойка интенсивно окрашенной темно-серой, со множеством углистых включений супеси толщиной от 1 до 15 см. Под ним почти повсеместно отмечается слой рыхлого светлого подзола толщиной до 5—7 см, лежащий на песчаном светлом материке.

В результате интенсивной распашки и условий формирования почвы, при которых органические остатки почти полностью разлагаются, мы должны признать, что стратиграфически расчленить однородный культурный слой памятника практически невозможно, кроме тех случаев, когда отдельные прослойки связываются с заполнением впущенных в материк или топографически ограниченных объектов. Поэтому на основании стратиграфии следует сделать вывод о том, что поселение является однослойным.

Массовый материал представлен мелкими фрагментами лепной, с обильной примесью дресвы, расслоившейся керамики, причем в культурном слое их очень немного. Вторая категория массового материала — легкие пористые металлургические шлаки — встречаются в основном в пахотном слое в восточной части раскопа и в заполнении котлованов углубленных сооружений.

В распределении материала уже в пахотном слое наблюдалась определенная закономерность. При учете фрагментов керамики и шлаков по квадратам оказалось, что максимальная концентрация шлаков, более 20 шт. на квадрат, приходится на участок в восточной части раскопа при том, что находки фрагментов керамики тут единичны, культурный слой практически уничтожен распашкой, а мощность самого пахотного слоя не превышает 20—30 см. Напротив, фрагменты лепной керамики встречались в центральной и западной части раскопа, причем в верхних частях пахотного слоя, а шлаки здесь попадались очень редко. Также нехарактерны в целом для культурного слоя поселения кости животных — лишь изредка встречаются фрагменты кальцинированных костей и глиняная обломка.

В пахотном слое обнаружено значительное количество целых и фрагментированных бусин разных типов. Среди них можно отметить двухчастную бусину-проишку темно-синего стекла с белыми продольными полосками, фрагмент круглой бусины такого же стекла; шарообразные прозрачные бусины голубого и марганцевого фиолетового стекла; мозаичные бусы различного облика и крупные глазчатые шарообразные синие бусы.

Прослеженные в культурном слое более или менее компактные развалы камней, учитывая падение материка по направлению к реке с востока на запад, позволяют выделить их в единый горизонт.

С этим горизонтом связаны находки нескольких развалов лепных сосудов из местной красноватой глины с обильной примесью дресвы в тесте. 2 фрагмента слабо выделенного венчика сосуда можно с уверенностью связать с так называемым «ладожским типом» керамики с ребром в верхней трети сосуда и уплощенным венчиком.

При исследовании горизонта развала камней в западной части раскопа было выявлено обширное пятно черного углистого с обильными включениями серой золы и сильно пережженных камней культурного слоя. Нижняя часть наиболее крупных камней лежала уже в слое сыпучего подзола, образующего в этой части раскопа предматериковый слой. В пределах этого пятна было обнаружено скопление обожженной глины неправильных очертаний размерами 22 × 20 см, толщиной 2—3 см. Глина была перекрыта камнями и, в свою очередь, перекрывала нижележащие камни и фрагменты обугленного дерева. Неровная поверхность и неправильные очертания развала глины говорят о том, что глина, как и камни, была переотложена еще в древности.

Между камнями, под ними и под глиной прослеживались сильно разрушенные и истлевшие куски обожженных плашек. Обнаружилось, что все деревянные плашки залегают на одном уровне и находятся в пределах наиболее насыщенного угольками темного пятна неправильных очертаний, прослеживаемого на том же уровне. Длина отдельных сохранившихся фрагментов плашек составляет 35—40 см, ширина — от 5 до 15 см, толщина до 5 см. В расположении плашек наблюдается определенная закономерность: они образовывали прямой угол, западная сторона которого прослеживалась по отдельным фрагментам на длину 1,70 м и была ориентирована в направлении Ю/Ю-З—С/С-В, совпадая с наибольшей концентрацией камней. Северная сторона угла также прослеживается по отдельным фрагментам на длину 2,10 м в направлении Ю/Ю-В—С/С-З. По-видимому, они представляют собой остатки северо-западного угла наземной деревянной конструкции, сгоревшей и впоследствии разобранный (в результате — лина горелого слоя, фиксируемая в плане и профилях стенок), а уже затем перекрытой в нижней части развалом камней. Возможно, обгорелые остатки восточной стенки конструкции и ее угол служили чем-то вроде низкой изгороди, к которой сносили или сдвигали камни. Никаких углубленных в материк сооружений или столбовых ям в ее пределах прослежено не было.

Завершая описание развалов камней и конструкций, зафиксированных в культурном слое, необходимо отметить, что основная доля находок, обнаруженных в культурном слое, не связывается непосредственно ни со скоплениями камней, ни с остатками деревянного сооружения, ни с пятнами сооружений, которые фиксировались на уровне зачистки материка. Совсем не было индивидуальных находок в культурном слое в восточной половине раскопа.

В толще культурного слоя выше уровня залегания развалов камней было обнаружено 5 индивидуальных находок: 3 стеклянные бусины, фрагменты лезвия ножа и фрагмент серебряного арабского дирхема — 1/4 часть монеты. Согласно определению сотрудника отдела нумизматики Гос. Эрмитажа И. Г. Добровольского, фрагмент принадлежит аббасидскому дирхему 2-й половины VIII—I-й половины IX в. Место и год чеканки установить невозможно.

На уровне развалов и скоплений камней обнаружено 10 индивидуальных находок: 5 стеклянных бусин разных типов, 3 фрагмента железных ножей, фрагменты плоского глиняного пряслица и железной поделки. Ниже горизонта развалов найдены 3 стеклянные бусины, 3 звена бронзовой цепочки, а при зачистке после снятия горелого слоя в западной части раскопа — 4 стеклянных бусины (двухчастная голубая пронизка; шарообразная прозрачная голубая; фрагмент желтой пронизки с продольным рифлением; круглая желтая), железный нож и фрагмент литейной ложечки. Эти последние находки достоверно принадлежат к древнейшей части культурного слоя, что касается остальных, то в условиях отмеченных особенностей формирования и сохранности культурного слоя их привязка к тому или иному горизонту достаточно условна.

Несмотря на небольшую площадь раскопа и незначительную мощность культурного слоя, наблюдения над стратиграфией и пространственным распределением сооружений, заглубленных в материк, позволяют сделать ряд предварительных выводов о последовательности освоения исследованного участка в древности. Не оставляет сомнений производственный характер большинства подобных сооружений в восточной части раскопа. Остатки прокаленного пода горна или металлургической печи в одном из них, обилие шлаков в заполнении других, и даже в пахотном слое над ними, наконец, находка донца оплавленного тигля свидетельствуют о том, что эти сооружения связаны с металлургическим производством. Отсутствие четких контуров у незначительно углубленных сооружений свиде-

тельствует о том, что они были наземными, легкими, временными. Остатки некоторых сооружений явно не использовались для сбрасывания в них угля, шлаков и камней от сводов металлургической печи, о чем свидетельствует характер нижних слоев заполнения ям. Необходимо также отметить отсутствие в упомянутых конструкциях и находок бытовых предметов. Исключение представляет только заполнение ямы-сооружения *б*, в котором встречены бусы и бронзовые поделки, однако оно настолько нарушено порами, что в него могли попасть и вещи из культурного слоя другого происхождения.

Сооружения, связанные с металлургическим производством, перекрыты серым плотным, однородным гумусированным культурным слоем, содержащим скопления камней, развалы керамики и основное число индивидуальных находок.

В свою очередь, в пределах этого слоя выделяется в западной части раскопа золистый горизонт с включениями обожженного камня и обгорелыми деревянными конструкциями, но без шлаков. Выявленные остатки угля деревянной конструкции из обгорелых плашек, перекрытые развалом камней, трудно определенно интерпретировать. Однако необходимо указать близкую аналогию на открытом поселении IX—XI вв. Тимерево в Ярославском Поволжье, где было зафиксировано сочетание развалов мелких камней с деревом нижних венцов срубов мелких сооружений типа «укрепленных шалашей», где перекрытия-навесы устанавливались на 1—2 венца, укрепленных камнями срубных конструкций [Дубов, 1982: 157—158, 208; Томинский, 1982: 188, 191]. Интересно, что этнограф А. А. Шенников, подробно описавший «укрепленные шалаша-вежи» — легкие хозяйственные или жилые постройки, усадебные кухни, в которых перекрытие ставится сразу на 1—2 венца сруба, связывает эту строительную традицию именно с зоной лесного полукочевничества финно-угорских народов, а древнейшее упоминание соответствующего термина в летописи относится не к Поволжью, а к местам, находящимся в непосредственной близости от района наших исследований (1228 г. — возвращение еми после похода на Русь через земли карел; упоминание «веж» как построек-убежищ) [Шенников, 1974: 73—75].

Горизонт развалов и скоплений камней и керамики является самым поздним из прослеженных в раскопе, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что развалы керамики не переотложены, а повреждены уже современной распашкой. Индивидуальные находки,

обнаруженные в культурном слое, датируют наиболее позднюю, связанную с жилым и хозяйственным, а не производственным освоением исследованного участка фазу жизни на поселении.

Наиболее представительным материалом из раскопок поселения является серия бус. Анализ этой коллекции дал неожиданные результаты.¹ Если учесть небольшие размеры раскопанной площади и незначительную мощность культурного слоя, то по концентрации бус Сясьский археологический комплекс оказывается на одном уровне с Земляным городищем Старой Ладogi [Богуславский, Мачинская, 1993: 119] и Рюриковым городищем под Новгородом. При соответствии в целом коллекции бус Сясьского городища набору бус, характерных для Земляного городища Старой Ладogi, бросаются в глаза некоторые существенные отличия. Так, рубленый бисер, количественно доминирующий в Старой Ладoge, здесь занимает куда более скромное место. Нельзя не отметить значительный процент глазчатых бус. В Старой Ладoge их доля достигает близкого значения лишь во время функционирования мастерской по производству стеклянных бус (780-е—840-е годы).

Впервые обнаружен на поселении близ городища фрагмент монеты — серебряного аббасидского дирхема второй половины VIII—первой половины IX вв. Металлические изделия представлены серией железных ножей, ледоходным шипом, фрагментами мелких бронзовых пронизок и цепочек. Керамика на исследованном участке найдена исключительно лепная, что позволяет определить верхнюю хронологическую границу существования поселения, приходящуюся на рубеж между первой и второй четвертями X в.

Тонкий культурный слой, на большей части раскопа нарушенный или вовсе переложенный распашкой, отсутствие наглядной стратиграфии и небольшая исследованная площадь не позволяют сделать безоговорочных утверждений относительно наличия и отсутствия определенных этапов заселения и застройки рассматриваемого участка поселения. Однако то, что сооружения, связанные с металлургией, были разобраны, и их остатки попали в заполнение выкопанных в материке ям еще в период жизни поселения, а культурный слой, содержащий большинство индивидуальных находок и развалов

¹ Выражаем глубокую благодарность сотруднику Гос. Эрмитажа Я. В. Френкелю за консультации по проблемам датировки и определению центров производства бус из рассматриваемых раскопок.

ленных сосудов, сформировался уже после их разрушения и, по-видимому, после пожара, следы которого фиксируются в западной части раскопа, позволяет предполагать наличие двух периодов освоения этой территории. Первоначально здесь фиксируется только производственная зона, а затем, вероятно, следы жилой зоны поселения, распространяющейся и на этот участок берега р. Сясь.

Первоначальное деление поселения на жилую и производственную зоны с последующим «наступлением» построек жилого типа на ремесленную часть поселения прослежено для X в. на поселении Городок на р. Ловать у Великих Лук [Горюнова, 1988: 51]. Там же обнаружены и остатки производственных сооружений, среди которых следует искать аналоги наземным постройкам с металлургическими печами, сложенными из камня [Горюнова, 1988: 52].

ЛИТЕРАТУРА

- Браденбург Н. Е.*, 1895. Курганы Южного Приладожья. МАР. № 18.
- Решников Н. И.*, 1915. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // ЗОРСА РАО. Т. XI. С. 35—42.
- Колмогоров А. И.*, 1914. Тихвинские курганы // Тр. XV АС. Т. 1. М.
- Рассказов В. И.*, 1929. Отчет о разведке в Тихвинском районе Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929 г. Оп. 1. Дело 123.
- Равдоникас В. И.*, 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. Вып. 94.
- Кочуркина С. П.*, 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск. С. 411—434.
- Дубов И. В.*, 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Томшинский С. В.*, 1982. Постройки Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 188—192.
- Шенников А. А.*, 1974. О значениях термина «Вежа» // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 73—76.
- Богуславский О. И., Мачинская А. Д.*, 1993. Сяское городище и поселения Нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Петербургский археологический вестник. № 6. Л. С. 117—122.
- Горюнова В. М.*, 1988. Ремесленные комплексы Городка на Ловати (X—начало XI вв.) // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Т. II. Киев: Наукова думка. С. 51—55.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Памяти Семена Степановича Гейченко

Археологические исследования на территории Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» производились неоднократно, начиная, по крайней мере, с конца прошлого века (Окулич-Казарин, 1914). Но целенаправленное изучение здесь древностей допушкинской поры относится только к 1960-м—1980-м годам. В 1969—1973 гг. по инициативе С. С. Гейченко раскопки городищ Ворошич и Савкина Горка проводила экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого (1972: 110—125; 1998: 28—53). В 1980—1982 гг. разведки в заповеднике, также инициированные дирекцией заповедника, проводил автор статьи (Белецкий С., 1998). Кроме того, в 1970—1990-е годы систематические разведки в Пушкиногорском районе Псковской области ведет М. Е. Васильев — один из старейших сотрудников музея-заповедника (Васильев, 1997; Васильев, Филимонов, 1992). В результате всех этих работ появилась возможность достаточно полно восстановить некоторые страницы «далекого прошлого Пушкинского уголка», остававшиеся еще несколько десятилетий назад практически неизвестными.¹

Памятники археологии, известные в черте Пушкинского заповедника, относятся к разному времени — от эпохи неолита, бронзы и раннего железного века и вплоть до Нового времени. Наибольшее число известных памятников относится к эпохе средневековья, то есть к тому времени, когда в низовьях Сороты существовал псковский пригород Воропоч. Город находится на левом берегу р. Сороть, у ее излучины, на окраине д. Ворошич. В XIV—XVII вв. город неод-

¹ «Что же касается до памятников древности, находящихся здесь на поверхности земли и в ее недрах, то о них вообще нет подробных сведений», — писал в брошюре 1927 г. академик С. Ф. Платонов (1927; 1998:16).

пократно упоминается в летописях как один из важнейших опорных пунктов на литовско-псковском рубеже (Далекое прошлое Пушкиногорья, 1, 1998: 42—56). Подробное описание города и округи в конце XVI в. содержит писцовая книга 1585—1587 гг. (Далекое прошлое Пушкиногорья, 1, 1998: 57—65).

Городище Воронич — детинец средневекового города — занимает высокий останец коренного берега, образованный двумя оврагами. С южной стороны городище защищено валом (высота от поверхности площадки 8 м) и рвом. Склоны эскарпированы. Площадка городища имеет размеры 110 × 100 м. Высота над поймой 15—19 м. Центральная часть площадки овальная. С мысовой стороны, противоположный рву, к ней примыкают два террасообразных выступа, придающих площадке трапециевидную форму. Через выступы на площадку идут два въезда, поднимающиеся вдоль северо-западного и северо-восточного склонов; возможно, на выступах находились башни с въездными воротами. Учитывая тот факт, что в 1426 г. при штурме Воронича войска великого литовского князя Витовта использовали стенобитные орудия, не исключено, что город располагал каменными фортификациями, которые, правда, пока археологически не обнаружены.

Городище Воронич известно в научной литературе с конца XVIII в. В 1951 г. шурф на его площадке заложила С. А. Тараканова, в 1956 г. — Н. А. Раппопорт. В 1969 г. небольшие раскопки здесь проводила экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого. Зафиксированный в шурфах культурный слой (темно-серый до темно-коричневого и интенсивно-черного гумусированный суглинок с прослойками угля, золы, древесного тлена, прокаленной почвы) достигает мощности 1,9 м. В основании слоя вскрыты деревянные настилы со следами пожара. В слое найдены круговая керамика XIII—XVI вв., ледоходный шип, шиферные пряслица, пожи, точильные камни.

На площадке городища находится родовое кладбище Осиповых-Вульф. В процессе музеефикации городища, проводившейся в 1970-е годы по инициативе С. С. Гейченко, здесь были расчищены и укреплены современной кладкой фундаменты ц. Св. Георгия. Здесь же размещена небольшая экспозиция каменных крестов, свезенных с территории Пушкиногорского района.

Посады города Воронич археологически зафиксированы тремя селищами. *Селище Воронич I* находится на левом берегу р. Сороть,

в черте деревни, отделено от городища оврагом. В XIII—XVI вв. оно являлось Великим (Большим, Верхним, Горним) посадом города. Площадь селища превышает 10 га. Культурный слой (интенсивно-черный или темно-коричневый суглинок) имеет мощность 0,3—1,1 м, прослежен пятнами. В подъемном материале собраны фрагменты крутовой керамики XIII—XX вв. Уличная планировка современной деревни соответствует описанию 1585—1587 гг. В 1998 г. были проведены небольшие охранные раскопки на северо-западной окраине д. Воронич, в периферийной части Великого посада. Мощность культурного слоя здесь достигает 0,4 м, слой крайне бедный, сильно нарушен поздними перекопами. Среди найденной керамики преобладают фрагменты сосудов XV—XVIII вв., хотя встречены и редкие фрагменты сосудов XIII—XIV вв. (Белецкий С., 1999а: 23—32). На погосте д. Воронич по инициативе С. С. Гейченко были расчищены и укреплены современной кладкой фундаменты ц. Воскресения Христова.

Селища Воронич 2 и Воронич 3 в XIV—XVI вв. составляли Козмодемьянский посад города, располагавшийся на правом берегу р. Сороть, напротив городища. В настоящее время этот посад разрезан на две части новым руслом реки. *Селище 2* находится на левом берегу р. Сороть, к северо-востоку от городища, от которого оно отделено заболоченным руслом старицы. Площадь селища около 1,6 га. Границы распространения культурного слоя (темно-коричневый до черного гумусированный суглинок мощностью до 0,7 м) определяются руслом старицы и современным руслом реки. В подъемном материале собраны фрагменты крутовой керамики XV—XVI вв. *Селище 3* находится в пойме правого берега р. Сороть, напротив селища 2. С юго-востока, юга и юго-запада оно ограничено берегом р. Сороть, с северо-запада границей селища являлся ручей, с севера и северо-востока — цепочка прудов, соединенных ручьем. Возможно, правы М. Е. Васильев и Б. Н. Харлашов, считающие, что цепочка прудов представляет собой остатки искусственного рва (Васильев, Харлашов, 1997: 128), хотя не исключено, что это следы почти пересохшего рукава р. Сороть, ограничивавшего Козмодемьянский посад с севера и северо-востока и превращавшего территорию посада в остров, образованный двумя рукавами р. Сороть. Площадь селища достигает 6,7 га. Границы распространения культурного слоя (черный и темно-коричневый гумусированный суглинок с обильной примесью угля мощностью до 1 м) определяются

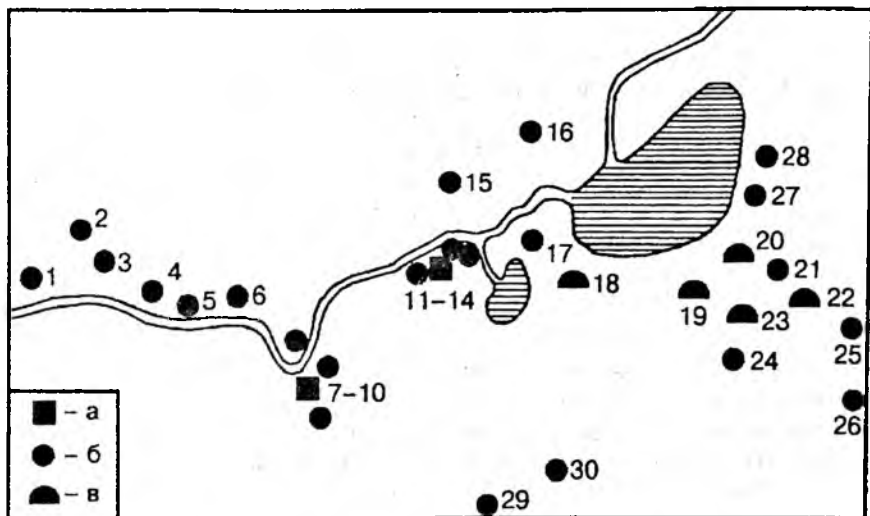

Рис. 1. Карта археологических памятников Пушкинского заповедника:

а — городище; *б* — селище; *в* — курганный могильник.

1—6 — Железово; 7—10 — Вороница; 11—14 — Савкино; 15 — Зимари; 16 — Дедовцы;
17—24 — Михайловское; 25 — Косохново; 26 — Ромашки; 27—28 — Петровское; 29 — Лутовка;
30 — Бугрово.

с севера ручьем, а с запада, юга и востока — современным руслом реки. В подъемном материале собраны фрагменты круговой керамики XV—XVI вв. Следы пожара и отсутствие надежных материалов позднее XVI в. не исключают того, что после гибели города в 1581 г. Козмодемьянский посад фактически прекратил свое существование и более не возрождался. Учитывая, однако, что керамику конца XVI в. трудно отличить от керамики начала XVII в., с большим основанием следует связывать пожар с событиями 1607 г. или даже с разгромом Вороницы в 1634 г.

Микрорегион, составляющий округу города Вороница, находится в низовьях р. Сороть (рис. 1) на пограничье между супесями и карбонизированными суглинками (Белецкий В., 1972; 1998; Белецкий С., 1998: 58—77; Малишова, 1999: 33—36). Наибольший интерес среди них представляет группа памятников, находящаяся в ближайших окрестностях усадьбы А. С. Пушкина Михайловское: здесь известно городище, селища и несколько могильников, относящихся ко времени от второй половины I тыс. по Р. Х. и до XI—XIII вв. включительно.

Древнейшим из поселений близ усадьбы Михайловское является *селище Михайловское I*. Оно находится в 0,3 км к западу от дома-музея Пушкина, занимает площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Сорочь в пространстве между рекой и оз. Маленец. Площадь селища около 3 га. В 1980 г. при геофизическом обследовании селища, проведенном А. К. Станюковичем, были выявлены ряды аномалий, над одной из которых был заложен шурф 1 × 1 м. Культурный слой (0,7 м): темно-коричневый рыхлый суглинок с включением частиц угля и угольной прослойки, разделившей напластования на верхний и нижний слои. Найдены фрагменты грубой лепной керамики баночных и тюльпановидных форм, фрагменты сковород. В материке открыта яма, большая часть которой уходит за пределы шурфа; в заполнении ямы найдены, наряду с фрагментами сосудов баночной формы, также обломки профилированных лентных сосудов. В северо-западной оконечности селища в подъемном материале встречены фрагменты круговой керамики XIII—XVI вв.

Могильник Михайловское I известен с конца XIX в. Он находится в парке усадьбы. Насчитывает 16 курганов: 7 круглых полусферических (диаметр 7—18 м, высота 0,7—1,6 м) и 9 длинных (11,5—21 × 5—6 × 0,9—1,5 м). Курганы располагаются двумя цепочками в направлении с юго-востока на северо-запад, пересекают Еловую аллею парка, Липовую аллею («Аллею Керн») и дорогу, ведущую от Большой поляны в сторону «Дороги, изрытой дождями». С юга могильник примыкает к селищу Михайловское I. Раскопки могильника производились в 1900-е годы И. К. Линдеманом и Г. А. Пушкиным: в одном из курганов обнаружен железный нож, результаты раскопок второго кургана неизвестны.

Могильники Михайловское 2—3 раскопкам не подвергались. *Могильник Михайловское 2* находится в 0,2 км к северо-востоку от хоз. двора музея-заповедника, насчитывает 4 круглых полусферических кургана (диаметр 7—16 м, высота 0,8—1,5 м). *Могильник Михайловское 3* находится в 1,3 км к востоку от хоз. двора музея-заповедника. Насчитывает 6 курганов: 4 круглых полусферических (диаметр 7—10 м, высота 0,9—1,3 м), овальный (10 × 7 × 1 м) и комбинированный (27 × 6—8 × 0,7—1,4 м). Возможно, еще один курган был полностью уничтожен траншеями времени Великой Отечественной войны. Не раскопан также *одиночный курган Михайловское*, обнаруженный в 0,1 км к юго-западу от хоз. двора музея-заповедника. Это круглая насыпь с уплощенной вершиной (диаметр 9 м, высота 0,8 м).

Могильник Михайловское 4 находится в 0,25 км к востоку от хоз. двора музея-заповедника, насчитывает 6 курганов (2 длинных, 24—30 × 6—7 × 1 м; 4 круглых диаметром 7—10 м, высотой 0,9 × × 1,5 м) и 4 круглых жалыничных оградки (диаметр 2,5—3,5 м). Раскопками 1973 г. исследован один жалыник: могильная яма ориентирована с севера на юг, на дне зафиксирована угольная прослойка, погребение отсутствует. В заполненной могильной яме найден фрагмент стенки кругового сосуда.²

Городище Савкино («Савкина Горка») известно с конца XIX в. Находится у восточной окраины деревни. Занимает мыс коренного левого берега р. Сороть. С запада отделено от плато оврагом, с юга — искусственным рвом. Склоны эскарпированы. Площадка овальная, размерами 90 × 52 м. Высота над поймой р. Сороть 13—15 м. Поверхность площадки имеет небольшое всхолмление в центральной части и общее понижение к северу, в сторону мыса. На центральном всхолмлении площадки городища в настоящее время восстановлена часовня, известная по фотографиям XIX в.

Название памятник получил по т. н. «Савкиному камню» — валуниному камню с надписью: «Лета 7021 постави крестъ Сава полъ» находящемуся перед восстановленной часовней. На поверхности камня имеется выемка под каменный крест. В 1960-е годы по инициативе С. С. Гейченко на камень был поставлен каменный крест, найденный, по сведениям С. С. Гейченко, близ д. Дериглазово (Гейченко, 1971: 197). Палеографические различия в надписях на кресте и камне, а также ошибки в формуле надписи заставляют взять под сомнение одновременность креста Савкиному камню. На площадке городища находятся еще несколько каменных крестов, перевезенных сюда с территории Пушкиногорского района Псковской области (один из крестов, по сведениям С. С. Гейченко, происходит с уничтоженного жалыничного могильника у д. Козляки). Здесь же стоит каменный антропоморфный идол, перевезенный сюда, по сведениям С. С. Гейченко, из окрестностей с. Велье (Александров, 1983).

Городище неоднократно обследовалось археологами. В 1970—1973 гг. раскопки здесь проводились экспедицией Государственного

² Еще один могильник культуры длинных курганов — Михайловское 5 — исследовался С. В. Степановым; материалы раскопок пока остаются неопубликованными.

Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого (1972; 1998). Исследованный культурный слой достигает 1,7 м, представлен темно-серой до черной супесью с включением прослоек угля, золы, песка, древесного тлена. Стратиграфически выделяются три слоя, соответствующие трем периодам жизни памятника. Нижний слой (0,1—0,15 м) сохранился только под насыпью вала. В нем найдены фрагменты лепной керамики конца (?) I тыс. по Р. Х., а также единичные обломки штрихованной керамики эпохи раннего железного века.

Основной слой (1,4 м) содержит два горизонта застройки срубными постройками с печью-каменкой в углу. С этим временем связано возведение на южном краю площадки городища подковообразного (?) в плане вала, насыпанного из плотной глины. В слое найдены бронзовые украшения, орудия труда ювелира, предметы быта, предметы вооружения и снаряжения боевого коня, предметы, связанные с рыболовным промыслом, и др., а также фрагменты круговой керамики XI—XIII вв. Произведенный Ю. М. Лесманом анализ датирующих предметов из прослойки пожара, в котором погибли постройки верхнего горизонта основного слоя, позволил датировать гибель поселения в интервале 1224—1238 гг. (Лесман, 1994: 146—153).

Верхний слой (0,3 м) содержит фрагменты круговой керамики и предметы XVI в.; с этим слоем связана раскрытая раскопками подпольная яма наземной постройки.

В непосредственной близости от городища Савкино открыты три селища, два из которых, судя по подъемному материалу и находкам в шурфах, относятся к домонгольскому времени. *Селище Савкино 1* находится в 0,1 км к востоку от городища и занимает площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Сороть. Площадь его 0,6 га. Культурный слой: серая гумусированная супесь мощностью 0,2—0,6 м. Находки в шурфе и подъемном материале представлены фрагментами лепной керамики конца I тыс. по Р. Х., а также обломками круговой керамики XII—XIII вв. *Селище Савкино 2* находится в 0,5 км к востоку от городища, занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Сороть при протоке из реки в оз. Маленец. Площадь его 0,4 га. Культурный слой: светло-серая слабо гумусированная супесь мощностью 0,2—0,4 м. В подъемном материале встречены кремневый наконечник дротика и фрагменты круговой керамики XII—XIII вв.

Картирование известных в окрестностях Воронича памятников археологии позволяет проследить постепенный процесс освоения территории (рис. 2). К раннему железному веку и более раннему

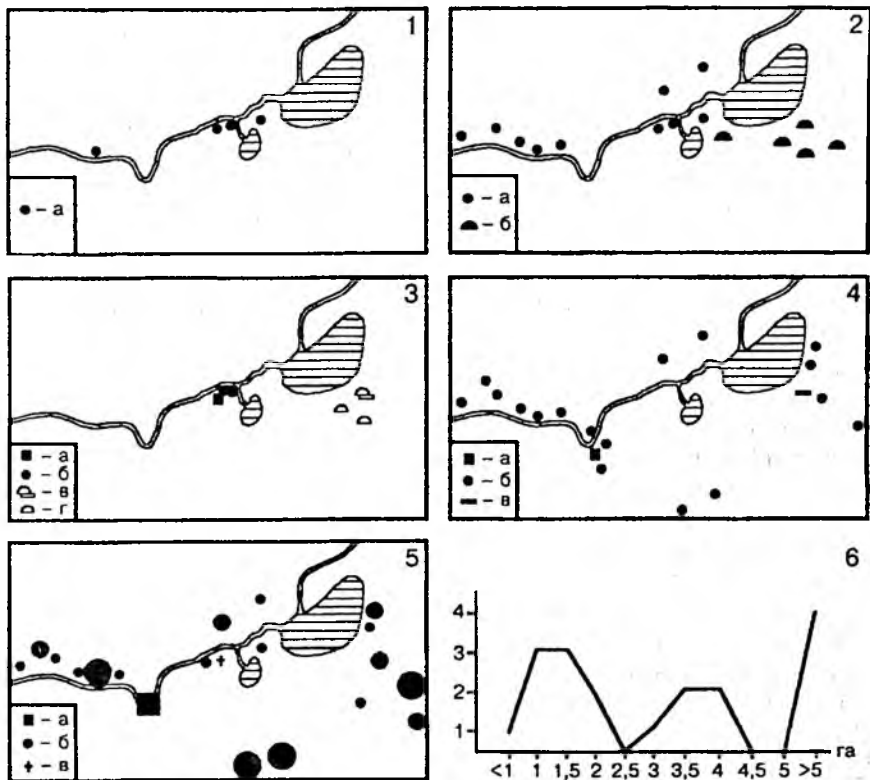

Рис. 2. Заселение Нижнего Посоротья в VI—XX вв.:

1 — местонахождения (а) эпохи неолита и раннего железного века; 2 — памятники середины—второй половины I тыс. по Р. Х. (а — селище; б — курганный могильник); 3 — памятники XI—XIII вв. (а — городище; б — селище; в — кургано-жальничный могильник; з — курганный могильник, курган; сплошной заливкой обозначены памятники, уверенно отнесенные к XI—XIII вв.); 4 — памятники XIII—XIV вв. (а — городище; б — селище; в — жальничный могильник); 5 — памятники XV—XVII вв. (а — город; б — сельское поселение; размер знака обозначает площадь распространения подъемного материала; в — монастырь); б — график распределения поселений XV—XVII вв. по площади распространения подъемного материала.

времени относятся единичные местонахождения (рис. 2, 1). Стабильное освоение низовьев р. Сороть относится только к середине I тыс. по Р. Х., когда здесь появляются носители культуры длинных курганов: им принадлежали, по крайней мере, три могильника и три селища, однако велика вероятность того, что и другие селища, при обследовании которых найдены мелкие фрагменты лепной керамики, также относятся ко второй половине I тыс. по Р. Х. (рис. 2, 2).

В конце I тыс. по Р. Х. появляется и вплоть до начала XIII в. функционирует поселение на площадке городища Савкино. В это время Савкина Горка — единственное укрепленное поселение в низовьях р. Сороты (рис. 2, 3), контролировавшее водно-торговый путь из Великой по Сороте и далее по системе рек в Ловать. Напрашивается оценка этого поселения в качестве административно-политического и ремесленного центра округа в XI—XIII вв. Однако нельзя не заметить, что вся округа в это время представлена фактически двумя селищами, расположенными в топографической близости от городища. Очевидно, что поиски памятников домонгольского времени в Нижнем Посоротье продолжают оставаться важнейшей задачей дальнейших полевых исследований.

Картина сельского расселения в Нижнем Поволжье заметно меняется во второй половине XIII—XIV вв.: после того как в 1220-е годы гибнет и более не возрождается в прежнем качестве укрепленное поселение на Савкиной Горке,³ возникают городище Воронич и селище Воронич I — детинец и Великий посад города Вороноча. Преемственная связь между Савкиной Горкой и Вороничем, установленная В. Д. Белецким, в настоящее время принята всеми исследователями (Артемьев, 1998: 36—40; Васильев, Харлашов, 1997: 127): поселение на Савкиной Горке традиционно признано древнейшим Вороночем, сменившим в XIII в. местоположение на более удобное и выгодное с точки зрения фортификационных возможностей. Замечу, что именно с этого времени начинает формироваться сельская округа города (рис. 2, 4), окончательно сложившаяся в XV—XVII вв. (рис. 2, 5). Площади распространения подъемного материала позволяют выделить три группы поселений — 1—2 га, 3—4 га и более 5 га (рис. 2, 6). К XV—XVI вв. формируется и топографическая структура самого Вороноча, блестяще реконструированная М. Е. Васильевым и Б. Н. Харлашовым (1997: 127—130). Отмечу некоторое сокращение количества поселений в XVII в. по сравнению с предшествующим временем: это, безусловно, соответствует зафиксированному в письменных источниках запустению края в годы Ливонской войны, в Смутное время и вплоть до Андрусовского перемирия 1667 г.

Сформировавшееся в XIV—XVI вв. размещение сельского населения зафиксировано картографическим материалом начала XX в.,⁴ при этом малые селища (размерами 2 га и менее) в тенденции

³ В XVI в. на площадке городища, возможно, находился монастырь, погибший в 1581 г. (?)

⁴ Карты Генерального штаба, р. VIII, л. 7, 1913.

соответствуют однодворным деревням, а крупные селища XV—XVII вв. — крупным (более 10 дворов) деревням. Очевидно, что сложившаяся к XVI в. система расселения оказалась оптимальной, способной существовать не только в качестве сельской округи города, но и вполне независимо от него — после утраты городом своих прежних функций. Правда, еще в 1719 г. Воронич обозначен как *пригород*, но уже в масштабах Опочецкого уезда, а не Псковской губернии, наследовавшей, в конечном счете, прежней Псковской земле.

Особым сюжетом в археологии Пушкинского заповедника является археологическое изучение усадеб предпушкинской и пушкинской поры — «усадебниц», как удачно обозначил этот круг древностей Г. Н. Василевич (1999: 5—6). Археологические исследования в усадьбах Тригорское, Михайловское и Петровское в последние годы проводит псковский археолог Ю. Б. Бирюков (1998: 19—24). В июле—августе 1999 г. археологические исследования усадьбы Воскресенское конца XVIII—начала XX вв. проводила по просьбе дирекции Государственного Пушкинского заповедника Псковская областная экспедиция ИИМК РАН (Белецкий С., 1999б: 37—57; 1999в: 24—27). Эта усадьба в 1782—1801 гг. принадлежала И. А. Ганнибалу — четвертому сыну арапа Петра Великого. В течение первой половины—середины XIX в. она несколько раз меняла хозяев, а с конца 1850-х годов перешла во владение И. Крестина — родоначальника купеческой династии Крестинных. В феврале 1918 г. усадьба была сожжена и после этого не возрождалась.

Установлено, что сохранившиеся до нашего времени руины построек относятся ко второй половине XIX—началу XX вв. Постройки конца XVIII в. на современной дневной поверхности не фиксируются. Обследованы фундаменты жилого дома купцов Крестинных: выяснена строительная история здания, погибшего в пожаре 1918 г., и установлено, что перед пожаром дом был полностью разграблен. Под остатками дома Крестинных обнаружены фрагментарно сохранившиеся остатки северного флигеля барского дома И. А. Ганнибала (ок. 1784 г.). По раскрытым фрагментам кладок удалось восстановить плановое решение постройки. Изучение строительных материалов позволило установить, что здание флигеля конца XVIII в. было разобрано непосредственно перед началом строительства дома Крестинных (конец 1850-х—1860-е гг.), причем при строительстве дома Крестинных были использованы не только кирпичи, изготовленные на кирпичном заводе, принадлежавшем Крестину, но и кирпичи от разобранный постройки конца XVIII в.

Анализ сохранившегося плана усадьбы И. А. Ганнибала (1786 г.) и соотнесение его с современной топосъемкой территории усадьбы

позволил установить, что подавляющее большинство построек, зафиксированных планом 1786 г., в более позднее время не были застроены и потому их фундаменты доступны для археологического изучения и последующей музеефикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А. А.*, 1983. О следах язычества на Псковщине // КСИА. № 175.
- Артельев А. Р.*, 1998. Города Псковской земли в XIII—XV вв. Владивосток.
- Белецкий В. Д.*, 1972. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А. С. Пушкина // АСГЭ. № 18. Л.
- Белецкий В. Д.*, 1992. Археологические работы в Государственном заповеднике имени А. С. Пушкина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 2. Археология. СПб.
- Белецкий С. В.*, 1998. Пушкинский край по данным археологии // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 2. Археология. СПб.
- Белецкий С. В.*, 1999а. Новые исследования псковского пригорода Вороноча // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб.
- Белецкий С. В.*, 1999б. Раскопки усадьбы Воскресенское в 1999 г. // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб.
- Белецкий С. В.*, 1999в. Раскопки усадьбы конца XVIII—начала XX вв. в Пушкинских Горах // Археология Петербурга, III (1998). СПб.
- Бирюков Ю. Б.*, 1998. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское // Михайловская Пушкиншана. Вып. 5. (Пушкинские Горы). С. 19—24.
- Василевич Г. П.*, 1999. Пушкиногорье. Юбилейные заметки // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб.
- Васильев М. Е.*, 1997. Минувшее проходит предо мною... Псков.
- Васильев М. Е., Филимонов А. В.*, 1992. Велье. Пушкинские Горы.
- Васильев М. Е., Харлашов Б. П.*, 1997. Посады Вороноча // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. I. СПб—Псков.
- Гейченко С. С.*, 1971. У Лукоморья: Записки хранителя Пушкинского заповедника. Л.
- Далекое прошлое Пушкиногорья, 1998. Вып. 1. История. СПб.
- Лесман Ю. М.*, 1994. К хронологии городища Савкина Горка // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. СПб.
- Машинова О. Ю.*, 1999. Обследование средневековых сельских поселений в окрестностях Вороноча // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. Культурология. Новые археологические исследования. СПб.
- Окулич-Казарин Н. Ф.*, 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ПАО. Т. X. Псков.
- Платонов С. Ф.*, 1998. Далекое прошлое Пушкинского уголка. Л., 1927; см.: Далекое прошлое Пушкиногорья, 1998. Вып. 1. История. СПб.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ КАК ИСТОЧНИК ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ СВЯЗЯМ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В VIII—начале XIII вв.

Общее число стеклянных бус в памятниках болгарского времени (VIII—XIV вв.) в Среднем Поволжье и Прикамье составляет в настоящее время более 20 тысяч экз. Большая часть коллекций происходит с памятников, ставших классическими, значение которых выходит далеко за пределы региона (Больше-Тарханский, Больше-Тиганский, Танкеевский могильники, Биляр, Болгар и др.). Благодаря работам В. Ф. Геншига, А. Х. Халикова (Геншиг, Халиков, 1964), Е. П. Казакова (Chalikova E. A., Kazakov E. P., 1977, 1991, 1992), Е. А. Халиковой (Chalikova E. A., Chalikov A. N., 1981) материалы этих памятников, и в том числе бусы, опубликованы. Но только стеклянным изделиям города Болгара посвящено полное специальное исследование М. Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1988).

Среднее Поволжье являлось в конце I—начале II тыс. н. э. важным звеном в международной трансконтинентальной торговой системе на волго-балтийском ее участке. Массовому материалу бусам отводится особая роль в определении направлений торговых связей, характера торговых и обменных операций, их динамики. Бусы используются в решении задач датировки и хронологии памятников. Однако все эти широкие информативные возможности бус открываются после определения места их производства. Методика комплексного использования данных морфологии, технологии и химического состава позволяет достаточно надежно установить ремесленный центр изготовления бус (Щапова, 1989), кроме того, более углубленный технологический подход дает возможность определить тип мастерской и представить организацию производства (Лихтер, Щапова, 1991).

Самым богатым по числу бусинного материала является раннеболгарский период в истории края (VIII—X вв.). Сравнительное

химико-технологическое исследование бус Больше-Тарханского (вторая половина VIII—первая половина IX вв.) и Больше-Тиганского (IX—начало X вв.) могильников показало, что обе коллекции обнаруживают большое сходство (Валиулина, 1996). Большая часть бус (85% в Больше-Тарханском могильнике и 95% в Больше-Тиганском могильнике) изготовлена массовым серийным способом из тянутой стеклянной трубочки в ближневосточных специализированных мастерских, ориентированных на международную торговлю. Такой продукцией являлся рубленый бисер характерного сочетания синего и желтого цветов, многочастные пронизки, в том числе серб-ростеклянные (11,4% и 8%).

Меньшую группу составляют бусы из палочек одноцветных и мозаичных, сделанные в специализированных мастерских Египта и, возможно, Ирака. На последний центр указывают стеклянные настенные плитки, найденные в Самарре, выполненные в технике миллефиори (Museum, 1979, s. 55; Callmer, 1995, s. 53), как и бусы (рис. 1, 1—22). Полуколичественным спектральным анализом установлено, что стекло большей части бус сварено на золе южных растений и может быть выражено формулой Na—Ca—Si(Al)^* . Несколько непрозрачных желтых бус по составу обнаруживают большое сходство с многосвинцовыми стеклами Северного Кавказа VIII—IX вв. (Деопик, 1961, с. 232; Бахтадзе, Деопик, 1963, с. 150) и Западной Европы IX—начала X вв. (Dekóvna, 1980, s. 286—287, t. 80—86).

В поздних погребениях Больше-Тиганского могильника присутствуют кашинные ребристые бирюзовые бусы. Кашинные бусы с бирюзовой и коричневой глазурью есть в Танкеевском могильнике, возможно, их имел в виду Ибн-Фадлан, говоря о зеленых бусах, таких, как «керамика на корабле». В целом наборы бус обоих памятников близки материалам салтово-маяцкой культуры, хотя и несколько беднее последних по разнообразию форм и декора (рис. 1). Это, видимо, обусловлено характером поэтапной торговли и иерархией сбыта (Мастыкова, 1993, с. 15), в которой средневожжский рынок занимал второе место после салтовского. Основная масса восточных бус в VIII—IX вв. поступала в Среднее Поволжье через рынки Хазарского каганата. Но кроме большой близости коллекций бус двух памятников, есть и отличия. В Больше-Тарханском могильнике, который входит в группу болгаро-салтовских памятников, из 358 по-

* Анализ выполнен в лаборатории ВНИИ Геолнеруд НС Р. Х. Храмченковой.

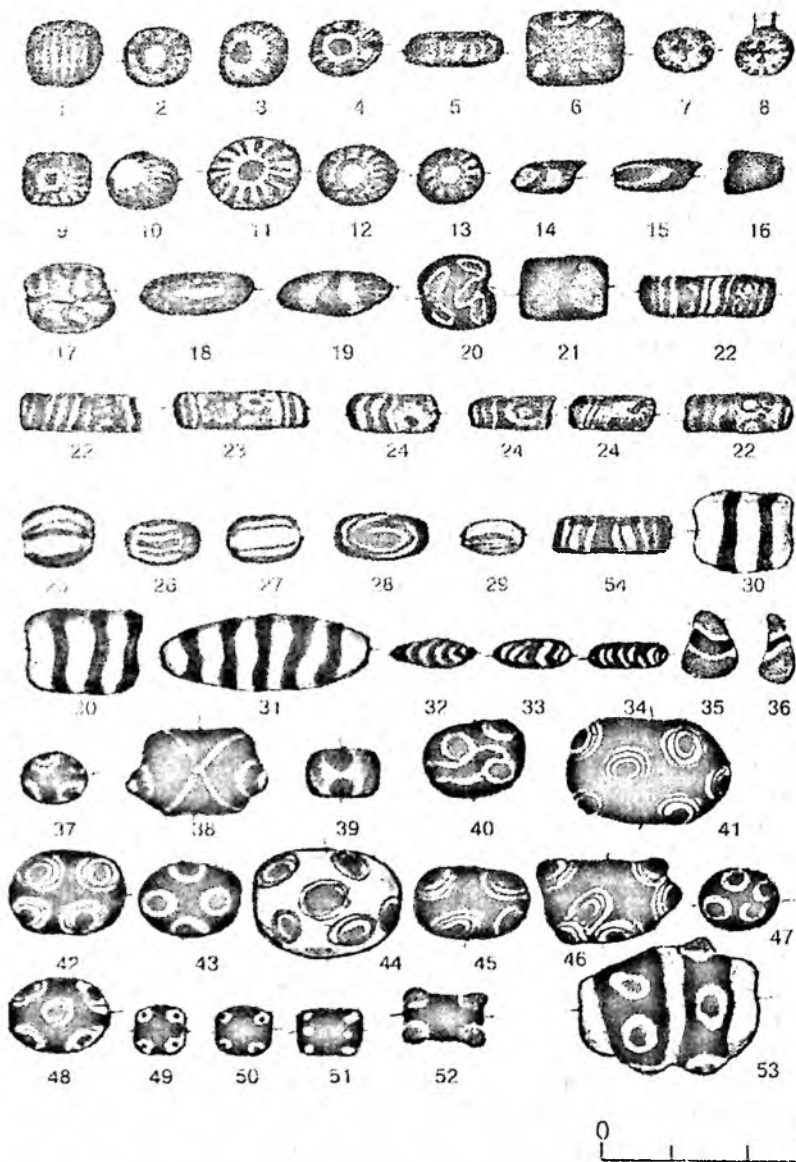

Рис. 1. Полихромные бусы Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников

гребенный бусы присутствуют в 33 в количестве 818 экз. (сохранилось 647), среди них нет каменных. В Больше-Тиганском могильнике — памятнике урало-прикамского круга — из 51 неграбленного погребения (всего 156) бусы найдены в 31, их общее число 2507, в том числе около 100 каменных (Валиуллина, 1996а).

Если исходить из положения, «что относительно малое число бус должно было бы соответствовать реальной цене и истинному положению бус в системе ценностей, обилие бус, напротив, предполагает неэквивалентный обмен и их высокое положение в системе ценностей» (Лихтер, Щапова, 1991, с. 255), то можно предположить более высокий уровень социально-экономического развития населения, оставившего Больше-Тарханский могильник. Однако нужно учитывать, что памятники принадлежат разным этнокультурным группам и существовали с хронологическим смещением.

В Тапкеевском могильнике (середина IX—X вв.) прикамского населения из 1300 погребений бусы содержались в 285 в количестве 10 780 экз. (Казаков, 1994, с. 19). Значительно возрастает число бус каменных, с большим перевесом бус и бисера из гагата (25%). Меняется соотношение в составе стеклянных бус — появляются изделия, выполненные навивкой.

Тенденции, наметившиеся в комплексах Тапкеевского могильника, наиболее ярко выступают в материалах I Семеновского селища. Селище расположено на одном из островов левого берега Камы при впадении в Волгу. Поселение, так же как и другие памятники этого района, ежегодно сильно разрушается Куйбышевским водохранилищем, и после спада воды на отмелях появляется многочисленный подъемный материал, в том числе стеклянные бусы. Важное значение для датировки памятника имеет пумизматический материал. Он включает в себя несколько сот дирхемов X в. Здесь же был обнаружен западно-европейский дирхем XI в. Материалы селища, в том числе бусы (320 экз.), были исследованы и опубликованы Е. П. Казаковым (Казаков, 1991).

Коллекция стеклянных бус I Семеновского селища археологического музея КГУ (сборы Е. А. Беговатова) составляет 1018 экз. Основная масса бус выполнена серийно из тянутой трубочки и представлена следующими видами: рубленный бисер (107 экз.), одночастные лимонки желтые и продольно-полосатые (728 экз.) (рис. 2, I), одна золотостеклянная, многочастные лимонovidные бусы (23 экз.) (рис. 2, III, 9, 10), многочастные пропизки (11 экз.) (рис. 2, III, 1—5).

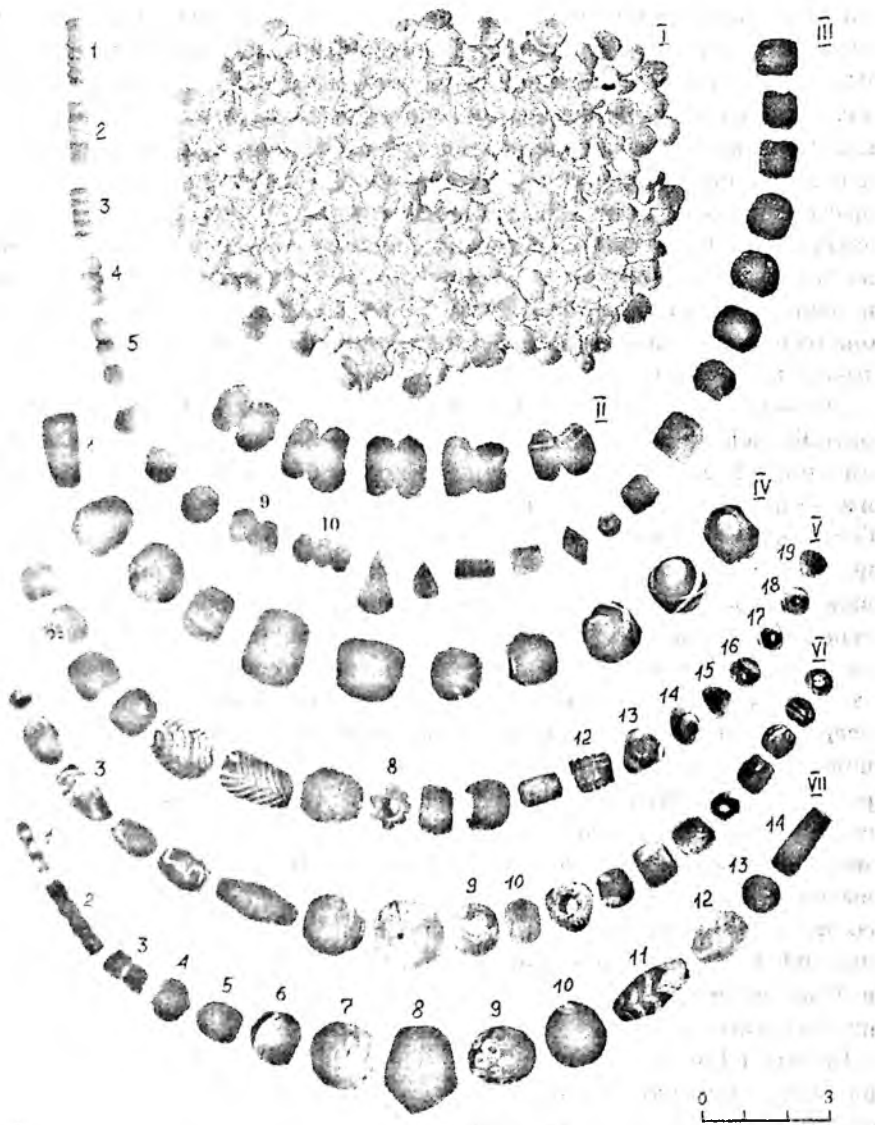

Рис. 2. Бусы средневожских памятников:
 I—IV — I Семеновское селение; V — Измерское селение; VI — Биллярское городище;
 VII — Казань

Лимонок почти все расколоты. Индивидуально изготовленных бус, в основном способом навивки, на I Семеновском селище было найдено 100 экз. Это в основном зонные глазчатые бусы из глухого стекла желтые, зеленые, коричнево-печеночного цвета одноцветные или с глазками; крупные черные (в тонком слое темно-марганцевого 2 экз. и темно-оливкового цвета 18 экз.) с глазками, заключенными в белые петли; одна цилиндрическая мозаичная бусина (рис. 2, IV, 1) датируется, видимо, более поздним временем, чем мозаичные бусы из Больше-Тиганского и Больше-Тарханского могильников и бусы первой группы из Старой Ладоги (Львова, 1968, с. 65), от которых она отличается характером расцветки (преобладают коричнево-желто-зеленые тона).

Особую группу составляют двухчастные бусы (48 экз.) неаккуратной, невыдержанной формы, выполненные индивидуально литьем (рис. 2, II). Все они желтые глухие, большая часть (39 экз.) имеет цветные пятна, которые повторяют цветовую гамму глазков бус второй группы. Очевидно, что эти бусы выполнены из боя бус первых двух групп — лимонок и бус глазчатых. Примеры использования такого вида сырья в процессе рецепции стеклоделия на новой территории известны. На момент производства рассматриваемых бус изготовителями в полной мере еще не были осознаны ни свойства стекла, ни вопросы технологии. Стекло для бус не было достаточно расплавлено и размешано до однородной массы, в результате бывшие четкие глазки с ресничками превратились в бесформенные размазанные пятна на теле бусины. Эти бусы, видимо, можно рассматривать как свидетельство первого, самого раннего, знакомства местного населения с новым материалом. Подтверждением такого вывода служат и находки отходов нового производства и химический состав продукции (Беговатов, Валулина, 1998, с. 7). По сообщению Ю. Каллмера, такие бусы встречены на некоторых памятниках в Финляндии. В случае с семеновскими «бусами-уродцами» мы видим пример пассивного использования импортной продукции (Лихтер, Щапова, 1991, с. 255). Здесь же, на I Семеновском селище, было найдено несколько вставок в перстни, которые пытались сделать из округлых бусин прозрачного голубого стекла путем их незначительного разогрева на плоскости. В результате бывшие бусы приобрели плосковыпуклую форму, канал деформировался и оплыл, но остался заметен.

Хронология коллекции бус I Семеновского селища определяется сопутствующим многочисленным пумизматическим материалом и общей хронологией бус. В результате установлены довольно узкий отрезок времени — последняя четверть X—начало XI вв. и явная рыночная направленность поселения, где доминировала продукция специализированных мастерских Ближнего Востока, выполняющих бусы из трубочек; в значительно меньшей степени присутствуют изделия византийских и, возможно, западно-европейских мастерских, выполненные павивкой.

Следующий важный этап в международной торговле открывается с XI в. В начале так называемого «безмонетного периода» бусам по праву принадлежит приоритет в освещении международных торговых связей. В Среднем Поволжье яркими коллекциями стеклянных изделий, начиная еще с X в., заявляют о себе городские центры Волжской Булгарии.

Коллекция стеклянных бус I Измерского селища (149 экз.), полученная в результате работ Раннеболгарской экспедиции, опубликована Е. П. Казаковым (Казаков, 1991, с. 144—149). В фонде Археологического музея КГУ хранятся 236 экз. бус (сборы Е. А. Бговатова). Практически все бусы (около 98%) выполнены в технике индивидуальной павивки, в основном непрозрачные, с декором из одно- или двухцветных глазков, глазков с ресничками, рисунком «птичье перо», две рубчатые или ребристые (рис. 2, V, 8) и бугристые или ягодovidные (более 7%) (рис. 2, V, 12), бисер. Большую часть (34,3%) составляют так называемые «треугольные» бусы (рис. 2, V, 13—19). Мелкие или средние бусы (диаметр 5—7 мм) зонной, округлой или кольцевидной формы приобрели треугольную форму за счет трех симметрично расположенных выпуклых глазков, выполненных техникой накладки. Сами бусы сделаны павивкой из глухого стекла коричневого, темно-коричневого, почти черного, или зеленого цвета. 49 экз. таких бус имеют одноцветные желтые глазки, у 32 коричневых и темно-коричневых бус глазки двухцветные — на большую желтую каплю наложена малая капля зеленого цвета. Наиболее ранние средневековые треугольные бусы — желтые с синие-бело-синими глазками — известны в погребальных памятниках Северного Кавказа VIII—IX вв. (Деоник, 1961, с. 223). Треугольные зонные коричневого глухого стекла с желто-зелеными глазками найдены в курганах XI—начала XII вв. в Ярославской, Ленинградской, Владимирской, Псковской, Калининской, Брянской

областей вместе с монетами XI в. и бусами-лимопками (Фехнер, 1959), в Белозерье, в погребениях XI—начала XII вв. Нефедьевского могильника (Макаров, 1997, с. 121). Такие же бусы обнаружены в памятниках Нижнего Дуная, вокруг Азовского моря, в Польше, Чехии, Словакии, Бирке (Щапова, 1998, с. 152), в Саркеле-Белой Веже, в Венгрии в погребениях второй половины XI—первой половины XII вв. могильника Халимба-Череш (Szilagyí, 1995, с. 68). В настоящее время карта находок этих бус должна охватывать и Среднее Поволжье. Бусы из непрозрачного коричневого стекла с тремя голубыми глазками присутствуют в погребениях X в. Танкеевского могильника (Казаков, 1977), отдельные бусы найдены на Мурзихинском XI—XIII вв. и Лаишевском XII—XIV вв. селищах (Валиулина, Руденко, 1991, с. 115), в Биляре (7 экз.) в комплексах XI—XII вв. и Болгаре (5 экз.), в том числе одна в домонгольском слое (Полубояринова, 1988, с. 178). Однако бусы из Болгара отличаются большей декоративностью, что выражается в более рельефных выпуклых глазках. Спектральным анализом установлено, что треугольные бусы Измерского, Мурзихинского, Лаишевского селищ и Билярского городища выполнены из свинцово-кремнеземного стекла, то есть имеют тот же химический состав, что бусина из кургана № 26 у деревни Кирьяново Ярославской области (Фехнер, 1959) и бусина из Колобжега (Щапова, 1998, с. 152). Причем во всех случаях в общем совпадает и рецептурная норма стекла изделий — примерно 0,50, — отражающая соотношение песка и окиси свинца. В измерской коллекции треугольным бусам близки небольшие зонные одноцветные бусы печеночно-коричневого, темно-коричневого или зеленого цвета (всего в коллекции КГУ 24 экз.) и бисер тех же цветов (81 экз.). И бусы, и бисер выполнены в технике навивки. В сумме треугольные, одноцветные зонные и бисер составляют 78,8% всей коллекции.

В последнее время высказано предположение о византийском производстве треугольных бус, учитывая изготовление их навивкой, колористическое сходство непрозрачных бус с расцветкой коричневых, желтых и зеленых византийских мозаик XI в., а также исходя из ареала рассматриваемых бус, который часто совпадает с ареалом других характерных бус — золоченых, синих прозрачных (Щапова, 1998, с. 153) или бугристых. Интересно, что в измерской коллекции, как и в других средневожских памятниках, начиная с XI в., практически отсутствуют золотостеклянные бусы. На эту региональ-

ную особенность уже не раз обращали внимание исследователи (Полубояринова, 1978, с. 157). В материалах Измерского селища треугольным бусам сопутствуют цилиндрические прозрачные желтые и зеленые бугристые или ягодновидные (7,3%). Происхождение этих характерных бус в литературе прочно связывается с византийскими мастерскими (Callmer, 1997, Taf. 18, С6; Шапова, 1998, рис. 21, 9). Бугристые бусы из Измери и Биляра сделаны также из свинцово-кремнеземного стекла, как и подобная бусина из Щецина, датированная первой половиной XI в. (Dekóvna, 1980, N 380/68, Tab. 1).

В средние века свинцово-кремнеземное стекло было широко известно. Ираклий, автор X века, достаточно подробно описывает способ получения такого стекла, причем особенно важно, что указывается рецептурная норма, где на две части свинца приходится одна часть песка (Олейников, 1991, с. 37). К этому же времени относится и определение Бируни: «Миша — один из видов стекла, но более мягкий и более тяжелый благодаря перевесу в нем свинца» (Ал-Бируни, 1963, с. 210). В археологических памятниках изделия из свинцово-кремнеземного стекла известны на Дальнем Востоке (Френкель, 1996, с. 86), на Северном Кавказе и в Подолии (Бахтадзе, Деопик, 1963, с. 151), в Хайтхабу, где они составляют 1,3%, и в Щецине во второй половине X в. (Dekóvna, 1980, s. 180, Tab. 94), на Руси (Шапова, 1972, с. 188—189), на Средней Волге. Причиной такой известности рецепта стекла исследователи справедливо считают простоту получения и обработки, а также минимальную зависимость от возможностей сырьевой базы того или иного региона (Френкель, 1996, с. 87). Происхождение измерских бус, вероятно, следует связывать с византийской ремесленной традицией и считать византийским импортом. Но, учитывая единую технологию и рецептурную норму, узость номенклатуры и явную однотипность изделий, можно предположить изготовление большей части бус на месте приезжими мастерами с использованием полуфабрикатов, то есть в мастерских с неполным производственным циклом. Это производство фактически тоже нужно расценивать как одну из статей импорта. Как показывают материалы болгарских городов, и прежде всего Биляра, свинцово-кремнеземное стекло не получает дальнейшего развития. Треугольные бусы условно можно назвать «измерским типом».

Начиная с XI в. количество стеклянных бус в болгарских памятниках, прежде всего городах, резко сокращается и остается относи-

тельно малым в течение всего домонгольского периода. Вместо бус в крупные болгарские города в большом количестве поступают другие импортные стеклянные изделия — посуда и оконное стекло (Валулина, 1998).

Наиболее показателен в данном случае пример Биляра, где на вскрытой площади более 18 тысяч кв. м найдено лишь около 300 бус. Единичными экземплярами представлены многочастные произки, выполненные из тянутой стеклянной трубочки, бóльшая же часть коллекции — это зонные эллипсоидные, битрапецидные и бочонковидные бусы из непрозрачного стекла желтого, коричневого, печеночно-красного, зеленого, серого и черного цвета без декора или с накладным декором в виде точек, глазков и линий (рис. 2, VI). Эти бусы изготовлены навивкой. Центр производства, очевидно, Византия. В Биляре они происходят из слоя XI—XII вв. Очень заметны с XII по первую треть XIII в. полупрозрачные шаровидные и зонные бусы из желтоватого калиево-свинцово-кремнеземного стекла, то есть русские по составу (рис. 2, VI, 9, 10) (Щапова, 1956, с. 165). Считается, что эти бусы делали в подражание хрустальным, и они в большей степени характерны для вятичей. Такие бусы имеют низкую химическую устойчивость, доходят к большой потере щелочей и вследствие этого сильно крошатся. Всего их удалось учесть 51 экз. Только из постройки № 8 на XIII раскопе, где, видимо, жил купец-янтарщик, выходец из северорусских земель, происходит 12 экз. В Болгаре их всего 19 (Полубояринова, 1988, с. 159).

Другим характерным видом русских бус в Биляре являются эллипсоидные с воротничком или без него непрозрачные бусы с желто-коричневым пластичным декором (Валулина, 1991, с. 32) (рис. 2, VI, 3).

Интересно, что источники поступления и пропорциональное соотношение бус повторяют, хотя в значительно меньшем объеме, другой вид стеклянных украшений — браслеты. В Биляре их найдено 20 экз. — все византийского или русского производства.

С XII в. в Биляре появилось собственное производство бус. Причем это произошло в мастерских с полным технологическим циклом, где изготовление бус было дополнительным занятием к основному — изготовлению посуды и оконного стекла. Первой продукцией стали эллипсоидные или зонные бусы из полупрозрачного зелено-голубого стекла, бирюзовый и зеленый непрозрачный бисер;

и то и другое сделано навивкой. Химический состав, как и других биллярских стеклянных изделий, выражается формулой Na—K—Ca—Al—Si , с естественными примесями соединений железа и марганца, стекло для бисера окрашено окисью меди.

В слое древнейшей Казани на территории Кремля найдено около 30 бус (раскопки Ф. Хузина, А. Ситдикова), трое из них — многочастные бусы-пропизки — серебростеклянная, желтая и синяя — сделаны из трубочки (рис. 2, VII, 1—3), все остальные изготовлены разными вариантами навивки. Спектральным анализом установлено, что все бусы сварены из листового стекла двух типов: Na—Ca—Pb—Si и Na—K—Ca—Al—Si . К первому типу относятся бусы-пропизки и крупная зонная бусина, украшенная слегка выпуклыми слонсто-щитковыми глазками (рис. 2, VII, 10). Такие бусы присутствуют в Больше-Тарханском, Больше-Тиганском могильниках (рис. 1, 43, 48), в большинстве европейских памятников VIII—IX вв. Стекло бусины, как и многочастной синей пропизки, обесцвечено окисью марганца и окрашено окисью кобальта (0,1%). Эта наиболее ранняя группа бус имеет ближневосточное происхождение. По составу стекла к этой группе примыкает бипирамидальная, усеченная с двух сторон печеночно-красная бусина с орнаментом белой спиралью, уложенной фестонами, бусина изготовлена индивидуально навивкой (рис. 2, VII, 11). Стекло окрашено закисью железа, меди и окисью свинца, заглушено окисью олова, особенно много соединений олова в белой нити (6,3%). Бусина могла быть византийской продукцией XI в.

Второй химический тип стекла соответствует бусам, выполненным индивидуально, навивкой. Это желтая лимонка (рис. 2, VII, 4). Ю. Л. Щапова лимонки индивидуального производства оценивает как подражание лимонкам классическим и относит их к статьям византийского импорта XI в. (Щапова, 1998, с. 138). Интересна бусина (рис. 2, VII, 9) с более мелкими и частыми слонстыми щитковыми глазками, чем у бусины, рассмотренной ранее. Обе очень похожи технологически, но различаются по составу. Основа второй бусины — густого оливкового цвета. Цвет обеспечен введенным большого количества окисей железа (около 12%), аналогичен есть в Биляре в слое XI—XII вв., в Западной Европе бусы из подобного стекла известны с конца IX—X вв. (Dekóvna, 1980, s. 109).

Бочонковидная печеночно-красная бусина с черными глазками в черно-белых респичках (рис. 2, VII, 5) окрашена закисью меди и

железа. Бусина имеет очень широкие временные и территориальные аналоги — с середины VIII—первой половины IX вв. в Западной Европе (Dekóvna, 1980) до поволжских и среднеазиатских памятников золотоордынского времени (Полубояринова, 1988, с. 57).

Завершают обзор две бусины зонной формы (рис. 2, VII, 7). Темная основа бус (оливково-зеленая в топком сколе) украшена спиральным узором накладными нитями белого opakового стекла. Поверхность бус гладкая, покрыта белесым налетом прироста. В Саркеле-Белой Веже такие бусы происходят из слоя второй половины X—конца XI вв., в Новгороде бытуют в XI—XII вв., в курганных древностях — в XII—XIV вв., на Ланшевском селище — в материалах XII—XIV вв. Подобные бусы характерны для византийских мастерских XI в. (Щапова, 1998, рис. 21, 43, 44).

В целом стеклянные бусы из нижнего слоя Казани могут быть датированы XI в., большая часть из них, очевидно, имеет византийское происхождение.

Подводя итог обзору бус некоторых болгарских памятников VIII—начала XIII вв., нужно отметить, что хронологически продукция разных центров стеклоделания (Ближнего Востока, Византии) поступала в Среднее Поволжье в том же порядке, как и в другие регионы, что обусловлено, прежде всего, вхождением региона в единую международную торговую систему.

В материалах VIII—IX вв. Среднего Поволжья преобладают бусы ближневосточного производства, египетские мозаичные бусы присутствуют в составе коллекций до середины IX в. В этот период бусы средневожских памятников обнаруживают особенно большую близость с материалами салтово-маяцкой культуры. В X—начале XI вв. ближневосточные бусы (сирийские) по-прежнему господствуют, но становится заметной продукция и других ремесленных центров, прежде всего византийских. В XI в. большинство стеклянных бус в болгарских памятниках, как и в русских, византийские (Щапова, 1997, с. 81), хотя номенклатура изделий, поступавших на Среднюю Волгу, уже, чем в более ранний период (почти нет золотостеклянных, синих белоромбических и некоторых других типов бус). В XII—начале XIII вв. большинство бус в болгарских древностях русского изготовления.

Определяя место производства стеклянных бус в крупнейших центрах традиционного стеклоделания (Ближний Восток или Византия), нужно иметь в виду, что в результате участия в международной торговле и под воздействием других факторов в VIII—X вв. в

Западной и Восточной Европе появляются новые центры стеклоделия, продукция которых тоже вливается в общий товаропоток. Выделить эти изделия сложнее, так как новые мастерские действовали в рамках той или иной ремесленной традиции, школы стеклоделия. Такие мастерские с неполным производственным циклом работали на привозном сырье и полуфабрикатах. Дальнейшие исследования бусинного материала, прежде всего в химико-технологическом направлении, должны более определенно выявить в средневожских памятниках продукцию мастерских Северной Европы, возможно Северного Кавказа и Старой Ладogi (Рябинин, 1982).

ЛИТЕРАТУРА

- Ал-Бируни*. 1963. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. Л.
- Балхидзе Р. А., Дзюник В. Б.*, 1963. Химико-технологический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // МАИ. № 114.
- Безоговатов Е. А., Валиулина С. П.*, 1997. Стекланные бусы I Семеновского селнца // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Валиулина С. П.*, 1991. Русское стекло Билярского городища // Путь из Булгарии в Киев. Казань.
- Валиулина С. П.*, 1996. Химико-технологическая характеристика стекланных бус Большие Тарханского и Большие-Тиганского могильников // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.
- Валиулина С. П.*, 1996а. Стекланные бусы Большие-Тиганского могильника // *Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae*. Oulu.
- Валиулина С. П.*, 1998. Импортное стекло Билярского городища // Болгар и проблемы развития исторического развития Западного Закамья. Болгар.
- Валиулина С. П., Руденко К. А.*, 1992. Бусы из Лашневского селнца // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.*, 1964. Ранние болгары на Волге. М.
- Дзюник В. Б.*, 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы в I—IX вв. // СА. № 3.
- Казиков Е. П.*, 1991. Булгарское село X—XIII веков низовьев Камы. Казань.
- Казиков Е. П.*, 1992. Культура ранней Волжской Булгарии. М.
- Казиков Е. П.*, 1994. Культура ранней Волжской Булгарии. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.
- Лихтер Ю. А., Цапова Ю. Л.*, 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопа курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М.
- Львова З. А.*, 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // АСИЭ. Вып. 10.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.

Мастыкова А. В., 1993. Стекло Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Олейников О. М., 1993. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделания // КСИА. № 208.

Полубояринова М. Д., 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М.

Феллер М. В., 1959. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.

Френкель Я. В., 1996. О роли свинцово-силикатного стекла в древнерусском стеклоделании // Древние культуры и технологии. СПб.

Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.

Щапова Ю. Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Щапова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. М.

Щапова Ю. Л., 1997. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Щапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.

Callmer J., 1995. The influx of oriental beads into Europe During the 8th century a. d. // Glass Beads. Lejre.

Callmer J., 1997. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. ad 600—1100: a general outline // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Bonn.

Chalíkova E. A., Kazakov E. P., 1977. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest.

Chalíkova E. A., Chalikov A. H., 1981. Altungarn un der Kama und un Ural (Das Graberfeld von Bolhic Tigani). Budapest.

Dekówna M., 1980. Szkło w Europie weczesnosredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk.

Museum für Islamische Kunst Berlin, 1979. N 167. Berlin; Dahlem.

Szilagyi K., 1995. The Beads of Tenth-to-Twelfth-Century Hungary // Beads. Vol. 7.

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ И КРЕСТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Всякого рода каменные изваяния давно привлекают ученых. В истолковании этого материала много загадок. Так валуны с выбитыми следами, попадающиеся в совершенно неожиданных местах, называли «чертовыми следами», «следами дьявола», а в других случаях «божьиими ножками» — следами Христа или Богородицы. Подобные меты на камнях связывали также со стопами языческих богов, межевыми знаками. У таких камней могли просить предков помочь охоте. Полагают, что традиция почитания некоторых культовых камней перешла от языческой к христианской эпохе. Примером может служить камень-следовик «Богородицын», находившийся в деревне Луговка, у древней дороги, соединявшей Ворошич со Святыми Горами (здесь и ниже населенные пункты Псковской области). Камень лежал внутри часовни, что была на правом берегу речки Луговки (Луговицы). Часовня стояла на месте явления ворошичскому пастуху Тимофею иконы Умиления Божьей Матери, что отмечено в Псковской летописи под 1569 г.¹ Это явление, как считается, послужило причиной основания Святогорского монастыря. Луговский камень, к сожалению, пропал в 1970-е годы, когда реконструировалась дорога. По свидетельству старожилов Луговки, к камню еще в 1920-е годы приносили цветы и монеты.

При анализе камней-следовиков возникает много вопросов, например: почему в одних случаях высекались малые, как бы детские, стопы, а в других — большие? Почему изображались следы как пятипалые, так и беспалые, а то и, похоже, в обуви? Почему, наконец, на одних валунах выбивалась только правая стопа, а на других — левая?

В отличие от камней-следовиков назначение больших немогильных крестов, с учетом их местоположения, определяется часто

Рис. 1. Идол в Святогорском монастыре.

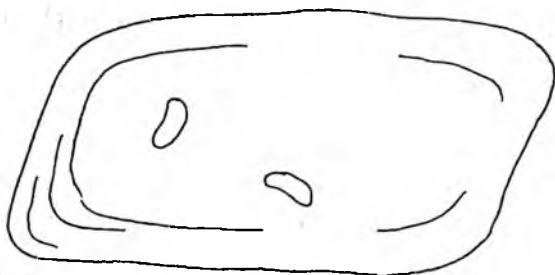

Рис. 3. Камень-следовик. Деревня Дрозды.

Рис. 2. «Чашечный камень». Деревня Морамоха.

совершенно точно. Ниже пойдет речь о нескольких каменных древних памятниках, оказавшихся на территории Пушкиногорского заповедника.

В окрестностях Михайловского известны три каменных идола. Один из них был найден сотрудниками музея-заповедника А. С. Пушкина на погосте в Печанах (Васильевская волость. Пушкиногорский район) и в целях сохранности перевезен в 1969 году в Святогорский монастырь, где и находится в настоящее время, у западного входа в Успенский собор.

Идол представляет собой серый камень-плиту размерами 1,18 × 0,86 м. Лицевая сторона его выпуклая, верхняя часть ее похожа на голову человека: плоский нос, слабо выраженные глаза, шея. В центре идола-камня на лицевой его стороне хорошо заметен

шестиконечный крест (рис. 1). На поверхности каменного идола заметны следы весьма грубой первоначальной обработки. Верхняя часть головы идола утрачена, видимо тогда, когда он должен был выполнять христианскую функцию.²

Второй каменный идол находится на городище Савкино. Это камень-валун размерами 0,91 × 0,45 м, голова — 0,18 × 0,35 м, шея — 8 × 0,30 м, туловище до плеч длиной 0,45 м.

Третий идол значительно меньших размеров — на городище Воронище, со слабо обозначенными плечами и головой.

На Святогорской земле сохранилось несколько культовых камней. Условно названный «чашечный», с круглыми выемками, похожими на чашу, перевезен Пушкинским заповедником из деревни Марамохи (Велейская волость, Пушкиногорский район) в 1978 году, лежит он у дороги Пушкинские Горы—Тригорское—Вече, в 4 километрах от поселка Пушкинские Горы (рис. 2). Предположительно это — жертвенный камень языческого времени. Его размеры: высота — 1,40 м, средняя длина боковых сторон — 4,75 м. На верхней площадке камня 11 выемок (чаш) следующего диаметра: 2 по 0,50 м, 2 — 0,40 м, еще 3 по 0,35 м, 2 — 0,25 м и одна — 0,45 м, средняя глубина выемок от 1 до 2 см. Марамохский камень до переезда в заповедник находился за околницей деревни, на горке. В давние времена, по рассказам старожил, люди собирались к камню по праздникам.*

В 1991 году, во время археологической разведки, у деревни Дрозды (Велейская волость) найден культовый камень-следовик, представляющий собой плиту длиной 1,5 м, на гладкой поверхности которого четко выделяются отпечатки двух детских следов (рис. 3). Камень-следовик лежит среди груды камней (возможно, языческое капище), на обочине старой дороги, соединявшей Санкт-Петербург с югом России, проходившей до середины прошлого века через село Велье.

Другой камень-следовик найден в 1989 году на воронической земле, за околницей деревни Ашигково, у бывшей переправы через р. Великую. Камень округлой формы размерами 1,20 × 1,5 м, на его поверхности два небольших углубления с отпечатками босых жен-

* У наших соседей-латышей найдено такого вида шесть культовых камней с выемками в верхней части, имеющих форму конуса или котла, причем находятся они все в труднопроходимых местах. (См.: Уртанс Ю. Ф. Два вида культовых камней с выемками в Латвии. Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992. С. 37—38.)

Рис. 4. «Савкин крест».
Городище Савкина Горка
(по С. В. Белецкому).

Рис. 5. «Крюков крест»
с Поклонной горки в парке
усадьбы Михайловское
(по С. В. Белецкому).

ских или детских стоп (в одном из следов виден отпечаток пяти пальцев). На камне есть следы животного и птицы. В местном предании об этом камне рассказывается: «Давным-давно жителю деревни приснился сон, что, если он перевезет этот камень из леса в деревню, все будут счастливы. Наутро запряг мужик коня и поехал за камнем. Вот вез, вез, по в гору конь, значит, не вытянул, пришлось камень

свалить под горой. Вот с тех пор и лежит он там. Всякие люди ходили к нему, деньги бросали, а кто цветочки или веночки».³

Ашитковский и «Богородицын» камни-следовики имеют несколько сходных черт: оба — объекты почитания, оба расположены были вблизи старых переправ (берега р. Великой и р. Лутовки).

Поклонный или памятный крест находится на городище деревни Савкино,⁴ у часовни, восстановленной С. С. Гейченко в 1970 году на месте ранее существовавшей (рис. 4). На валуне, служащем основанием креста, сохранилась надпись: «Лета 7021 (1513) постави крест Сава поп». Сам крест найден близ деревни Дериглазово на берегу реки Сороти⁵ и вставлен в выемку основания. Были ли составляющие памятник части изначально или одновременны, не выяснено. По местному преданию, поклонный крест поставлен на месте братской могилы вороничап, павших в битве с литовцами.

«Крюков крест» установлен у Еловой аллеи в Михайловском в 1967 году (рис. 5). Привезен он из деревни Стечки (ныне Васильевская волость Пушкиногорского района). По сообщению Е. И. Исполатова, крест до первой мировой войны находился в бывшей Горайско-Печанской волости: «Сельцо Горай Печано-Горайской. Верстах в 7—8 к востоку от него находится дер. Стечки... В ней имеется каменный крест с надписью: “В лето 7022 (1514) поставиша раб Божей Филип Крюков кр(ес)ть сїи хрїстяно(м) на поклонїе собе на память и роду своему”⁶».

ЛИТЕРАТУРА

1. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 248.
2. Васильев М. Е. Минувшее проходит предо мною... М., 1997. С. 11—12.
3. Васильев М. Е. Печанский край. Газета «Пушкинский край». 13 августа 1996 г.
4. Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912. С. 165.
5. Гейченко С. С. У Лукоморья. Л., 1971. С. 197; Белецкий С. В. Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 2. СПб., 1998. С. 72.
6. Окулич-Казарин П. Дополнения и поправки к «Материалам для археологической карты Псковской губ.». Труды Псковского археологического общества. Вып. 11. Псков, 1915. С. 1266; Белецкий С. В. Далекое прошлое... С. 67.

БАЛЬМЕРСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК И ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Проблема контактов и взаимовлияния болгар и скандинавов в эпоху раннего средневековья вплоть до второй половины прошлого века не привлекала внимания исследователей. Связано это в немалой степени было с тем, что данные о викингах черпались историками из сообщений русских летописей, восходящих к «Повести временных лет».

Восточные источники использовались в дискуссиях норманистов и антинорманистов лишь эпизодически. К 1870-м гг. интерес отечественных востоковедов к проблеме норманнов и их роли в истории Руси усилился, что вылилось в создание свода основных сведений арабских историков и географов о славянах и русах (Гаркави, 1870). Издание на русском языке этих сведений значительно расширило круг источников, зафиксировав факт активного движения викингов — «русов» — по Волге и пребывания их в Среднем Поволжье. В труде Гаркави, в частности, были опубликованы обширные выдержки из сочинения Ибн-Фадлана в передаче Якута. Благодаря этому историки получили в свое распоряжение выразительные, почти этнографические описания русов, их одежды, верований и обычаев, особенно ярким было детальное описание погребальных обрядов при похоронах одного из знатных воинов.

Комплексный анализ сведений о русах, реже их называли «варяги» («ал-варанк»), содержащихся в арабских источниках (Ибн-Хордадбех, Ибн-Фадлан, Ибн-Русте, ал-Бекри и т. д.), показывает, что это были группы населения, основным занятием которых были торговля и военные предприятия. Специфичны детали их культуры: поклонение идолам, одежда и вооружение, образ жизни в «длинных» мужских домах, а также описание женского костюма — сарафаны с бретельками, скрепленные скорлупообразными фибулами («коробочками») и украшениями из монет и стеклянных бус (из «зеленой

глины»). Еще более выразительно описание погребального обряда трупосожжение в ладье с характерным набором вещей и ритуальными жертвами, включая и умерщвление девушки, а также сооружение на месте кострища кургана, — все эти детали, которые все вместе указывают на их североевропейское происхождение. Все это заставило исследователей видеть в русах в первую очередь скандинавов-викингов, осуществлявших военные и торговые экспедиции по Волго-Балтийскому торговому пути в страны Востока и имевших торговую колонию близ Болгара (Новосельцев, 1965: 355—419; Лебедев, 1978: 21—24; Мельникова, Петрухин, 1994: 56—68; Петрухин, 1995; Петрухин, 1996: 31—43; Древняя Русь..., 1999: 169—258).

Однако уже историкам прошлого века было ясно, что только открытие археологических следов пребывания русов в Среднем Поволжье разрешит вопрос о реальности их пребывания здесь и позволит определить их этнокультурный облик. Начал поиски курганов с остатками кремации в окрестностях Болгара в 1871 г. казанский археолог А. И. Стоянов. Отправной точкой в его поисках стали сведения Ибн-Фадлана о погребении знатного руса. К тому времени накопилась определенная историография, комментировавшая данный эпизод записок арабского путешественника, причем все ученые вслед за П. С. Савельевым и А. Я. Гаркави считали, что погребение это было совершено близ Болгара (Савельев, 1848: 59—61; Гаркави, 1870: 109—110).

Обследовав окрестности Болгара, А. И. Стоянов не обнаружил там курганов и, расширив круг поисков, приступил к изучению курганов в 20 км к югу от Болгара, у с. Балымер. В течение сезона 1871 г. он раскопал шесть курганов, обнаружив, что их «насыпи состояли из песка и чернозема с некоторым количеством золы, углей и обгорелых костей домашних животных» (Извлечение..., 1895: 95). Несмотря на явную удачу, его коллеги оценивали результаты его исследований как «неопределенные». Выступив пионером изучения раннесредневековых древностей, Стоянов не имел возможности сравнить свои материалы с результатами подобных исследований, что сделало их непознанными и невостребованными.

Относительная неудача, которая прежде всего заключалась в отсутствии ярких находок, однако, не охладила пыл исследователей — найти следы присутствия викингов на Средней Воле. В 1877 г. Участники проходившего в Казани IV археологического съезда под руководством графа А. С. Уварова провели пробные раскопки

в окрестностях между селами Болгар и Балымер, которые и на этот раз не привели «к открытию искомым следов» русов (Извлечение..., 1895: 95). Постепенное накопление материалов, открытие и изучение в других регионах России древнерусских курганов заставили казанских археологов вновь обратиться к изучению курганных древностей.

Обследование местности в Западном Закамье, где могло быть совершено «захоронение руса», привело исследователей опять в окрестности с. Балымер, к курганной группе, открытой А. И. Стояновым. Именно здесь в 1882 г. два казанских археолога П. А. Пономарев и Н. П. Лихачев обнаружили 25 невысоких (до 70—80 см) курганных насыпей и заложили новый раскоп, продолжив исследования, начатые ранее. Ими было раскопано семь курганов, которые изучались «последовательной раскопкой». Было выяснено, что шесть из них имели такой же обряд трупосожжения, как и вскрытые в 1871 г., и только в одном был обнаружен действительно богатый материал: в кургане (условно его можно назвать № 13) были найдены не только обычные следы кремации, но и погребальный инвентарь (оружие и снаряжение воина). Это позволило сделать вывод, что все предыдущие исследования, «если и не создавали достаточно устойчивой почвы для решения вопроса о местонахождении могил руссов на берегу Волги, то вместе с тем не устраняли возможности искать их с некоторой надеждой на успех в окрестностях с. Болгар» (Извлечение..., 1895: 96).

Однако позднее, в 1893 г., новая попытка П. А. Пономарева, который опять поставил задачу «определить, нет ли в окрестностях г. Болгара каких-либо следов курганного погребения русов» (Извлечение..., 1895: 96), оказалась безуспешной. Обследование местности опять привело его в Балымер, где он обнаружил, что «картина окрестностей... за последние 10 лет совершенно изменилась» и почти все курганы разрушены постройками деревни. Удалось провести раскопки лишь двух сохранившихся курганов. Оба они дали ту же картину, что и предыдущие курганные погребения: остатки кремации (зола, угли, мелкие кости) на материковой поверхности, среди остатков сожжения или близ них обнаружены также обломки лепных плоскодонных сосудов.

Все последующие археологические работы по поиску древностей русов, начиная с исследований в этом районе А. А. Спицына в 1898 г. (Спицын, 1916: 79—80), оказывались безрезультатными.

Так, профессор Казанского университета В. Ф. Смолин в 1925 г. обследовал городище Шолом, которое он считал возможным местом святилища викингов, но позднее отнесенного исследователями к именьковской культуре (Смолин, 1925 (1): 113—130; Смолин, 1925 (2): 57), а в 1961 г. Е. А. Халикова, занимаясь поиском курганов, открыла курганный могильник кочевников периода Золотой Орды (Халикова, 1965: 114—116). Таким образом, результаты раскопок 1871, 1882 и 1893 гг. могут считаться уникальными, благодаря тому обстоятельству, что на территории Среднего Поволжья другого такого памятника пока не обнаружено (Фахрутдинов, 1975: карта).

Выразительные материалы раскопок Бальмерских курганов вызвали и вызывают интерес, оживленную полемику и различные исторические сопоставления, хотя основываются часто на неполных и отрывочных материалах. Так Е. П. Казаков не только неверно отмечает число зафиксированных насыпей и безосновательно указывает, что явные признаки кургана имела только одна из них, но и, ошибочно высчитав мощность огнища, считал, что она достигала якобы 50 см (Казаков, 1992: 106). В связи с этим стоит задача систематизировать все данные о погребальном обряде и инвентаре памятника. Основным источником для нашей реконструкции служат описания исследований в «Извлечении из отчета Археологической комиссии» (Извлечения..., 1895: 95—97), а также подробные описания находок, их рисунки и фотографии (Штукенберг, 1892: 155—160; Posta, 1905: Abb. 13; Спицын, 1914: 107—110).

Судя по описаниям, курганы располагались группой, состоящей из 25 насыпей, которые находились на расстоянии одной версты к СЗ от деревни Бальмер (по дореволюционному написанию «Бульмер»), на берегу Волги, на высокой террасе, поросшей дубовым лесом. Реконструкция устройства курганов требует предварительного уточнения некоторых деталей. Так в описаниях отсутствуют указания на наличие ровиков вокруг курганов. Если они отсутствовали, а не просто заплыли к моменту начала исследований, то эта черта сближает их с верхневолжскими курганами. Всего в разные годы было исследовано 15 насыпей. Все курганы имели куполообразную форму, высотой не более 0,7—0,9 м и шириной от 6,3 до 8,5 м. На материковой поверхности, сложенной из чистой и плотной супеси, были выявлены прослойки с остатками кремации, насыщенные золой, углем и мелкими пережженными костями. В двух случаях

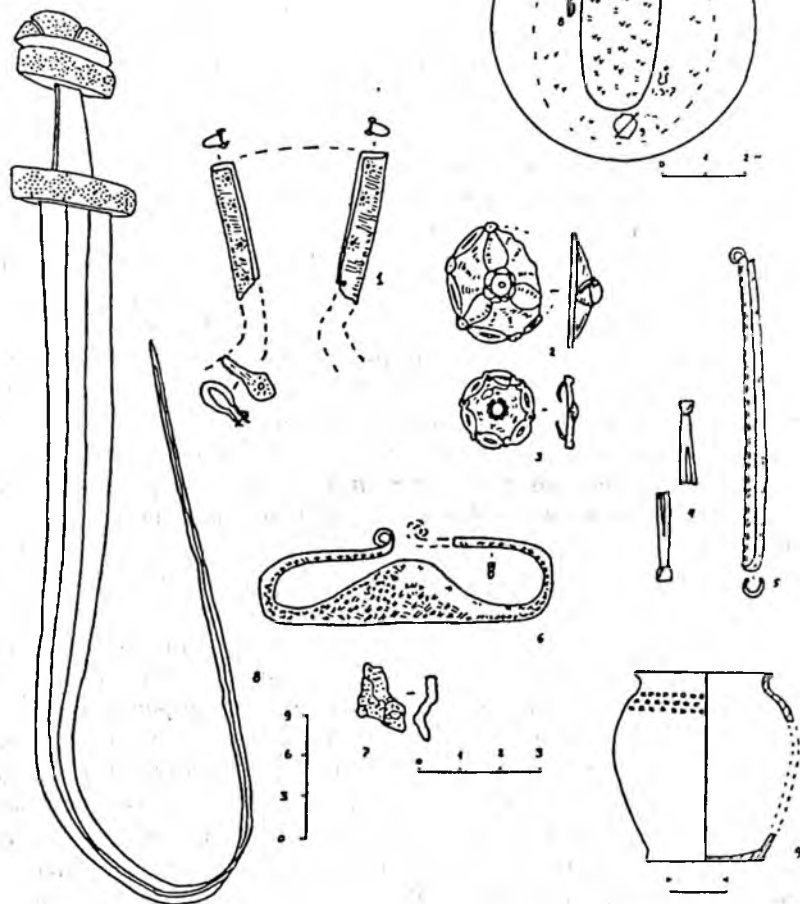

Рис. 1. Погребение № 13 Бальмерского могильника: реконструкция обряда и погребальный инвентарь:

1 — поясная сумочка; 2, 3 — накладки; 4 — привески к поясу; 5 — трубица от трута; 6 — кресало; 7 — кремь; 8 — меч; 9 — горшок; 1—4 — бронза; 5, 7, 8 — железо; 7 — камень; 9 — керамика.

углистая прослойка была зафиксирована выше уровня материка, очевидно, на невысокой подсыпке. Во всех случаях, насколько можно судить по описаниям, в курганах было совершено по одному погребению. Костяки нигде не были найдены, и только в кургане № 13 среди мелких фрагментов костей были обнаружены человеческие зубы.

Огнище представляло собой округлую линзу в центре кургана, сложенную из темно-серой рыхлой супеси, насыщенной пеплом, углем и массой мелких пережженных костей. В кургане № 13 кострище имело продолговатый овальный вид длиной 0,3 м и шириной 1,5 м и мощностью около 11 см и было вытянуто по линии СЗ—ЮВ. Вокруг этого насыщенного углем пятна, как правило, находились отдельные фрагменты золы и мелкого угля (рис. 1). Подобная ориентировка была достаточно характерна и для верхневолжских курганных захоронений с кремацией (Недошивина, Фехнер, 1985: 109). Судя по мощному зольно-угольному слою, насыщенному кальцинированными костями, во всех определяемых случаях кремация совершалась на месте сооружения кургана. Размер кострища точно указан только в одном случае и составлял более 4,5 кв. м. После сожжения его остатки, очевидно, сгребались к центру. Погребальных ям в Бальмерских курганах не зафиксировано.

В этом же слое, видимо практически во всех курганах, были зафиксированы обломки глиняных лепных или круговых плоскодонных сосудов. К сожалению, невозможно определить, содержала ли глиняная посуда номинальную пищу, либо это урновые захоронения. Исключение, как уже отмечалось выше, составляет курган № 13, где найден разнообразный погребальный инвентарь. В СЗ части кострища была найдена бронзовая бляшка. Рядом, но за пределами пятна с остатками кремации, обнаружены: у ЮЗ края — согнутый пополам меч (рис. 1, 8), у ЮВ — глиняный сосуд (рис. 1, 9), а у СВ — две медные бляхи от пояса или уздечки, остатки кожаного мешочка с медными деталями вместе с кресалом и кремнем и ряд других мелких предметов (рис. 1, 3—7).

Можно лишь догадываться по аналогии с другими раннесредневековыми курганами Руси и Скандинавии, что основание курганов было предварительно очищено от растительности и выжжено. Погребальный костер был сооружен на поверхности земли или на невысокой подсыпке, а после сожжения остатки огнища были собраны к центру, после чего над местом сожжения возводился курган.

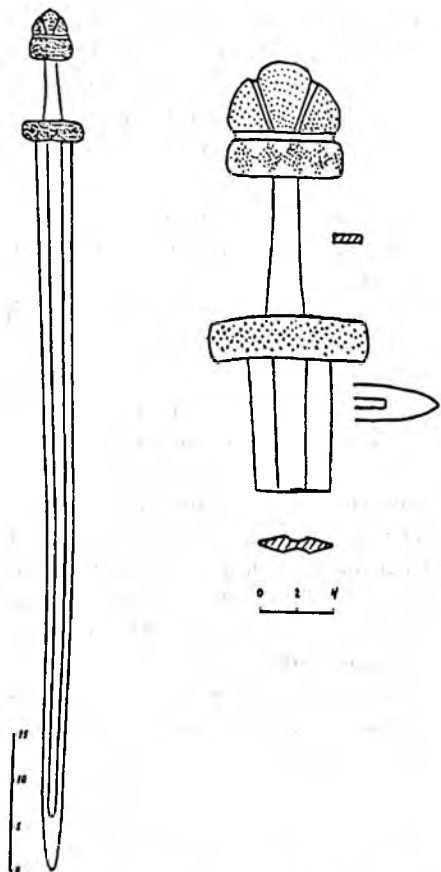

Рис. 2. Меч из погребения кургана № 13.

Наиболее выразительной чертой этого обряда погребения был согнутый почти пополам меч. Данный обряд был если не характерной, то показательной частью погребальных обрядов эпохи викингов в Северной и Восточной Европе. В Бирке обнаружено не менее трех согнутых мечей, а учитывая, что часть мечей сохранилась в обломках, число ритуально поврежденных мечей было, вероятно, гораздо большим (Birka 1, 1943: 4). В верхневолжских курганах обнаружено два погребения со следами преднамеренной порчи оружия (Недошивина, 1963: 56; Дубов, 1999: 26—34). В целом обряд

Многие детали реконструируемого обряда находят аналогии в описании Ибн-Фадлана (Путешествие..., 1939: 81—83), но еще более важно, что объяснение сути этого обряда Ибн-Фадлану одним из русов во время его совершения («Вы, о арабы, глупы... вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в прах... а мы сжигаем его во мгновение ока, так, что он входит в рай немедленно и сейчас»), перекликается с мифологией скандинавов и соответствует так называемому «завету Одина» о том, что каждый должен войти в Вальхаллу с тем добром, которое было с ним на костре, пепел следует бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган (Круг земной..., 1980: 14).

В качестве поминального дара умершим клали глиняные сосуды, а в кургане № 13 кроме традиционного сосуда вокруг было разложено также оружие, часть снаряжения погребенного.

намеренной порчи оружия восходит к представлениям о загробной жизни и опасности «возвращения» живого мертвеца и был скорее всего частью ритуального «удаления» умершего из мира живых. В том же ряду, определенно, были и представления о могиле (кургане) как о доме умершего. Возможно, согнутое оружие символизировало оружие, направленное против самого владельца (т. е. мертвеца), самоубийственное оружие, которое мыслилось, видимо, также имеющим свою «душу», жаждущую крови (Петрухин, 1995: 195—205).

Как правильно заметили сами исследователи, «эта картина, конечно, далеко еще не дает полной аналогии с характеристикой Ибн-Фадлана, но в ней есть и некоторые общие черты» (Извлечения..., 1895: 96).

Погребения на месте кремации без урны (тип С) являются наиболее распространенным обрядом захоронения в Бирке, по такому обряду было совершено 490 погребений или 86,5% всех погребений (Birka IV. 1980: 51—53). Обряд кремации на месте погребения был преобладающим и в Тимеровском курганном могильнике, где из 273 погребений с трупосождениями (71% всех учтенных погребений) 190 содержали остатки кострищ в виде зольно-угольного пятна, содержащего кальцинированные кости (Фехнер, 1963: 8—11; Недошивина, Фехнер, 1985: 101—114). Подобная пропорция в обряде была, очевидно, характерна и для других могильников эпохи викингов в Скандинавии и на Руси.

Вещи в Бальмерских курганах достаточно немногочисленны, но выразительны. К сожалению, до настоящего времени они не сохранились. С момента раскопок вплоть до 1929 г. они хранились в Музее Общества археологии, этнографии и истории при Казанском университете, а после его расформирования, видимо, были департизованы и утеряны. В фонды Государственного объединенного музея Республики Татарстан поступил только меч (Ефимова, 1980: 135), но и он ныне в коллекциях музея отсутствует. Представление о характере находок можно составить только на основании рисунков и фотографий (Штукенберг, 1892; Posta, 1905; Спицын, 1914: рис. 1). Находки обломков грубых лепных или круговых плоскодонных сосудов отмечены практически во всех погребениях, но тип их неизвестен. Судя по фотографии и описаниям (Штукенберг, 1892: 159), фрагменты сосуда (вечник и днище) из кургана № 13 представляли собой обломки толстостенного сосуда ручной выде-

с заметно бугристой поверхностью (примесь шамота в тесте?). Форма его, видимо, была горшковидная, плоскодонная с хорошо выраженным горлом со скошенным наружу краем венчика. Верхняя треть горшка была украшена орнаментом в виде наклонных подквадратных насечек (гребенчатый штамп?). По ряду признаков (технические признаки, форма и орнаментация) этот сосуд можно отнести к XI группе по типологии болгарской керамики, которая восходила к традициям гончарства лесостепного варианта салтовоязской культуры верховьев Дона (Хлебникова, 1984: 162—165).

Только в одном самом богатом захоронении кроме глиняного сосуда был найден целый комплекс предметов. Среди них следует отметить остатки кожаной поясной сумочки с бронзовыми заклепками по краю с калачевидным кресалом, железной трубицей для трута и кремнем, два типа поясных и уздечных круглых накладок и согнутый каролингский меч.

Поясная сумочка с бронзовыми накладками (см. рис. 1, 1) является довольно характерным элементом волго-уральского раннесредневекового мужского костюма (Казаков, 1971: 135, табл. VIII, 12; Halikova, Kazakov, 1977: VIc, 8; Архипов, 1973: 156—159, рис. 46, 49; Иванов, 1952: 196, табл. XII, 1, 2). Одновременно это была достаточно широко распространенная, хотя сравнительно немногочисленная находка для многих археологических памятников Восточной и Северной Европы. Обнаружены они и их детали в погребениях Бирки, особенно много их в Венгрии «эпохи Арпадов» (*Graslund*, 1984: 146—151; *Birka I*: Taf. 128—136, Abb. 16; *The Ancient...*, 1996: Fig. 94, 155, 186, 207, 444 и др.). Круглые литые бронзовые поясные и сбруйные накладки так называемого «венгерского» типа с полушарным выступом в центре и круговым бордюром с орнаментом в виде чередующихся удлинённых пальметт, видимо, служили малая (см. рис. 1, 3) как поясная накладка, а большая (см. рис. 1, 2) в качестве уздечной или сбруйной бляшки. Стилистически они идентичны, но на большой накладке центральный выступ соединяется с бордюром тремя расходящимися лучами, стилизованными листьями. Поясные накладки подобного типа хорошо известны в Среднем Поволжье и на Южном Урале (Казаков, 1971: табл. XX, 5, 6; Казаков, 1992: рис. 60, 6—8; Халикова, 1976: рис. 4, 6—10, 11; Мажитов, 1981: рис. 47, 2—4), встречены также в Венгрии и Швеции (*The Ancient*, 1996: 213; *Jansson*, 1986: 77—108; *Birka I*, 1943: Abb. 10). Крупных сбруйных накладок известно в Восточной

Европе немного, найдены они были как в Тапкеевском могильнике (Казаков, 1992: рис. 60, 8), так и в поселениях в Казанском Кремле (Хузин, 1999: 207—208, рис. 7, 2), Большом Боршевском городище и землянке в Киеве, в районе Десятинной церкви (Ефименко, Третьяков, 1948: 55, рис. 22), довольно много их обнаружено в могильниках «эпохи Арпадов» в Венгрии (The Ancient, 1996: 213, 214, 235, 304).

Датировка Бальмерских курганов в целом не вызывала дискуссии. Публикуя результаты этих раскопок, профессор Казанского университета А. А. Штукенберг датировал погребение из кургана № 13 VII—XI вв. (Штукенберг, 1892: 160). Но в настоящее время есть возможность уточнить эту дату. Наличие в данном погребении этих выразительных и достаточно хорошо датированных вещей позволило определить, что погребение с трупосожженным у с. Бальмер было совершено скорее всего в первой половине X в. Весьма выразительна находка согнутого вдвое меча, которая, по типологии Я. Петерсена—А. Н. Кирпичникова, относится к типу «Е». Характерной особенностью оформления рукояти бальмерского меча является наличие мелкоячеистого орнамента на перекрестии и на вершине рукояти, который, по западно-европейской хронологии, датируется не позднее конца IX в., а в Восточной Европе, по мнению А. Н. Кирпичникова, продолжал использоваться еще в начале X в. (Кирпичников, 1966: 31; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986: 257—263). Новые данные подтверждают более позднее бытование этих мечей на Руси (Дубов, 1999: 28, 29). Не позднее середины X в. в основном бытуют поясные или уздечные накладки с бордюром из пальметт, судя по аналогиям из памятников Руси (Ефименко, Третьяков, 1948: 55) и Подунавья, — могильники Артаид, Хевеш, Пилиши, Шаркад и др. (The Ancient..., 1996: 213, 347, 392, 404). Все другие материалы, включая калачевидное кресало, поясную сумку и глиняный сосуд, не противоречат этой датировке, что дает все основания датировать Бальмерские курганы первой половиной X в.

Сразу же вслед за открытием и исследованием Бальмерских курганов разгорелся спор об их культурно-исторической принадлежности. Штукенберг оставил вопрос о культурной принадлежности погребений открытым, предполагая, что это была «могила пришельца с далекого Северо-Запада, или аборигена, владевшего мечом скандинавского типа». Постепенно, благодаря открытиям подобных древностей в других районах России, Бальмерский курган стал пр

влекать все большее внимание. Однако отрывочность исторических и археологических материалов иногда приводила историков к мысли о наличии значительной скандинавской колонизации этого региона. Разыскивая следы древних венгров в России, венгерский ученый Б. Пошта обнаружил, что срубные бляхи из венгерских погребений IX—X вв. в Поддубавье чрезвычайно близки бляшкам из Балымерского кургана. Поэтому, отмечая их местный характер, он пришел к выводу, что этот курган имеет «финно-германский характер» (Posta, 1905: 52). Решительно возразил ему русский археолог А. А. Спицын. Он, указывая на обряд трупосожжения, характерный для Древней Руси и Севера Европы, писал: «Для нас нет сомнения, Балымерские курганы принадлежат русам, приходившим в Болгарию для торговли с восточными купцами, как из Скандинавии, так и из Новгорода, а быть может, и из Киева». По мнению Спицына, «весь набор вещей явно норманнский, а поясные бляшки, судя по всему, попали к варягу в результате торговых контактов с Венгрией» (Спицын, 1914: 107).

Тогда же вышло несколько работ скандинавских ученых, которые поддержали эти выводы. Так Т. Арне и А. М. Тальгрэн считали, что все находки мечей и их частей в Поволжье были «занесены скандинавскими викингами во время их набегов» (Arne, 1914: 61; Тальгрэн, 1917: 23). Эта гипотеза получила большое признание, а В. Ф. Смолин определенно считал, что около Балымера существовала норманнская торговая колония (Смолин, 1925 (2): 57). В последние годы к изучению материалов данных курганов обратился Е. Н. Казаков, высказавший обоснованное предположение, что обряд их был аналогичен обряду могильников Ярославского Поволжья (Казаков, 1985: 79, рис. 3; Казаков, 1992: 106).

Сравнение материалов Балымерских курганов с могильниками «эпохи викингов» на территории Древней Руси и Северной Европы показывает, что их обряд близок трупосожжениям из курганов Ярославского Поволжья (Тимерово, Михайловское, Петровское), Приднепровья (Шестовицы, Гнездово, Киев) и Южного Приладожья IX—XI вв. По мнению исследователей, эти курганные могильники оставило славяно-финно-скандинавское население, имевшее достаточно синкретичную культуру, насыщенную северо-европейскими элементами, использовавшее социально-престижные детали одежды и вооружения и относящееся к социальному слою торговцев и военно-дружинной знати. Скорее всего именно этот

этносоциальный слой воинов и торговцев арабы именовали термином «русы» (Лебедев, 1978; Фехнер, Недошивина, 1987; Петрухин, Мельникова, 1994; Петрухин, 1995: 83—115; Петрухин, 1996). Вместе с тем ряд находок из погребения кургана № 13 Балымерского могильника, судя по плоскодонному сосуду, поясной сумочке с бронзовыми обкладками по краю и круглым, «венгерского» типа, накладкам, аналогичны изделиям, характерным для культуры волжских булгар. Поэтому, вероятно, что курганы у с. Балымер были оставлены группой «русов» (наемная дружина?), активно контактировавших с булгарами и испытывавших их культурное влияние.

Насколько велико было число скандинавов в Булгарии и не было ли Балымерское погребение единичным? Само число зафиксированных курганов не только дополняет сведения арабских источников, в первую очередь Ибн-Фадлана, о пребывании русов в Булгарии, но подтверждает мысль о существовании своеобразных колоний русов в Поволжье. Курганная группа из 25 погребальных насыпей, судя по наблюдениям М. В. Фехнер и И. В. Дубова о топографии и хронологии древнерусских курганов, принадлежала определенному клану или дружине, во главе которой стоял знатный конунг (Недошивина, Фехнер, 1985: 114; Дубов, 1989: 69, 98, 99 и сл.). Судя по числу погребений, эта группа проживала в Булгарии сравнительно недолго и не была очень многочисленной. Возможно, хронологически период функционирования кладбища ограничивался первой половиной X в. Определенно можно сказать, опираясь на данные письменных и археологических источников, что в этот период в Булгарии существовало несколько подобных колоний русов со своими курганными захоронениями.

Как уже говорилось, новых археологических объектов, подобных Балымерским курганам, к сожалению, пока не найдено, однако этим отнюдь не исчерпывается материал, рассказывающий о викингах в Среднем Поволжье. Разработка этой проблемы стала возможной после пересмотра ряда старых гипотез и расширения познавательных возможностей целого ряда археологических материалов, которые своей документальной точностью и выразительностью существенно дополнили сведения письменных источников. Разумеется, перейти к пониманию реальной роли скандинавов в Поволжье можно только на широком общеевропейском фоне с учетом взаимосвязей и взаимовлияний всего этого региона.

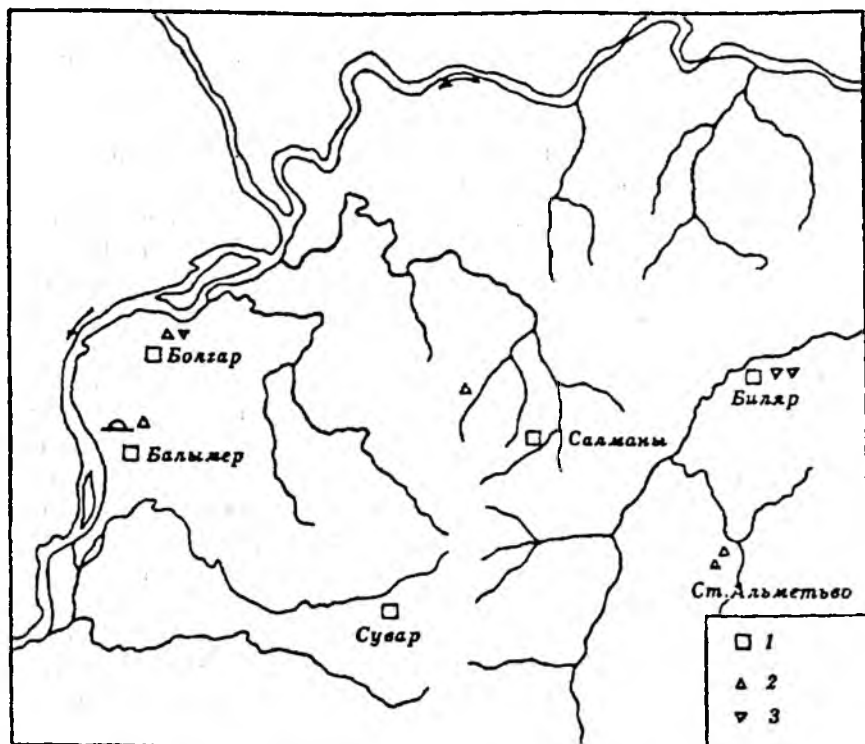

Рис. 3. Распространение каролингских мечей и их фурнитур
на территории Булгарии:

1 — городища; 2 — мечи; 3 — наконечники ножен.

В настоящее время удалось собрать значительный материал о болгарской военной культуре, сопоставить ее развитие с процессом становления городов и государства у болгар, а также выявить роль контактов болгар с Северной Европой (Измайлов, 1995; Измайлов, 1997). Все это позволило сделать вывод, что контакты болгар со скандинавами протекали на фоне «волн» торгово-экономической активности народов на Волго-Балтийском пути (Дубов, 1989: 161—210; Измайлов, 1991: 130—138). Первые свидетельства связей скандинавов с населением Поволжья начинают фиксироваться с середины IX в., когда здесь появляются клады и находки монет, относящиеся к первой волне монетного серебра, хлынувшего в Европу

и выпавшего в клады около 840—860 гг. Причем Староальметьевский клад («Элмед») 1906 г. явно попал в Среднее Поволжье через Северную Европу и содержит монету с рунической граффити в виде буквы S (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991: 9, 134). Следующий приток монет отмечается во второй трети—сердине X в.

Одновременно среди находок X в. из городов Волжской Булгарии выявлен целый комплекс вещей североευропейского происхождения (Измайлов, 1995: 1—23). Наиболее интересными из них являются находки каролингских мечей, их деталей и накопечников ножен (Измайлов, 1997: 34—53). Выявление на лезвиях почти всех мечей клейм, характеризующих качественное профессиональное оружие, и сопоставление их распространения с рядом других находок (умбоны от круглых щитов, широкие удлинённо-треугольные копья, шпоры, детали украшения узды и др.) позволили сделать вывод о неслучайном их характере (Измайлов, 1997: 131—138). Все они связаны с военно-дружинным бытом, а мечи, как редкое и дорогое оружие, использовались в основном знатью и воинами-профессионалами. Новые виды вооружения, неизвестные у болгар в VIII—IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для раннефеодальных обществ. Картографирование этих находок демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров: Болгар, Биляр, Балымер, городищ у сел Старая Майна, Старые Нохраты, Казань и др. (рис. 3). Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности (Лебедев, 1985: 227—235; Вакау, 1967: 144—179; Эрдели, 401: 14—16).

Начало контактов болгар с русами, очевидно, относится к периоду становления торгового пути «из варяг в арабы» — из Балтики на Каспий. Следствием было включение болгар в мировую торговлю, что привело к резкому ускорению их социально-экономического развития. В конце IX—начале X вв. движение варягов — русов (шведов в значительной части) — по Волге активизировалось, причем действовать они начинают не только самостоятельно, но и в составе дружин Русского государства (походы Аскольда и Олега на Византию и Халифат). В 913 г. укрепившееся Булгарское государство наносит поражение русам на Волге и подчиняет себе стихию варяжских дружин. С этого времени происходит стабилизация отношений болгар с русами. Часть их продолжала торговлю по Вол

уплачивая правителю Булгарии пошлину, а другая — переходит на службу болгарским правителям, инкорпорируясь в социальную структуру болгарского общества. Некоторые дружины русов поступают на службу к болгарской знати, причем часть из них после окончания службы возвращается в Скандинавию и на Русь, привозя с собой болгарские изделия, особую моду (поясной гарнитур, конское снаряжение и т. д.) и знания о пародах Поволжья («Вулгарланд»/«Булгарланд», Джаксон, 1999: 28—35). Процесс этот зафиксировал Ибн-Фадлан, отметивший лагерь дружины русов близ ставки эльтебера болгар Алмыша. Другим свидетельством этого служат Балымерские курганы, которые маркируют становление надэтничной дружинной культуры в пестрой разноэтничной среде, включенность в этот процесс знати русов. Именно этим можно объяснить утрату русами северных вещей и замену их местными, болгарскими. Определенно этому способствовал сам принцип дружинного вознаграждения. С середины X в. начинается уже, видимо, новый этап, когда русы оседают уже в городах болгар, инфильтрируясь в среду болгарской знати.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола.
- Гаркави А. Я., 1870. Сведения мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.
- Джаксон Т. Н., 1999. О языческой Вулгарии Спорри Стурлусона // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII ввек. Казань.
- Древняя Русь..., 1999. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е. А. Мельниковой. М.
- Дубов И. В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
- Дубов И. В., 1999. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных монетах. Л.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. 8. М.; Л.
- Ефимова А. М., 1980. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Казань.
- Иванов П. П., 1952. Материалы по истории мордвы VIII—IX вв. Моршанск.
- Извлечение..., 1895. Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губернии // Отчет археологической комиссии за 1893 год. СПб.

Измайлов И. Л., 1991. К вопросу о болгаро-скандинавских контактах // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань.

Измайлов И. Л., 1995. Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза.

Измайлов И. Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X—начала XIII вв. Магадан.

Казиков Е. П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Казиков Е. П., 1986. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь. Казань.

Казиков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Булгарии. М.

Кирчицких А. П., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1 // Свод археологических источников Е 1—36. М.; Л.

Кирчицких А. П., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.

Круг земной..., 1980. Снорри Стурлусон. Круг земной. М.

Лебедев Г. С., 1978. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.

Мажитов Ш. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI веках: К истории названия «варяги» // Славяноведение. № 2.

Недживина Н. Г., 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Недживина Н. Г., Феллер М. В., 1985. Погребальный обряд Тимеревского могильника // Советская археология № 2.

Новосельцев А. П., 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.

Петрухин В. Я., 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М.; Смоленск.

Петрухин В. Я., 1996. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.

Путешествие..., 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л.

Савельев П. С., 1848. Мухаммеданская нумизматика по отношению к русской истории. СПб.

Смолин В. Ф., 1925 (1). Раскопки «Шолома» в селе Бальмерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925 году. Казань.

Смолин В. Ф., 1925 (2). Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по истории Татарстана. Вып. II. Казань.

Спицын А. А., 1916. Заметки из поездки на Утку в 1898 г. // Известия археологической комиссии. № 60.

Спицын А. А., 1914. Венгерские вещи X века в России // Известия археологической комиссии. № 53.

Тальрен А. М., 1917. Два железных меча в Саранульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. № 1. Саранул.

Фалхрутдинов Р. Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.

Феллер М. В., 1963. Тимревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Феллер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология № 2.

Халикова Е. А., 1965. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1965 г. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 104.

Хлебникова Т. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. № 2.

Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.

Хузин Ф. Ш., 1999. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994—1998 гг.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Казань.

Штукенберг А. А., 1892. Древняя курганная могила около деревни Бельмер (Бульмер) в Спасском уезде Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. X. Вып. 2. Казань.

Эрдели И., 1985. Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-Алтанетика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск.

The Ancient..., 1996. The Ancient Hungarians. Ed. by I. Fodor. Budapest.

Arne T. J., 1914. La Suede et l'Orient. Uppsala.

Bakay K., 1967. Archaeologische Studien zur frage der Ungarischen stattsgruendung // Acta Archeologia Hungaria. Th. 19, 1/2. Budapest.

Birka I, 1943. Arbman H. Die Graber. Text. Tafeln. Uppsala.

Birka IV, 1980. The Burial Customs. A study of the graves on Bjorko. By A.-S. Graslund. Stockholm.

Graslund A.-S., 1984. Beutel und Taschen // Birka II:1. Systematische Analysen der Graberfunde: 141—154. Stockholm.

Halikova E. A., Kazakov E. P., 1977. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethies voisines a l'Est. Budapest.

Jansson I., 1986. Gurtel und Gurtelzubehor vom orientalischen Typ // Birka II:1. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm.

Posta B., 1905. Archacologische Studien auf russischem Boden. Bd. 1, II. Budapest.

ИЗМЕРИ — ГЛАВНЫЙ ТОРГОВЫЙ ПУНКТ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ (конец X—XI вв.)

Центральную роль в товарообороте Азии со странами Северо-Восточной Европы в X—XI вв. выполняли волжские болгары, которые контролировали Волгу, основную торговую магистраль на востоке Европейского континента.

Первые города Волжской Болгарии появились в послефадлановское время — во второй четверти X в.¹ Письменные источники упоминают города Болгар и Сувар, которые, судя по названиям, возможно, первоначально были племенными центрами. Материалы раннего Болгара зафиксированы П. Н. Старостиным на Мало-Иерусалимском селище.² Здесь встречены дирхемы 898—932 гг., а также поломеко-ломоватовская лепная и салтовская круговая керамика, имеющая аналогии в языческих погребениях Танкеевского могильника второй четверти X в.³ В это время в стране еще сохраняются заметные элементы раннеболгарского периода.

В третьей четверти X в. в Волжской Болгарии завершаются процессы: смены язычества мусульманством, седентаризации населения, становления государственности. Этому во многом способствовала новая миграционная волна болгар в 60-е годы X в. из районов гибнущей под ударами печенегов и походов Святослава Хазарии.⁴ Переселенцы были мусульманами с твердыми земледельческими и ремесленными навыками. Они привнесли с собой новые элементы культуры, которых не было у ранних болгар Поволжья, но которые были известны с IX в. в развитых районах салтовской культуры.⁵ К ним относятся комплексы новых земледельческих орудий (косы-горбуши, прогрессивные типы серпов, лемеха, резак и т. д.), разнообразный ремесленный инвентарь, новые предметы быта, деталей одежды и украшений. Особенно четко прослеживаются различия

в керамике. В раннеболгарский период, по крайней мере до середины X в., среди круговой посуды, за небольшим исключением, преобладали одноручные кувшины характерных «салтовских» типов (бомбовидность тулова, широкая горловина со сливом, полая ручка и т. д.). С приходом новой волны по времени совпадает и появление большинства постоянных поселений болгар на Волге. В них отмечаются формы, резко отличные от раннеболгарских групп керамики (светильники, стаканы, новые типы горшков, корчаги, одноручные кувшины с шаровидным или яйцевидным туловом и узкой горловиной и пр.). На поселениях также отмечается т. п. «кухонная» горшководная посуда, украшенная рифлением, и изделия, относимые к печенегам (горшки с волнообразным орнаментом, котлы с внутренними ушками).

С этого времени культура волжских болгар приобретает черты, известные весь домонгольский период. За короткое время на Волге возникает развитое ремесленное производство. Этому способствовали чрезвычайно благоприятные условия реализации товаров на северо-востоке Европы. В развитии ремесла и торговли Волжской Болгарии важную роль играли заимствования достижений мусульманских стран Средней Азии.

В конце X—XI вв., т. е. в первой половине домонгольского периода, страна переживает наивысший в своей истории расцвет. Вследствие падения Хазарии Волжская Болгария становится ведущей силой в ремесленном производстве и торговле обширного региона — от Урала до Верхнего Поволжья. Контролируя главную торговую магистраль Азии с северо-восточной Европой — Волгу с ее притоками — и выступая в роли торговых посредников этих обширных регионов, болгары получали дополнительный импульс для развития своего ремесла, используя в то же время достижения цивилизаций Востока и Запада.

Страна становится своеобразным «ремесленным цехом», где изготавливали разнообразную продукцию мастера различных конкурирующих школ. Их высококачественные изделия широко распространялись среди финно-угров Восточной Европы.⁷

Показателем бурного развития ремесла и торговли является появление в приустьевой части левобережных притоков Камы и Волги торгово-ремесленных поселений. Сухопутными путями они были связаны со столичными центрами: Болгаром, Суваром, Биляром и

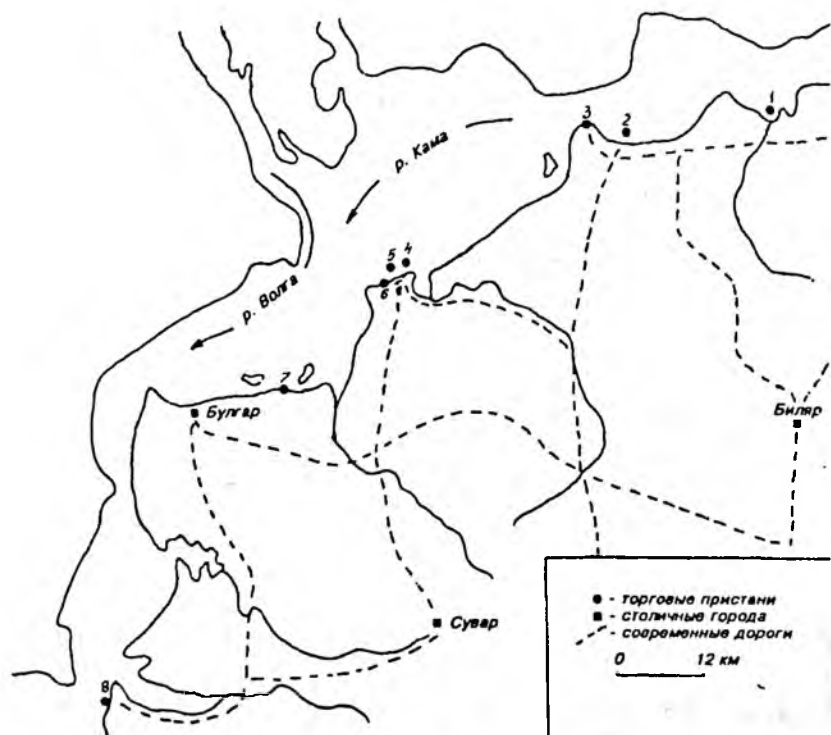

Рис. 1. Торгово-ремесленные поселения волжских болгар конца X—XI вв.: 1 — Речное; 2 — VI Алексеевское; 3 — Мурзинское; 4 — I Семеновское; 5 — II—III Семеновские; 6 — Измерское; 7 — Старокуйбышевское; 8 — II Малниновское.

другими городами, а по речным путям через ших продукция болгарских ремесленников широким потоком распространялась в сопредельные страны (рис. 1). Болгарскими изделиями конца X—XI вв. наполнены памятники Верхнего Прикамья, бассейна р. Чепца, Марийского Поволжья, Мордовии, Верхнего Поволжья.

Наиболее крупным, главным торгово-ремесленным поселением, практически протогородом, был Измерский комплекс памятников. В нем отразились все богатство и разнообразие ремесленного производства болгар. В комплексе входили обширное, в 600 тыс. м², поселение, небольшой языческий могильник, городище в 7 тыс. м², некогда с 4 башнями, и мусульманское кладбище, на котором предположительно насчитывалось более 2 тыс. погребений.

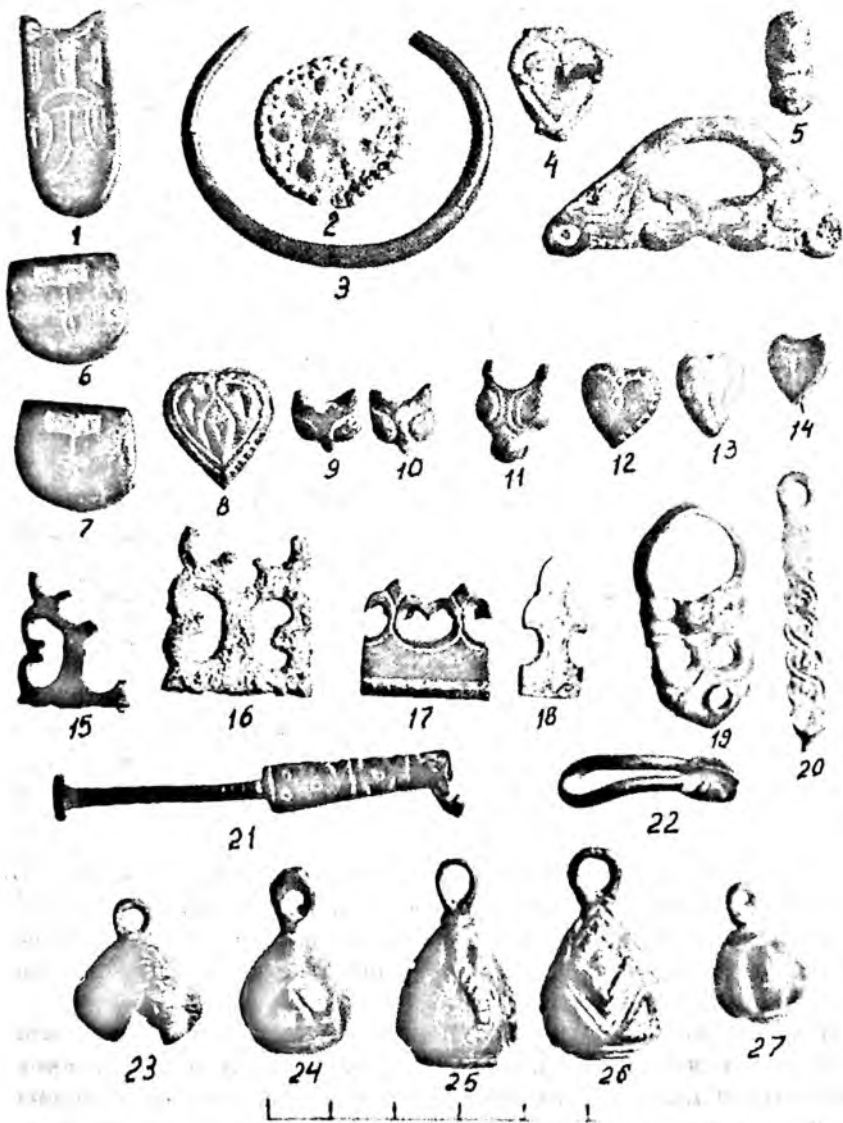

Рис. 2. Бронзовые изделия Измерского селнца.

Измерское селище открыто в 1961 г. Поскольку оно интенсивно размывается Куйбышевским водохранилищем, на нем ежегодно с 1972 г. проводятся охранно-спасательные работы. Начиная с этого времени и по 1999 г. на памятнике заложено 23 раскопа, где изучено 12 жилищ, 10 погребов, 27 хозяйственных ям и 27 других сооружений. Основной материал относится к первой половине домонгольского периода. О производстве свидетельствует разнообразный кузнечный, слесарный и ювелирный инструментарий, предназначенный для работы по железу, цветным металлам, дереву, коже, камню. Отмечены находки зубил, бородков, штихелей, молотков, пилы, стамесок, долот и других изделий. Интерес вызывает находка двух десятков разнообразных сверл.

Производство ювелирных изделий подтверждают формы и матрицы для изготовления изделий из бронзы и серебра. О масштабах их производства свидетельствуют находки накладок, накопечников ремней, пряжек 200 типов (рис. 2, 3). Возможно, на поселении было налажено и стеклоделательное производство. Только здесь были встречены сотни подтреугольных в вертикальном сечении изделий из желтого или коричневого стекла с желтыми или синими глазками.

О торговле говорят многочисленные находки гирек, весов и их деталей, монет и их обломков, кусков серебра. По числу встреченных весовых гирек (свыше 200) Измерское селище превосходит все другие поселения и городища болгар. Они разной формы, хотя преобладают железные кубические изделия (рис. 4). При этом большинство экземпляров имеют небольшие размеры⁸ и предназначены для взвешивания серебра или золота. Это обычно происходит при операциях с отдаленными торговыми партнерами. Об этом говорят и детали бронзовых складных весов с поселения.

Серебро служило основным эквивалентом обмена в торговых операциях местного населения. На Измерском селище отмечены находки различных кусков серебра, весом от 1,5 до 18 граммов, и их довески. Также в большом числе зафиксированы обрезки монет, как правило, серебряных дирхемов. Встречены и целые саманидские и бувейхидские дирхемы, западно-европейские монеты из серебра⁹ и их подражания.

На памятнике встречено большое число привозных изделий. Среди них обломки керамических имитаций пасхальных яиц, шиферные напояса, бронзовые подвески — топорники с циркульным

Рис. 3. Накладки из цветного металла:

1, 2, 4—9, 11—16, 18, 19, 21, 23—27, 31—43, 46, 47, 49, 50, 54, 55, 62, 63, 65—68, 70, 71, 73, 74, 76—78, 84, 85, 89, 90—93 — Измерское селце; 3, 10, 17, 22, 28—30, 44, 45, 51—53, 6, 69, 72, 78—83, 86, 88, 94, 95 — I Семеновское селце; 48 — местонахождение на Кирпичном острове; 64, 75 — Старокуйбышевское селце.

орнаментом, шло с костяной рукоятью со знаком Рюриковичей, обломки стеклянных браслетов и перстней и другие поделки Руси.¹⁰ Достаточно много изделий из Средней Азии или их подражаний. Среди них бронзовые наконечники ремней, накладка поясного набора. Часть поделок украшена растительным орнаментом — изображениями птиц и животных. На двух литых наконечниках ремней имеется арабская надпись: «Во имя Аллаха».¹¹ Много также бронзовых изделий поволжских и пермских финнов, угров Приуралья. В основном они представлены предметами и украшениями костюма.

Функционально, территориально и хронологически Измерский комплекс связан со II Семеновским селищем, расположенным всего в 3 км к северо-востоку от него. Первоначальная площадь этого памятника, локализованного у глубокой протоки, соединяющей низовья р. Ахтай с Большой Камой и Волгой, составляла ок. 280 тыс. м². В настоящее время он сильно разрушен водохранилищем. На поселении отмечены следы первой в стране болгар стеклоделательной мастерской (здесь преобладало изготовление бус-лимонок, глазчатых изделий), собрано более 400 серебряных дирхемов, наиболее поздние из которых относятся к 70-м гг. X вв. Среди находок имеются куски серебра, обломки стеклянных браслетов и перстней, а также бронзовое пятилучевое славянское височное кольцо.

В 2 км к северу от Измерского селища располагались еще два болгарских поселения (II, III Семеновские селища) этого же времени. На них также отмечены находки серебряных дирхемов и изделия конца X—XI вв. Площадь памятников, в настоящее время полностью размытых водохранилищем, составляет 60 тыс. м². При спаде воды здесь прослеживается обширный мусульманский некрополь.¹²

Измерско-Семеновская группа памятников является наиболее крупным комплексом торгово-ремесленных поселений волжских болгар рассматриваемого времени, занимавших наиболее выгодное положение на пересечении торговых путей востока Европы. Сухопутными путями они были связаны с городскими центрами страны (рис. 1). По географическим условиям древние дороги, видимо, совпадали с современными. Так, путь из Измери в Биляр проходил по равнинному левому берегу р. Ахтай под защитой расположенных на высоком обрывистом правом берегу городищ: Бураковского I, II Войкинских.

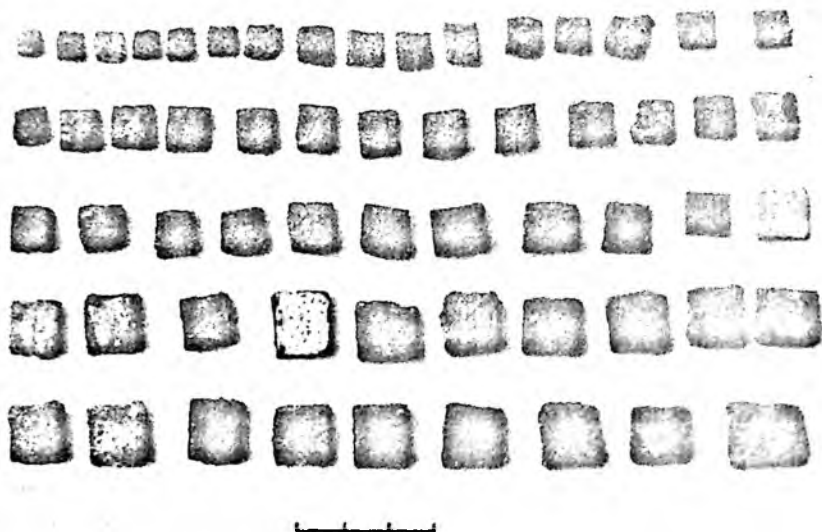

Рис. 4. Железные гири с Измерского селища.

Богатство и разнообразие предназначенных для продажи ремесленных изделий, обширный пумизматический материал, более объемный, чем даже в столичных центрах: Болгаре, Суваре, Виляре, — торговый инвентарь говорят о том, что отмеченные торгово-ремесленные поселения выполняли и роль перевалочных пунктов и пристаней. Сюда, видимо, шли товарные потоки из внутренних районов Западного Закамья — центральной части Волжской Болгарии.

На Измерском селище встречены десятки типов изделий в большом числе экземпляров, что свидетельствует о их местном изготовлении. Например, бронзовые мелкие зооморфные накладки, так называемые «лисички», имея несколько вариантов, встречены в количестве более 30 экз. (рис. 2, 9, 10; рис. 3, 65—68). На их явно «измерское» происхождение указывает отлитая в форме заготовка разового изготовления нескольких таких изделий. На ней сохранились две еще не вырубленные накладки.¹³

Имеющееся своеобразие измерского комплекса изделий позволяет проследить и внешние торговые связи населения этого памятника. Достаточно четко это фиксируется на предметах поясного набора: накладках, пряжках, наконечниках, свыше 200 типов которых, как отмечалось, зафиксировано в материалах памятников. Так, в Ма-

рийском Поволжье реализовались большие партии ременных поясов с указанными деталями.¹⁴ Во всех могильниках X—XI вв. этого края: Веселовском, Дубовском, «Нижняя стрелка» и других — встречены типично «измерские» накладки, пряжки, пакочечники (рис. 5). Та же ситуация отмечается в комплексах могильников бассейна р. Чепцы этого времени: Омутинском, Качкашурском¹⁵ и др. (рис. 6). Аналогичная картина выявляется и на Верхней Каме. Здесь отмечены даже характерные измерские «лисички».¹⁶ Накладки, идентичные измерским, встречены и в более отдаленных районах: Мордовии, Верхнего Поволжья и даже на Вологодчине (материалы А. И. Башенкина).

Исходя из этого указанный период экономического расцвета Волжской Болгарии (60-е гг. X—XI вв.) можно назвать измерским.¹⁷ Продолжался он до 1088 г., когда на Волге и Оке были побиты болгарские купцы и в результате неудачной конфронтации с усилившейся Северо-Восточной Русью болгары потеряли контроль над значительной частью Волжского пути.

Кроме Измерско-Семеновской группы в отмеченный период по рекам Каме и Волге известен еще ряд торгово-ремесленных поселений болгар, правда, значительно меньшего масштаба. Это II Малиповское селище на р. Старая Майна, V Старокуйбышевское селище на р. Бездня, Мурзининское и VI Алексеевское селища на р. Курпалка, Речное селище на р. Шенгала. Они находились на левобережных притоках указанных больших рек, на краях надпойменных террас или останцах, где реки переходили в глубокие протоки, пересекающие многокилометровое бездорожье поймы. Как и Измерско-Семеновская группа, сухопутными, фактически совпадающими с современными, дорогами они соединялись между собой и со столичными центрами: Болгаром, Суваром, Биляром (см. рис. 1). Эти пункты выполняли важную роль, обслуживая торгово-ремесленную сферу хозяйственной деятельности населения Западного Закамья — центральной и наиболее развитой части страны. На них также отмечены следы ремесленного (железодельного, слесарного, ювелирного и пр.) производства и торговой деятельности (монеты, пири, привозные изделия). Видимо, посредством каботажного плавания все они поддерживали связь с Измерским поселением. Во всяком случае многие типично «измерские» изделия встречены и на этих поселениях. Среди них детали поясного набора, которые, как отмечалось, потоком шли далеко за пределы Волжской Болгарии. И

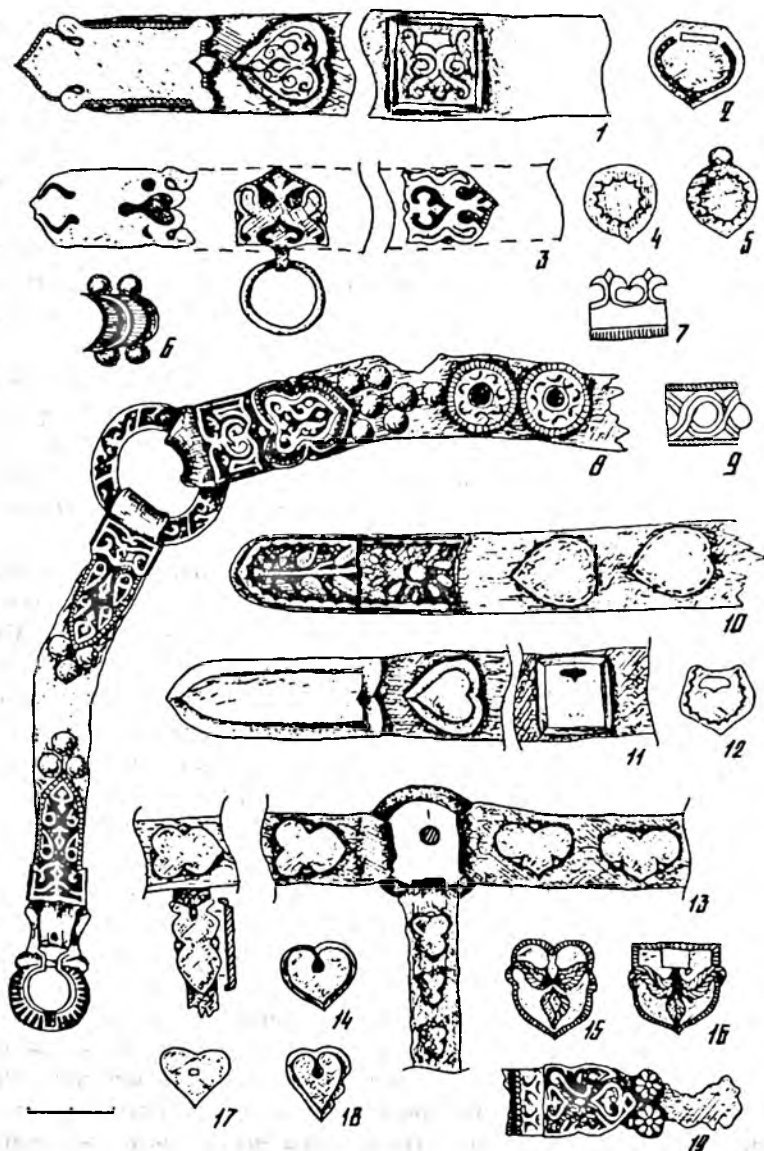

Рис. 5. Предметы поясного набора из могильника Нижняя Стрелка (Марийское Поволжье). По Т. Б. Никитиной.

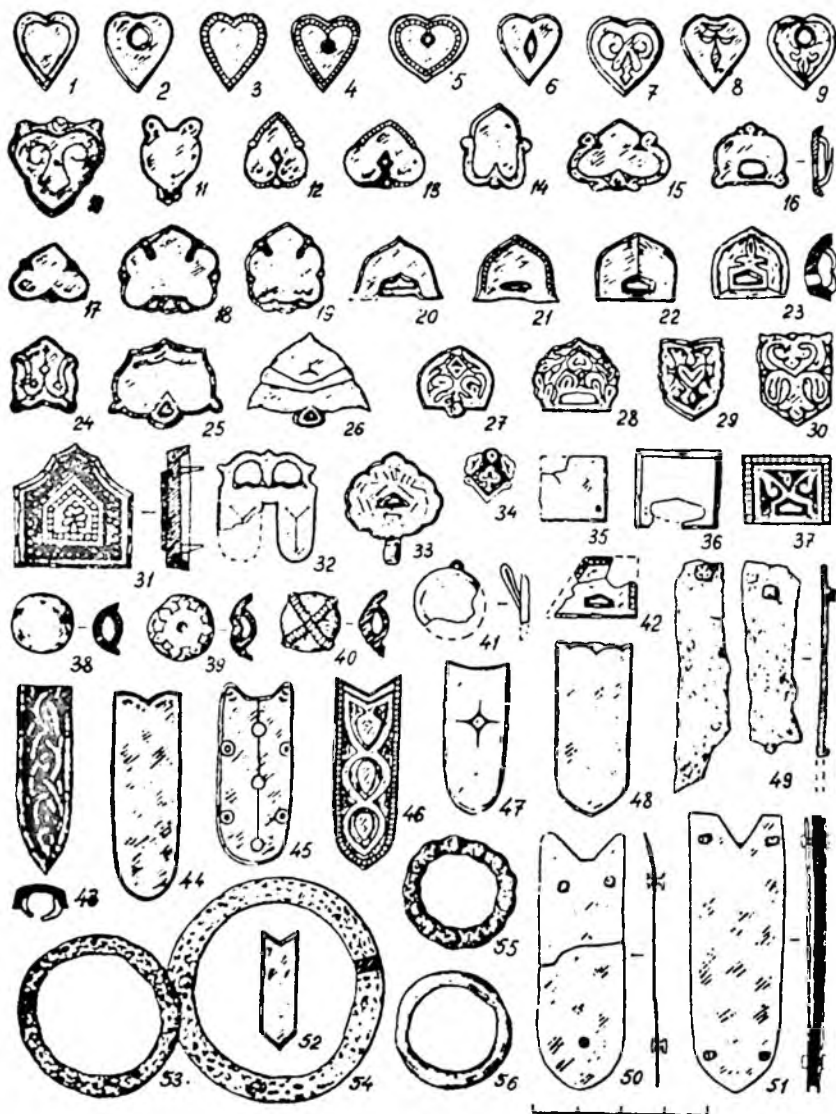

Рис. 6. Изделия из Качканурского могильника (Удмуртия).
По А. Г. Иванову.

некоторых памятниках отмечены массовые в Измерях подтреугольные желто-коричневые бусы с желто-бирюзовыми глазками, а также аналогичные семеновским бусы-лимонки.¹⁸

Заключая, можно сказать, что Измерское поселение в определенной мере как протогород появилось на этапе возникновения крупных торгово-ремесленных пунктов в Восточной Европе. Связанные со становлением европейских государств и развитием торговли IX—X вв. Бирка, Старая Ладога, Гнездово и др. использовали водные пути Днепра и притоков Балтики. В X в. цивилизационные процессы охватывают северо-восток Европы, свидетельством чего стало возникновение Волжской Болгарии. Волжский торговый путь немало этому способствовал. Болгары сами активизировали его деятельность и укреплялись за счет этого. Измери являются наиболее ярким подтверждением таких процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заходер Б. П.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 37.
2. *Старостин П. П.* О времени возникновения ранних поселений на Средней Волге // Проблемы хронологии волжских болгар. Тезисы. Казань, 1998. С. 8—9.
3. *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992. С. 110, рис. 38, 1—6.
4. Там же. С. 303—304.
5. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
6. *Казаков Е. П.* Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991. С. 172—175.
7. *Казаков Е. П.* Волжская Болгария и финно-угорский мир // *Finnou-Ugria*. 1997. № 1. С. 37—40.
8. *Валеев Р. М., Казаков Е. П.* Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X—XI вв. в низовьях р. Ахтай // *СА*. 1993. № 1. С. 185—195.
9. *Казаков Е. П.* Булгарское село... С. 29—30.
10. *Казаков Е. П.* О ранних контактах волжских болгар со славянами и новолжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Болгария и Русь. Казань, 1986. С. 76—88.
11. *Казаков Е. П.* О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских болгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991. № 10—13. С. 348.
12. *Казаков Е. П.* Булгарское село... С. 19—20.
13. Там же. С. 55, рис. 19, 2.

14. Ардунов Г. А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 151—152, рис. 42, 43.

15. Иванов А. Г. Качканурский могильник IX—XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск, 1990. С. 160, рис. 9.

16. Крыласова И. Б., Бочаров И. В., Бочарова Е. О. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. III, рис. 9, 83.

17. Казаков Е. П. Волжская Болгария... С. 39.

18. Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А. Мурзинское селение // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань, 1993. С. 62.

АНАТОЛИЙ КИРПИЧНИКОВ
(Санкт-Петербург)
ЛЕНА ТОЛИН-БЕРГМАН
(Стокгольм)
ИНГМАР ЯНССОН
(Стокгольм)

НОВЫЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЧЕЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В СТОКГОЛЬМЕ

Почти два века древние мечи, самое престижное и дорогое оружие средневекового воина, являются объектом научного изучения. Лишь сравнительно недавно было установлено, что это оружие метили при его изготовлении в виде надписей и знаков. Такое клеймо обозначало продукцию определенных мастера или мастерской, служило своеобразным знаком качества, влияло на цену меча. Кроме того, меты имели магическое значение, как бы обеспечивая военное превосходство и неуязвимость владельца оружия. С годами меты могли поблекнуть или вовсе исчезнуть, в особенности если клинок ржавел и покрывался коррозией. Такое свойство связано с техникой выполнения клейм. Они выкладывались по долу меча отрезками железной или дамаскированной, то есть состоящей из железной и стальной штей, проволокой. Как правило, железные и стальные составляющие перекручивались между собой. Предназначенные для клейма отрезки в горячем виде вковывались в верхнюю треть дола клинка с каждой его стороны. Затем дол полировался и протравливался. Мета становилась видна благодаря своему особому цвету и обычно муаровому узору. Созданные таким образом начертания занимали пространство длиной 12—20 см и были видны издали.

Обнаружение мет на европейских раннесредневековых мечах находится еще в начальной стадии. Каждый меч, пока не распущен его клинок, — загадка. И каждая обнаруженная мета обогащает наши знания и очень важна для более обоснованного решения сложного

вопроса о распространении, месте, а иногда времени изготовления оружия. Все эти обстоятельства и побудили авторов предпринять в 1998 г. изучение 14 мечей эпохи викингов, находящихся в собрании Государственного Исторического музея. Еще один меч 31109 был ранее обработан консерватором упомянутого музея Гуншель Вернер и предоставлен нам дополнительно (Werner, 1981, p. 17—22, fig. 5—7). Работа проводилась в рамках международного проекта, финансируемого Шведским институтом. Этот цикл изысканий продолжал исследования, проведенные в Государственном Историческом музее в 1993 г. Тогда было изучено 14 мечей IX—X вв., и на всех оказались ранее неизвестные знаки и надписи (Thalin-Bergman, Kirpichikov, 1998. S. 497—501. Abb. 1—5). Результат был настолько продуктивен, что тогдашний директор музея д-р Ульф Эрик Хакберг направил в Центр по консервации памятников культурного наследия в г. Кируна целую партию — 14 мечей эпохи викингов из собрания этого музея. В течение 1995—1997 гг. все отправленные мечи были реставрированы, в особенности что касалось их рукоятей и верхней трети клинков, где обычно размещались ремесленные клейма. Специалисты Центра Анн-Христин Даниельссон, Гунфор Стор, Боссе Энгстрем провели квалифицированную обработку мечей, которая с небольшими различиями (в зависимости от сохранности вещей) заключалась в следующем.

С поверхности оружия с помощью скальпеля удаляли коррозию. Затем очищенное место бомбардировали стеклянными и алюминиевыми шариками. Продолжая очистку металла, использовали металлическую или корундовую щетку на вращающемся диске. Далее вещь на 65—128 дней погружали в деионизированную воду, нагретую до 80° С (до тех пор, пока не выходили хлориды). Воду при этом меняли каждую неделю. Затем клинок обезжиривали ацетоном, сушили в печи, наконец, консервировали полиэтилметакрелатом. В результате этих последовательных действий поверхность металла освобождалась от коррозии, включая всякого рода углубления и трещины. Обнажалась зона чистого металла, и можно было в ряде случаев заметить выкладки клейм, которые имели шпунтовую структуру, чем окружающий их фон. Кроме того, расчищались украшения рукоятей мечей, обнажая иногда отделку цветными металлами — медью, латуной, серебром.

К сожалению, из-за недостатка исходной информации у ряда мечей очистка верхней трети клинков была произведена не полностью.

часть интересующей поверхности металла осталась коррозированной. Кроме того, в процессе консервации мечей не была осуществлена, пусть самая незначительная, шлифовка, далее полировка, а затем и протравка поверхности их дола. Поэтому разнородные включения визуально зачастую почти не распознавались. Здесь следует заметить, что консерватор Государственного Исторического музея Г. Вернер, что написано в ее опубликованной в 1981 г. статье, успешно применила именно отмеченные выше методы очистки мечей. После снятия механическим путем коррозии толщиной около 2 мм и заглаживания поверхности дола клинка было произведено травление раствором серной кислоты в пропорции 1 : 2. Через 5 минут весьма отчетливо выступило клеймо.

Одним из способов обнаружения клейма, вполне безопасным для сохранности вещи, является протравка дистиллированной водой очищенной от окислов и несколько заглаженной поверхности дола клинка. Через считанные минуты на зеркале металла выявляется узор, подчеркнутый особым цветом. Клеймо становится видимым. Дальнейшее окисление металла останавливает просушка спиртом. Выявление разнородных включений обусловлено в этом случае строением полос железа и стали, по-разному реагирующих на травитель и, следовательно, по-разному проявляющихся и становящихся визуально заметными.

Весьма эффективен метод обнаружения клейм мечей травлением реактивом Гейна ($\text{CuCl}_2\text{NH}_4\text{Cl}$), также совершенно безопасный для состояния вещи. Процесс травления длится около 20 секунд и дает отчетливый конечный результат. Этот метод успешно применялся при изучении мечей в музеях России и стран Юго-Восточной Прибалтики (Кирпичников, 1966, с. 20 след., табл. XIV—XXI; Антейн, 1973).

Возвращаясь к теме нашего проекта, следует отметить, что, несмотря на некоторую фрагментарность консервации, очень важной явилась глубокая очистка зоны клейма, в результате которой обнаружались различные знаки и надписи. Консерваторы смогли в полном виде рассмотреть таковые только на нескольких клинках. Потребовались дополнительные усилия авторов статьи, чтобы попытаться распознать клейма у всех мечей, реставрированных в Кируне.¹ При этом были использованы микроскоп, подсветка вещи раз-

¹ Благодарим сотрудников Государственного Исторического музея Сюзиану Паламкову, Яна Педера Ламма, Астрид Вексель, Лену Тушмарк-Тюлен, а также директора музея Джейн Цедерквист за помощь и содействие в нашей работе.

поцветными лучами направленного света, макрофотографирование. Конечно, помог опыт предшествующей аналогичной работы, проведенной одним из авторов этой статьи в музеях России, Украины, Белоруссии, Польши, Норвегии и Швеции. Обращалось внимание на едва заметные сварочные швы, очертанивающие фигуры клейм, различные по строению и цвету полосы металла, неравномерные вздутия коррозии, украшения, даже мельчайшие, рукоятей. Итог ныне завершённых исследований не обманул наших ожиданий. Оказалось, что на всех ставших предметом исследования мечех имеются ранее скрытые от глаз знаки и надписи. Проведенные наблюдения полностью документированы в чертежах и фотографиях (что выполнялось А. Н. Кириичниковым) и подтвердили наблюдения о том, что практически все раннесредневековые мечи обязательно метились при их изготовлении. По архивным и другим источникам составлен список изученных мечей, включая обстоятельства находки, состав погребального комплекса, сохранность вещи, наличие украшений, клейма и т. д. (см. приложение к статье).

Таким образом, исследование целой партии древних мечей сопровождалось, если так можно выразиться, 100%-ным научным и музейным результатом. Такая оценка небесполезна для стимулирования дальнейших исследований мечей эпохи викингов, в том числе и в Государственном Историческом музее, где их число исчисляется несколькими сотнями.

Изученные в 1998 г. мечи в большинстве найдены в погребениях эпохи викингов (не менее 10 документально установленных случаев) в среднешведских провинциях Онгерманланд, Гестрикланд, Упсала, а также на о. Готланд. Речь преимущественно идет о погребениях по обряду трупосожжения, и только один раз меч оказался в захоронении с трупоположением. В семи погребениях меч сопровождало в разных наборах другое оружие: наконечники копий и стрел, умбоны, а также удила и принадлежности конской сбруи. В восьми случаях мечи достались преднамеренно согнутыми, с лезвиями, разломанными на части, с перекрестьями, сбитыми со своих первоначальных мест. Порча оружия при захоронениях была обычным делом. По поверьям, она препятствовала мертвым причинять зло живым, предотвращала желание потомков владеть оружием родственников, спасала от грабежа могил.

Судя по составу находок и обстоятельствам их обнаружения, мечи, равно как и другое напутственное оружие, а также утварь принадлежали свободным мужчинам, по-видимому, разного социального положения и вониской спецификации. Так, в погребении

Бирка 514 обнаружены кроме меча поз, умбон, ремешные бляшки, оковка шеста или посоха, два ведерка. Этому умершему положили самое необходимое для пешего воина. Напротив, в захоронениях с мечами 23115, 31109, 17444 метательное и колющее оружие, украшения, домашняя утварь дополнялись удилами и деталями конского снаряжения. Могилы с конским снаряжением свидетельствуют об относительной состоятельности погребенных в них людей. Несмотря на различия заупокойных приношений, все захороненные по языческим обрядам имели дорогой меч как необходимую принадлежность. Такой обычай, несомненно, отражал широкое оснащение мужской части древнешведского общества личным клинковым, как, впрочем, и другим оружием. Нередкое нахождение мечей в могилах раннего средневековья Скандинавии всякий раз вызывает вопрос о происхождении этого не только очень ценного, но и фактически общепарадного оружия.

Обратимся здесь к конкретному материалу, который обладает конструктивной, типологической и хронологической определенностью. Семь из числа обследованных мечей почти полностью сохранили свои клинки длиной (от оконечности лезвия до перекрестья) 60—82 см при ширине лезвия у перекрестья 5—6 см. Один из них (16499) имеет лезвие с почти параллельными краями и слабо закругленным концом, по типологии А. Гайбига относится к типу 1, образцы которого существовали в VIII—IX вв. (Geibig, 1991. Abb. 22, 40). Другой клинок отличается массивным широким, несколько сужающимся лезвием (16704:3), по типологии А. Гайбига принадлежит к типу 2, экземпляры которого характерны для второй половины IX—первой половины XI вв. Большинство уцелевших клинков (5609, 19380, 23115, 31109, 6079) характеризуются более узким и не столь массивным лезвием типа 3 также по Гайбигу, что датирует их концом IX—серединой XI вв. (Geibig, 1991. Abb. 22 und 40). Вес оружия, судя по названным выше экземплярам, составлял около 900—1350 г. С учетом утраты обкладок стержня рукоятки, большей или меньшей изъеденности коррозией, утраты части краев лезвия первоначальный средний вес оружия приближался к 1450—1500 г.

Судя по обряду погребения, сопутствующим находкам, формам самих мечей, восемь из них (5609, 16704:3, 17408:2, 7097, 23115, 31109, 17444, без номера) относятся к X в. (или после 950 г.), а семь — к IX в. (16499) и IX—X вв. (19380, 4775, 4924, 6079,

10433, Бирка 514). Сужение хронологии, если может быть уточнено, придется, думаем, в пользу X в., иногда его второй половины. В рассматриваемой группе представлены мечи популярных типов (по Я. Петерсену) с треугольным (Н и С) и полудисковидным навершием (Х). Преобладают формы типа Н (11 экземпляров). Хронология и встречаемость всех этих форм установлены.

По подсчету М. Якобссона, мечей типа Н, относящихся к IX—первой половине X вв., в Европе известно около 600. Среди скандинавских клинков эпохи викингов они составляют 48% всех находок этого оружия (Jakobsson, 1992, p. 32—35, 209—210). Судя по русским находкам, мечи типа Н не использовались в конце IX—начале XI вв. Преобладающее большинство рассматриваемых мечей, по А. Гайбигу, относится к комбинированному типу 5, варианту I и датируются X—первой половиной XI вв. (Geibig, 1991. Abb. 39). На основании разного рода сопоставлений, включая и рассматриваемый материал, можно думать, что большинство мечей типа Н, найденных на территории Скандинавии, находились в употреблении, скорее, не в IX, а в X—начале XI вв.

Среди изучаемых мечей два относятся к типу Х (5609 и 17408:2). Мечи этого типа широко распространены в Европе. Их подсчитано не меньше 224. Полагают, что они появились в Скандинавии в начале X в. и не использовались еще в XI столетии (Jakobsson, 1992, p. 54—57, 213—214; Kazakevičius, 1996, p. 158). Рассматриваемые мечи по типологии А. Гайбига относятся к комбинированному типу 12, варианту I, датируемому второй половиной X—XI вв. (Geibig, 1991. Abb. 13 und 39). Русские находки мечей аналогичного типа эту дату ограничивают второй половиной X—началом XI вв. (Кирпичников, 1966, с. 24 и 33). Полагаем, что эта дата, если ее уточнить второй половиной X в., приложима и к обсуждаемым древнешведским мечам.

Что касается одного меча типа С (16499), оказавшегося в составе изучаемой коллекции, то, по подсчету М. Якобссона, таких образцов в странах Северной Европы, Англии и Ирландии известно 157. Они всюду датируются IX в. (Jakobsson 1992, p. 35, 157, 208), что соотносимо и с нашим экземпляром. Переходим здесь к анализу новооткрытых клейм.

Обнаруженные меты мечей достаточно определенно группируются по их изобразительным и смысловым признакам. При рассмотрении клейм следует прежде всего выделить их главную часть, то ест

ту сторону клинка, которая содержит имена, подражания именам, наконец, определенные знаки, среди которых угадываются имеющие символическое значение. Подчищенное значение имеет композиция на обороте клинка, состоящая обычно из перекрещенных полос и столбиков. Эти дополнительные начертания можно трактовать как особый знак мастера (или одновременно работающих нескольких ремесленников), или «урочной» группы изделий, или партии, идущей на продажу, или, наконец, как обозначение качественной работы. Сходные знаки этого рода встречаются на разнотипных разновременных мечах. Данных для утверждения того, что эта композиция видоизменяется в связи с переходом производства к новому поколению мастеров, пока нет.

подавляющее большинство мечей имеют клейма, выполненные, как упоминалось выше, отрезками перекрученной железной и стальной проволоки. Эту технику называют дамаскировкой. При протравке таких отрезков на поверхности металла появляется затейливый узор. Такие узоры присущи подавляющему большинству обсуждаемых изделий. Мечи 16499 и 17444 снабжены метами, выполненными отрезками железной проволоки. Заметим, что маркировка дамаскированным металлом явно предпочиталась, так как выглядела более эффектно, чем такая же из однородного материала.

Первыми в нашем обзоре мечей с нововывявленными клеймами представим произведения мастерской ULFBERHT, подписанные латинскими буквами капитального шрифта. Таких мечей семь, все относятся к типу H и происходят из всех упомянутых выше провинций Швеции и о. Готланда. В большинстве датируются X в. Клейма занимают полосу длиной 15—18 см, высотой 2—3 см (рис. 1—7). В написании встречены некоторые вариации: первая буква «U» пишется и отдельно, и иногда слитно с «L». Имя обрамлено крестами, имеющими символическое значение, но связывать их обязательно с введением христианства вряд ли основательно. Этот общечеловеческий символ использовался еще в языческую эпоху. У пяти мечей крест включает имя и лишь в одном случае (16704:3) помещен перед буквой «T». Кажется, что крест внутри букв имени стали выкладывать уже в первоначальный период существования данной мастерской. На мече 4745 перекрестье закрывает часть вступительного креста — признак того, что рукоять смонтирована не изначально, а позднее, по-видимому, с целью подгонки оружия по индивидуальному заказу владельца или просто в целях ремонта. На обороте

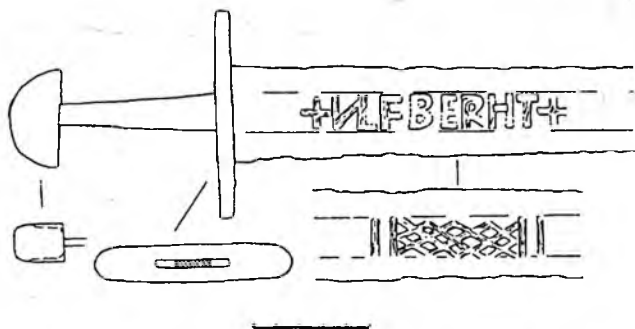

Рис. 1. Ängermanland, Skog sn., Gallsätter 5609.

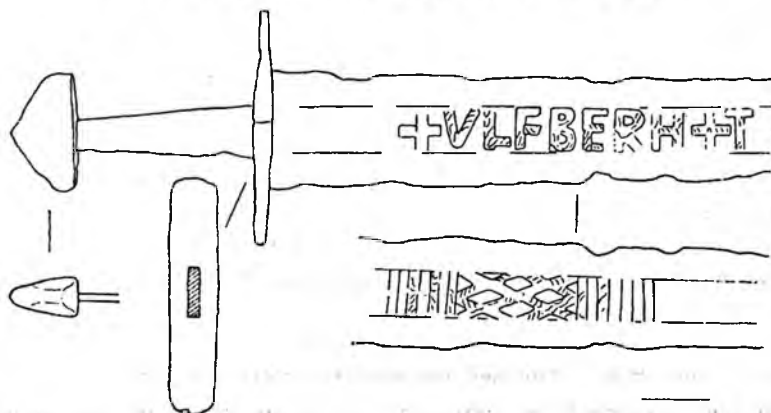

Рис. 2. Gästrikland, Hille sn., Hilleby 2, 16704 : 3.

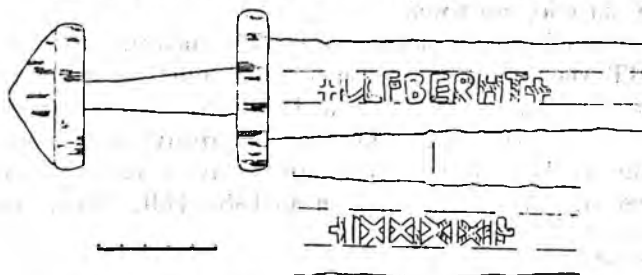

Рис. 3. Uppland, Adelsö sn., Birka 7097.

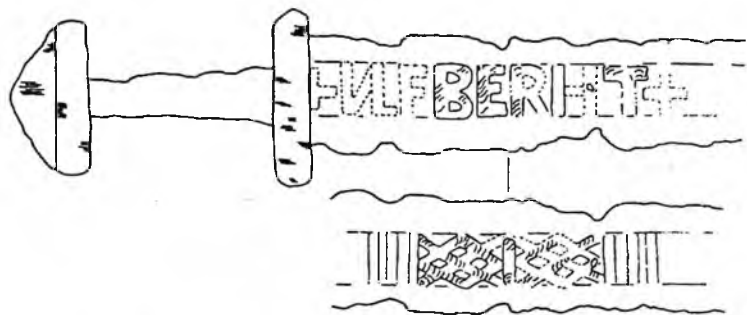

Рис. 4. Gotland, Vestergarn sn., Lilla Mafriids 4745.

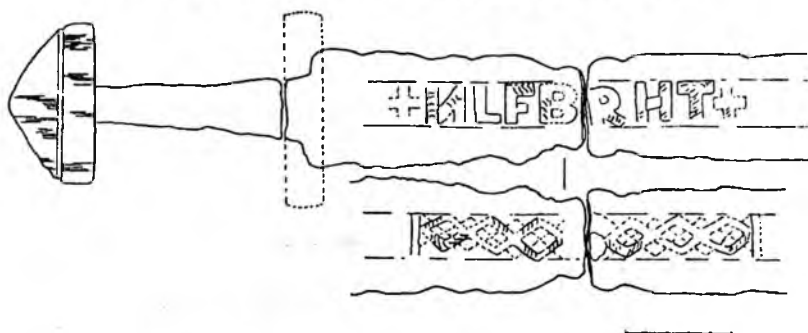

Рис. 5. Gotland, Eskelhem sn., Sigvards 6079.

мечей представлены различной длины композиции из перекрещенных полос и столбиков. Некоторые состоят из трех-четырех компонентов, чтобы примерно соответствовать протяженности расположенных на обороте имен.

Семь новообнаруженных шведских экземпляров с маркой ULFBERHT увеличивают число подсчитанных в странах Европы клинков этого рода со 179—180 до 186—187 экземпляров (Киричников, 1997, с. 116—122). Если же к этому прибавить еще два экземпляра из Готланда, опубликованных в виде рентгеновских снимков, то это число поднимется до 188—189.² Число найденных

² На рентгеновских снимках двух мечей типа Н. происходящих из Ksp. Halla Broa/Högbro на о. Готланд, можно рассмотреть слабые следы букв В, Е, R, Н, что сопоставляется с именем ULFBERHT (Thuhmark-Nylén, 1995. Abb. 501, a—b).

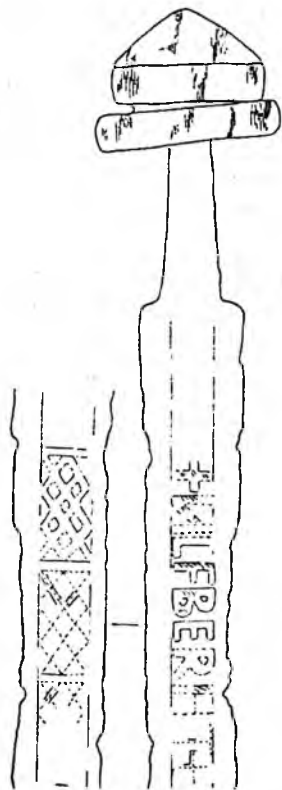

Рис. 6. Uppland, Västland sn., Finnerånger 23115.

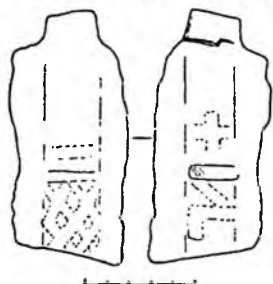

Рис. 7. Gotland, Vallstena sn., Vallstenarum 4924.

в Швеции мечей с именем ULFBERHT ныне достигает 16—17, в будущем их будет, в чем можно не сомневаться, много больше. Не исключено, что мастера в разных странах воспроизводили марку прославленного оружия. Однако среди рассматриваемых нами семи мечей явных подделок, которые бы имели доморощенные признаки в выкладке надписи или отделке рукоятей, выполненных неумело и с ошибками, не замечается. К тому же техника выполнения клейм из дамаскированного металла совершенно схожа между собой у всех экземпляров. Думаем, что фальсификация качественного оружия не всегда оправдывала усилия местных кузнецов и они предпочитали выпускать мечи с собственными металами.

Полагают, что мастерская ULFBERHT находилась в Рейнской области Германии. В IX—первой половине XI вв. она выпускала сотни мечей, расходившихся во многих странах Европы. Речь идет о крупнейшей в эпоху средневековья оружейной мануфактуре, изготовлявшей международно признанное высококачественное белое оружие. Эта мануфактура, может быть основанная кузнецом Ulfberht, в дальнейшем стала потомственным фамильным предприятием, в котором больше чем два века трудилось не одно поколение мастеров и их помощников.

Рукояти мечей ULFBERHT обычно украшались линейно-геометрическим орнаментом с применением меди, латуни и серебра. Не составили исключение и рассматриваемые образцы. Рукояти мечей 23115, 4745 и 6079 имели орнамент, шкатурированный латунью. В отделке рук

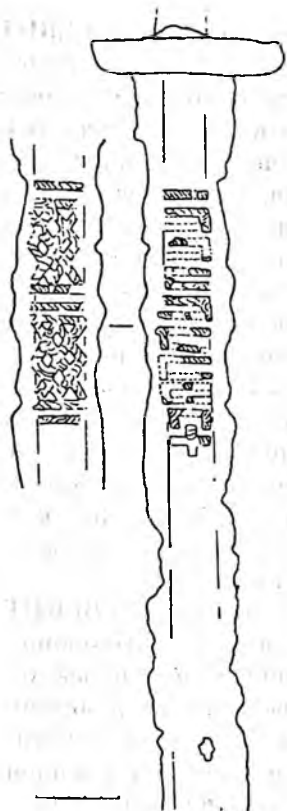

Рис. 8. Uppland, Adelsö
sn., Birka 514.

яти меча 7097 были использованы шты латуни и серебра. Применение латуни создавало впечатление того, что оружие украшено золотом. А включение в отделку серебра придавало паружному виду меча эффект переливающейся разными цветами богатой ковровой поверхности. Техника украшения рукоятей мечей в течение X в. все более упрощалась. Это может иллюстрировать меч типа H, 16704 : 3, имеющий на вершине, выкованное не из двух, а из одного куска металла, и перекрестье не ладьевидной, а пластинчатой формы. Детали подобных рукоятей уже не имели геометрического орнамента. Примерно во второй половине X в. мастерская ULFBERNIT стала выпускать мечи, отделка которых, действительно, по сравнению с предшествующим временем удешевилась. Таков меч 5609 типа X: он лишен геометрического орнамента и имеет на вершине, выкованное из одного куска металла.

Таким образом, 7 из 15 изученных мечей имели именное клеймо, скорее всего указывающее на западно-европейское происхождение оружия. По нашим наблюдениям, доля клинкового, явно континентального оружия в составе местного скандинавского арсенала составляла не менее 40%. Настоящий посыл это лишний раз подтверждает. Несомненно, что скандинавы ценили достоинства рейнско-германской оружейной продукции и стремились ее приобрести.

В особую группу по своим клеймам относятся мечи IX—X вв., все типа H (Бирка 514, 19380, 31109, без номера неизвестного типа, рис. 8—11 и 16), имеющие 9—10 буквообразных знаков, выполненных в технике дамаскировки. Можно распознать L, I, C, F. Буква L, дополненная вертикальным столбиком, всегда доминирует. В последовательности фигур нет строгости, встречаются разного «вольные» комбинации. Размер клейм 9,7—14,5 см × 2—2,7 см.

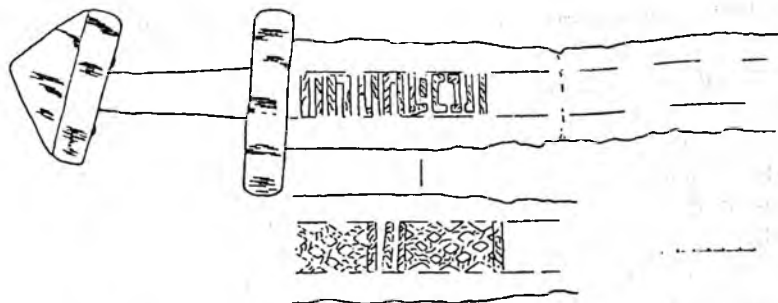

Рис. 9. Uppland, Skuttunge sn., Skuttunge nr. 1, 19380.

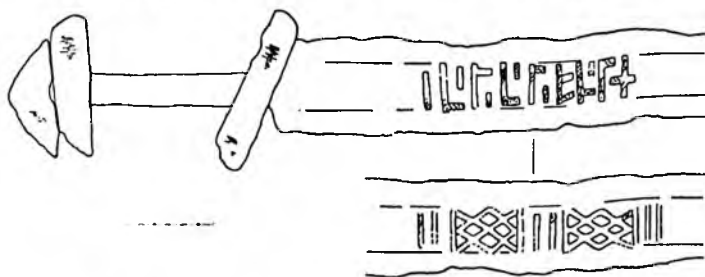

Рис. 10. Uppland, Danmarks sn., Gnista 2 : 1, 31109.

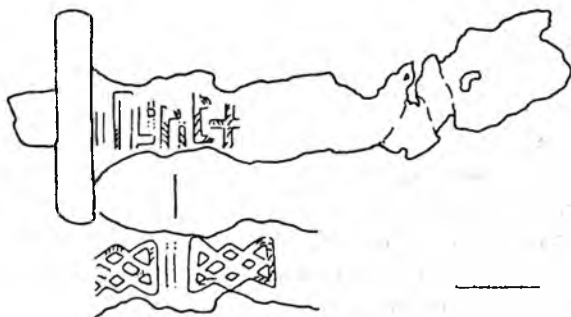

Рис. 11. Место
находки неизвестно.
Без номера.

Мечи 19380 и без номера имеют меты, частично закрытые перекрестьями. Очевидно, что монтировку рукояти на клинок производили вне стен первоначальной мастерской, под воздействием индивидуального заказа. Допустим здесь случай, связанный, например, с

установкой перекрестья «по руке» владельца или его преемника. Несомненно, что производственный цикл заключался в ковке клинка, его маркировке, а затем монтировке рукоятки. Как правило, эти процессы происходили в первоначальной мастерской, тогда клеймо оказывалось полностью открытым и видимым.

Меты мечей данной группы пытались сопоставить с рунами, а на одном из клинков из собрания музея в Бергене усмотрели надпись: «Oh BurguB» («Тормод владеет», Werner, 1981, p. 22). В действительности все фигуры на мечах рассматриваемой группы, в каком бы порядке они ни располагались, нечитаемы, но по числу знаков и их изображению явно имитируют именную надпись. Становится совершенно ясно, что кузнецы лишь подражали латиноязычным надписям, не пытаясь их правильно представить. Так буква «L» зачастую дается в перевернутом виде и ее дополняет I-образный столбик. Буква «S» встречена удвоенной и сопоставленной одна против другой (19380). «F» дана в перевернутом виде. Судя по всему, элементам клейма не придавали значения читаемых букв, а выкладывали их как некие геометрические составляющие. Являлись ли изготовители подобных мечей неграмотными или их продукция предназначалась людям, не читавшим латинских текстов, но знавшим, что мечи с именами, как бы они ни писались, обладали высокими боевыми качествами? Точный ответ здесь вряд ли возможен. Важно другое — очевидно, при ковке клинка следовали основополагающему правилу. На главной стороне полосы должны быть фигуры, так или иначе свидетельствующие о надписи и умении кузнеца «писать по железу». У потребителей клинков замена имени фальсификатом, видимо, не вызывала отрицания, тем более что мечи с буквообразными метами зачастую имели рукоятки, выдержанные по форме и украшениям в общеевропейском стиле. Их перекрестья и навершия были снабжены привычной линейно-геометрической орнаментацией, а сами меты выкладывались отрезками дамаскированного металла. Кроме того, на обороте таких мечей имеются знаки из перекрещенных полос, как и у клинков рейнских мастерских.

Клейма с L-образными знаками зафиксированы на мечах популярных типов С, В, Н, Е, распространенных в период раннего средневековья в Северной и Восточной Европе. Подобные образцы могли появиться в раннюю эпоху викингов и употребляться в более позднее время. Характерно распространение мечей с повторяющимися

L-образными фигурами. 7 таковых обнаружены в Норвегии (Lorange, 1889. Tabl. III, 9; IV 1a, 1c, 1d; 2a, 2b, 2c, IV, 3a, 3c, 3d³), 9 — в Швеции (включая рассматриваемые, Wegner, 1981, fig. 1, 4, 5, 8; Thålin-Bergman, Kirpičnikov, 1998. Abb. 4, 1—2; 5, 2¹), 2 — в Финляндии (Leppäaho, 1964. Taf. 1), 2 — в России и на Украине (Кирпичников, 1966, табл. XVIII.2; Кирпичников, 1992, рис. 4.3). Некоторые из отмеченных экземпляров по своим клеймам, число знаков которых обычно 8—10, довольно близки между собой. Так мечи из Gnista 2 : 1 и Бирка 514 сходны с образцами из Altna (Швеция) и Langve i Jndviken (Норвегия), что предполагает их не слишком растянутую по времени дату изготовления, скорее всего, в каком-то одном месте.

География находок мечей с буквообразными клеймами позволяет искать места их выработки где-то на севере Европы, в первую очередь среди Скандинавских стран. Вряд ли выпуском мечей с метами, фальсифицированными «под имена», занимались известные каролингские мастерские. По-видимому, речь идет о достаточно квалифицированной работе северных мастеров, чисто внешне воспринявших стиль подписных формул континентальных образцов. Выявление шведских находок, которые подобались целой представительной группой, такое предположение усиливает. Вероятно, что одним лишь привозным с континента оружием нельзя было удовлетворить потребности скандинавского, в том числе и шведского, общества. Здесь мы подходим к важнейшему вопросу о том, могли ли производить шведы в эпоху викингов собственные мечи, включая и с буквообразными метами. Положительный ответ здесь, по нашему мнению, не исключен. К тому же каких-либо кузнечных секретов, в том числе и связанных с ковкой сложноузорчатой стали, для скандинавских кузнецов не существовало. Некоторое подтверждение высказанным предположениям встречаем при рассмотрении следующих типов клейм. К особой группе по своим метам относятся два меча: 10433 и 17444 из готландских находок. Их главные марки одинаковы и состоят из круга, обрамленного парными столбиками

³ В подсчет включены 3 меча с L-образными знаками, которые выявлены в 1992 г. в музеях Норвегии группой специалистов, в состав которых входили А. Стальберг и А. Кирпичников.

⁴ В указанную Кирпичникова и Толли-Бергман статью вошла опечатка. Подпись к Abb. 4 и 5 следует поменять местами, т. е. к Abb. 4 относится подпись Abb. 5, Abb. 5 относится подпись Abb. 4.

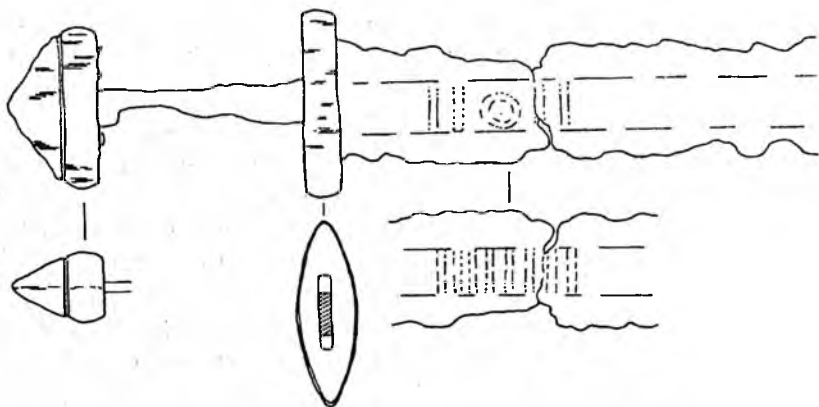

Рис. 12. Gotland, Vallstena sn., Norrgårda 10433.

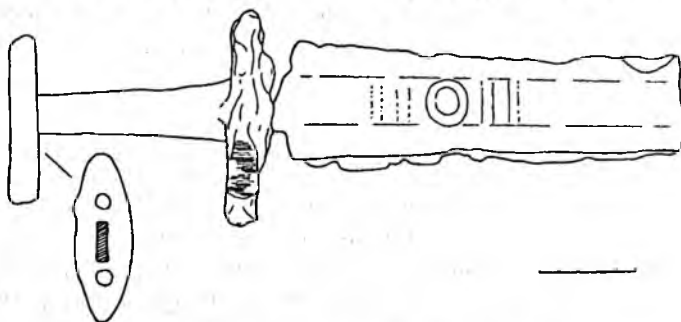

Рис. 13. Gotland, När sn., Smiss 17444.

(рис. 12, 13 и 17). Размер композиций: 7—7,5 см × 2,3 см. На обороте клинка 10433 видны 8 столбиков. Нечто похожее можно предполагать на обороте и второго меча — 17444. Из-за согнутости полосы расчистка в данном случае не производилась.

Клиники с клеймами, включающим круг (не будет заблуждением эту фигуру трактовать как знак солнца), встречены в ряде стран Центральной, Северной и Восточной Европы. Багдадский философ Ал-Кинди в своем трактате о мечах всего мира (IX в.) отметил кресты, полумесяцы и круги, которые виднелись на франкских мечах (Кирпичников, 1966, с. 46). Приведенный перечень свидетельствует в пользу того, что изделия с указанными фигурами, как и имен-

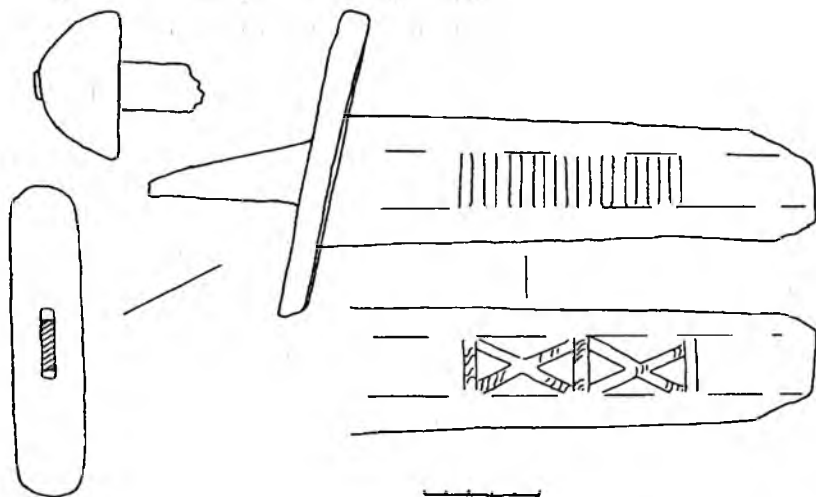

Рис. 14. Gästrikland, Årsunda sn., Årsunda 17408 : 2.

ные, изготовлялись в каролингских оружейных мастерских. Обязательно ли входят в этот ряд обсуждаемые готландские мечи, однозначно решить затруднительно. Простота и незамысловатость клейм этих мечей допускает местное производство по континентальным образцам. Некоторые доморощенные особенности изготовления мечей рассматриваемой группы этой мысли не противоречат. Так у экземпляра 17444 мета наведена не дамаскированным металлом, как обычно, а железом. В отделке рукоятки меча 10433 употреблены не проволоочные нити цветного металла, как было принято, а набиты целые полоски меди.

Более обоснованная сортировка клинков с символическими знаками на привозные и местные — дело будущих исследований. Одновременное существование тех и других исключить, однако, нельзя.

Наряду со знаками символического значения мастера клеймили свои произведения геометрическими фигурами, которые вряд ли обладали кроме декоративного семантическим смыслом. Таковы два меча: 17408 : 2 и 16499, относящиеся к типам соответственно X и C (рис. 14, 15). Типологическая дата этих вещей IX—X вв. Размер клейма 8,5—11 см × 2,4 см. Выкладки мет при том, что они выпол-

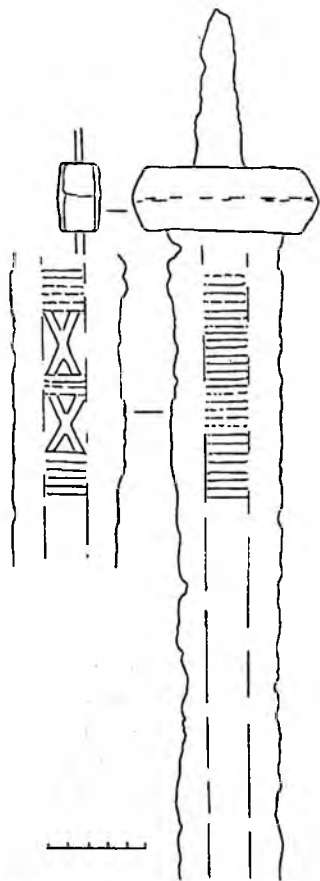

Рис. 15. Uppland, Roslags-Bro sn., Velända 16499.

ставляющих приближает нас к ответу о происхождении клинков. Прежде чем получить такой ответ, требуется накопить больше фактического материала. Здесь еще предстоит много сделать. Достигнутый уровень знаний позволяет, однако, высказать наблюдение о существовании в клинковом производстве IX—X вв. двух тенденций, более или менее уравновешенных между собой. Одна из них отчетливо указывает на западно-европейский импорт в Скандинавию. Таковы мечи с латиноязычными именами и отчасти с символически-

пены отрезками дамаскированного металла и железа, отличаются изобразительным сходством. На одной стороне клинков представлены от 10 до 14 столбиков, на другой — знаки из перекрещенных полос (у образца 16499 их дополняют вертикальные полосы). Складывается впечатление, что мастера стремились заполнить зону клейма весьма элементарными фигурами, но таким образом, чтобы они занимали заданное пространство и были столь же заметны, как меты других типов. Мечи с похожими линейно-геометрическими знаками встречаются как в Скандинавских странах, так и за их пределами. Полагаем, что в данной группе, как и среди, например, клинков с буквообразными изображениями, уверенно можно искать произведения местной выделки (Kirpichnikov, Stalsberg, 1998, p. 512).

Итак, изучение партии древнешведских мечей подтвердило и расширило наши представления об этом оружии, которое следует рассматривать в обще-европейском масштабе. Только такой подход способен более полно прояснить места производства и пути распространения белого оружия. Необходимо при этом учитывать типологию меча, его украшения и клеймо. Анализ трех со-

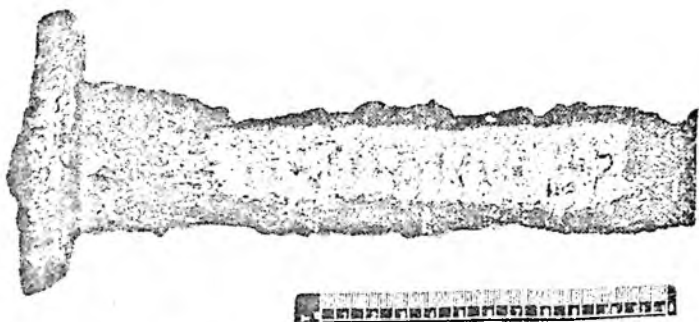

Рис. 16. Uppland, Adelsö sn., Birka 514.

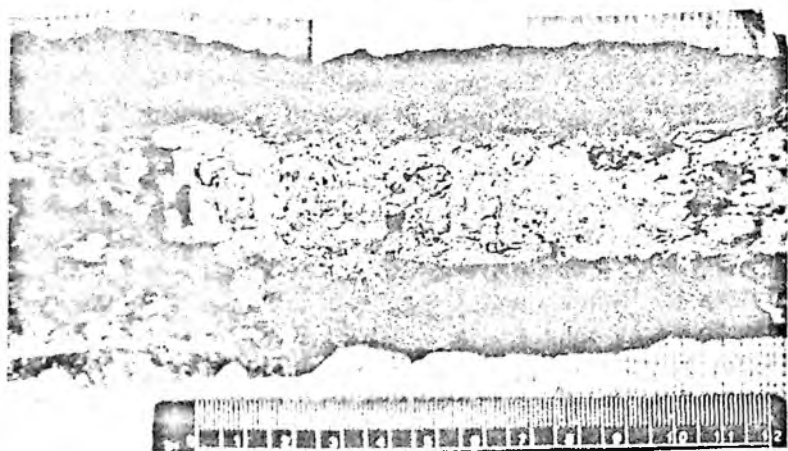

Рис. 17. Gotland, När sn., Smiss 1744.

ми знаками. Другая тенденция предполагает, хотя бы частичное, собственное производство клинков, меченных буквообразными, геометрическими и, в какой-то мере, символическими знаками. Дальнейшее изучение древнесведского разнообразного и выразительного клинкового материала очень перспективно и многообещающе.

**ИССЛЕДОВАННЫЕ МЕЧИ
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В СТОКГОЛЬМЕ.⁵
КАТАЛОГ**

Онгерманланд

5609. Skog sn. Callsätter. Меч типа X. Найден в 1875 г. при рас­пашке на глубине 1/2 фута в песке под напластованнем земли. Происходит ли он из погребения или обронен случайно, осталось не­известно. Общая длина меча 93,4 см, вес 1300 г. Сохранился полно­стью. На рукоятки украшений нет. После консервации на верхней трети клинка установлено двустороннее клеймо, наведенное в тех­нике дамаскировки. Уцелевшие частично полосы клейма, скорее всего, состояли из перекрученных штей. На лицевой стороне, не­смотря на фрагментарную сохранность некоторых букв, отчетливо проступает имя +ULFBERHT+, обрамленное крестами. На обороте знак из перекрещенных полос, ограниченных двумя столбиками с каждой стороны. Вероятная дата изготовления меча X в., скорее всего, его вторая половина.

Гестрикланд

16704 : 3. Hille sn. Hilleby 2. Меч типа H. Найден в 1921 г. при копке ямы под флагшток. Обнаружен на глубине 1 фут в черном углистом слое вместе с пожом, игольником и 7 гвоздями. По-видимо­му, остатки трупосожжения. В этом же месте в начале 1900-х годов был найден еще один меч и наконечник ланцетовидного копья дли­ной 49 см. Рассматриваемый меч сохранился почти полностью. Его общая длина 72,8 см, вес 960 г. После консервации на одной сто­роне клинка проступила надпись из 8 букв, дополненная двумя креста­ми: +ULFBERHT+. На обороте полосы виден знак из перекре-

⁵ Список мечей составлен с учетом сведений картотеки Государственного Историче­ского музея и данных натурального изучения самих вещей. Перечисление ведется в соответ­ствии с расположением провинций в направлении с севера на юг. Нумерация музейного хранения для каждой провинции отдельная. Даты вещей и комплексов, в которых они обнаружены, определялись по типологии изделий и другим данным. Типы мечей даны по Я. Петерсену (Petersen, 1919). При упоминании места находки на первом месте стоит приход, на втором — деревня или хутор.

щепных полос, обрамленных 4 столбиками с каждой стороны. Все выкладки наведены перекрученными отрезками дамаскированного металла. Часть из них утрачена, но по сохранившимся капавкам и отпечаткам некогда инкрустированного металла все клеймо полностью достоверно документируется. Возможная дата изготовления меча X в., скорее всего, его вторая половина.

17408 : 2. Årsunda sn. Årsunda. Меч типа X. Найден в 1923 г. в одном из курганов (погребение II) могильника, к югу от церкви, во время дорожных работ. находка зафиксирована Г. Хальстремом по информации рабочих. Их сведения, по-видимому, неточны и отчасти спутаны, ибо перечисления находок в отчете Хальстрема и музейном реестре различаются между собой. По описи Государственного Исторического музея в погребении, совершенном по обряду трупосожжения, в подкурганной яме, оказались 2 меча, наконечник копья, наконечник стрелы, нож, 2 кресала, фрагменты железного котла, гирька (?), 2 оселка, железные петли, обломки гребня (?). В отчете Хальстрема отмечены: меч, топор, 2 наконечника стрел, нож, фрагменты гребня, крестообразные разделители, обломки металлических изделий (Baudou, 1963, p. 29—30, fig. 2—4).

Сохранилась верхняя часть меча общей длиной 24 см, с перекрестьем, сдвинутым набок, и отломанным навершием. Вес фрагментов 875 г. Несомненно, что меч во время захоронения преднамеренно сломали. На клинке после лабораторной обработки поверхности дола открылось клеймо. На одной стороне клинка оно состоит из 10 столбиков, на другой — едвоенный X-образный знак, помещенный между столбиками. Судя по этому знаку, выкладки клейма наводились перекрученными отрезками дамаскированного металла. Дата изготовления вещи, скорее всего, вторая половина X в.

Унганд

7097. Adelsö sn. Могильник Бирка. Меч типа H. Отдельная находка 1882 г., несомненно, из кургана. Сохранилась верхняя половина меча длиной 61,5 см и весом 1330 г. Поверхность перекрестья и навершия покрыта инкрустированной проволокой. Ее отрезки набиты на поверхность металла, чередуясь попарно: два серебряных, два латунных. На головке навершия эта же декорация, только отрезки из серебра и латуни попарно перекручены между собой. После лабораторной расчистки на поверхности дола открылось двусторон-

нее клеймо, наведенное перекрученными отрезками металла в технике дамаскировки. На одной стороне клинка надпись из 8 букв: +ULFBERHT+, обрамленная крестами, на другой — четыре косых креста, разделенные столбиками и ограниченные полукрестами. Часть букв и знаков утрачена, но сохранились канавки для их укладки и отпечатки утраченных выкладок. Это позволило полностью представить клеймо. Дата изготовления меча X в. (?).

Adelsö sn., Birka 514. Меч типа H. Раскопки Г. Стольпе в 1876—1878 гг. Погребение 514 в могильнике севернее бугра. В могильной камере при костяке найдены: умбои, два накопечника пояса, нож, два деревянных ведерка с металлическими обручами и дужками, железная обкладка со штифтами, коническое навершие, возможно для посоха или шеста. Сохранность меча была плохой, но его удалось полностью зарисовать. На этом рисунке показана и обкладка стержня рукоятки с кожаной (?) обмоткой (Arbman, 1943. S. 153—154. Abb. 103). Общая длина меча 95,5 см. Ныне сохранилась только часть клинка с перекрестьем длиной 58,8 см и весом 520 г.

На клинке после расчистки выявлено двустороннее клеймо, выполненное отрезками, состоящими из перекрученных полос, в технике дамаскировки. Часть знаков не сохранилась, но реконструируется по канавкам на поверхности дола и отпечаткам утраченных выкладок клейма. На одной стороне клинка выявлены буквообразные знаки, похожие на буквы L, S, I, которые заканчиваются крестом. Фигуры располагаются в определенном порядке. Так, две первые «L» соответствуют двум последним, но данным в перевернутом виде. Столбики, подходящие к букве «L», скорее всего, с ней вплотную не соприкасались. На другой стороне клинка композиция из перекрещенных полос и столбиков. В ее составе две симметричные по рисунку половины. Х. Арбман относил данное погребение к IX в., И. Янссон — к IX—X вв.

16499. Roslags-Bro sn., Velända. Меч, возможно, типа С. Найден в карьере, на месте, где располагался древний могильник. Навершие утрачено. Общая длина сохранившегося меча 92 см, вес 1250 г. После лабораторной консервации удалось установить клеймо, выполненное отрезками железной проволоки. На одной стороне клинка оказалось 14 столбиков, на другой — две X-образные фигуры в обрамлении столбиков. Мечи типа С относят к раннему этапу викингов.

19380. Skultunge sn., Skultunge nr. 1. Меч типа Н. Найден около 1923 г. при распашке плугом в 300 м на юго-запад от церкви. Повидимому, происходит из погребения. Обнаружен в согнутом в двух местах виде. Клинок разогнули, но при этом его оконечность отломилась. Общая длина меча 76 см, вес 1200 г. Навершие и перекрестье имеют частые параллельные бороздки (на 1 мм поверхности их две) для инкрустирования латушной проволоки. Она частично сохранилась. Всего на отделку рукоятки понадобилось не менее 15 м такой проволоки. На клинке после лабораторной расчистки оказалось большей частью сохранившееся двустороннее клеймо, выполненное перекрученными отрезками дамаскированного металла. На одной стороне представлены буквообразные начертания, включающие фигуры, напоминающие буквы «L», «C», «I». Всего здесь насчитывается не меньше 10 знаков. На другой стороне клинка двухчастная фигура из перекрещенных полос и столбиков. Левый знак из перекрещенных полос полностью зафиксировать не удалось, так как он частью скрыт перекрестьем. Дата изготовления оружия IX—X вв.

23115. Västland sn., Finnerånger. Меч типа Н. Сборы местных жителей, а затем раскопки Н. Сундквиста в 1941 г. Погребение с трупосожжением. В слое кострища вместе с мечом найдены 5 наконечников стрел, 2 пожа, удила, часть шпоры, бронзовое коромысло весов, бронзовая кольцеобразная фибула с длинной иглой, обломок сверла, брусок, фрагменты костяного гребня, гвозди, железные стержни.

Меч преднамеренно поврежден, лезвие изогнуто в двух местах (затем, после находки, его выпрямляли), перекрестье сбито со своего места. Общая длина меча 95,6 см, вес 1375 г. На перекрестье и навершии сделаны частые параллельные бороздки (на поверхности 1 мм их две) для инкрустации желтым металлом (латунь — ?). Эта инкрустация сохранилась частично. В составе клейма расчищены только некоторые буквы, наведенные перекрученными отрезками дамаскированного металла, а именно: «L», «I», «B», «E». Остальные читаются неотчетливо, но все вместе, несомненно, составляют имя +ULFBERTH+, обрамленное крестами. На обороте клинка знак из перекрещенных полос, состоящий из трех повторяющихся компонентов. Он так же, как и имя, расчищен частично, но поддается достоверной графической реконструкции. Примерная дата изготовления оружия и сооружения комплекса X в.

31109. Danmarks sn., Snista 2 : 1. Меч типа Н. Раскопки Я. Меландера и Х. Кнутссон в 1976 г. Погребение с трупосожжением. Вместе с мечом в слое кострища найдены умбон, наконечник ланцетовидного копья, пож. 10 наконечников стрел, удила, 2 глиняных сосуда. еще один сосуд достался разбитым. Далее обнаружены: бронзовая кольцевидная фибула с длинной иглой, 2 пряжки, фрагменты гребня, может быть, обломки футляра этого гребня, звено железной цепи, крюк от конской упряжи, чтобы тянуть повозку (Melandner, Knutsson, 1976). Меч поврежден: перекрестье сбито набок. Его длина 94 см, вес 1141 г. На перекрестье и основании наверху видны частые параллельные бороздки для инкрустации цветным металлом. Клеймо меча почти полностью сохранилось и выявлено во всех деталях, так как расчищено со шлифовкой и полировкой поверхности дола, а также последующей протравкой консерватором Государственного Исторического музея Гуннель Вернер. Оказалось возможным дополнить квалифицированные наблюдения Г. Вернер рисовкой клейма и расширением круга аналогий. На одной стороне меча выявлены 8 буквообразных знаков, включающих фигуры, напоминающие буквы «L», «I», «P» (часть из них перевернута). Композицию завершает крест. На обороте клинка знак из перекрещенных полос и боковых столбиков. В его составе две симметричные по рисунку половины. Клеймо выполнено дамаскированным металлом, полосы железа и стали, составляющие выкладки и инкрустированные в дол, перекручены между собой. Авторы раскопок отнесли рассматриваемый погребальный комплекс к X в.

Готланд

4745. Vesternarn sn., Lilla Mafrids. Меч типа Н. Найден в поле при пахоте. Был вывернут плугом. Поступил в Государственный Исторический музей в 1893 г. Каких-либо других данных о находке не имеется. Не исключено, что речь идет о погребении. Конец полосы меча обломан. Его общая длина в нынешнем состоянии 54,5 см, вес 840 г. На перекрестье и наверху многочисленные параллельные бороздки для инкрустации латушной проволоки. Последняя сохранилась фрагментарно. Клеймо расчищено частично, что позволило зафиксировать с одной стороны клинка буквы «B», «E», «R», часть букв «H» и «T», а с другой — двойной знак из перекрещенных полос и боковых столбиков. В его составе две симметричные по рисунку половины. Несомненно, что на клинке содержится имя

+ULFBERHT+, обрамленное крестами. Нерасчищенные части имени и знаков восстановлены по выпуклостям коррозии. При этом выяснилось, что вступительный крест частью закрыт перекрестьем. Начертания клейма выполнены перекрученными отрезками металла в технике дамаскировки. Дата изготовления оружия IX—X вв., скорее X в.

4924. Vallstena sn., Vallstenarum. Меч, возможно, типа Н. Три обломка этого меча общей длиной 48,5 см и весом 690 г входили в состав вещей, найденных, по-видимому, в погребениях и переданных в 1873 г. в Государственный Исторический музей. Конкретные обстоятельства находки неизвестны, может быть, вещи происходили из разных мест. В составе коллекции находятся обломки, по меньшей мере, двух клинков (включая и рассматриваемый) и детали двух рукоятей мечей типа Н. Вместе с ними наконечник копья, части котла, коробчатая бронзовая фибула, янтарная бусина. На обломке клинка после фрагментарной расчистки проступила мачта соединенных вместе букв «U» и «L». Слабо заметны соседние буквы и знак из перекрещенных полос на обороте клинка. Элементы надписи сопоставляются с именем ULFBERHT. Выкладки клейма выполнены в технике дамаскировки. Условная дата изготовления оружия IX—X вв.

6079. Eskelhem sn., Sigvards. Меч типа Н, разломан на шесть частей, перекрестья нет. Общая длина сложенных вместе обломков около 85 см, вес 870 г. Подробности находки неизвестны. Вместе с мечом в Государственный Исторический музей поступили: втулка копья и изогнутый бронзовый стержень — браслет (?). Навершие меча сплошь покрыто параллельными бороздками (на 1 мм поверхности их имеется две), заполненными вставками из латуни. После лабораторной обработки поверхности дола клинка удалось полностью восстановить клеймо, наведенное перекрученными отрезками металла в технике дамаскировки. На одной стороне зафиксировано имя +ULFBERHT+, обрамленное крестами. Полностью или частично читаются буквы «U», «F», «B», «R», «H», «T» и заключающий их крест. Буква «E» находилась в месте излома меча и не сохранилась. На обороте знак из перекрещенных полос, вероятно, состоящий из двух симметричных компонентов, разделенных столбиками. В месте излома клинка часть композиции утрачена. Дата изготовления оружия IX—X вв., вероятнее, X в.

10433. Vallstena sn., Norrgårda. Меч типа Н. Найден на поле хутора при пахоте, куплен Государственным Историческим музеем в 1897 г. Нижняя часть лезвия обломана. Длина 44,3 см, вес 840 г. Навершие и перекрестье покрыты параллельными бороздками (на 1 мм поверхности их две). На эти углубления набиты не отрезки проволоки, а пластины из листовой меди. После лабораторной обработки на клинке зафиксировано плохо сохранившееся, едва заметное клеймо. На одной стороне круг, обрамленный двумя столбиками с каждой стороны. На другой — композиция из восьми столбиков. Техника исполнения клейма, возможно, — перекрученные отрезки дамаскированного металла. Однако в отчетливом виде такого рода включения в дол клинка нигде не сохранились или не выявлены. Приблизительная дата изготовления оружия IX—X вв.

17444. När sn., Smiss. Меч, возможно, типа Н. Найден в 1920 г. в трех частью согнутых обломках при пахоте, задевшей погребение. Головка навершия отсутствует. Отмеченные поломки — след преднамеренного повреждения меча. Общая длина составленных фрагментов оружия около 83 см. На перекрестье частью уцелели вертикальные параллельные бороздки, инкрустированные желтым металлом, скорее всего, латунию. Вместе с мечом обнаружено серебряное декоративное орнаментированное кольцо, обрамлявшее основание навершия его рукояти. По-видимому, в погребении был второй меч, от него уцелели два обломка лезвия общей длиной 43 см. В том же месте также найдены 4 фрагментированных наконечника копий, части умбона, наконечник стрелы, часть ножа, принадлежность конского снаряжения в виде двух сочлененных колец, бронзовый разделитель ремней, железная обойма, накладки, кольца, звено цепочки. Клеймо меча после лабораторной обработки удалось зафиксировать только с одной стороны меча, другая сторона оказалась недоступной для изучения, так как была закрыта согнутой пополам частью клинка. Выявленное клеймо состоит из овала, обрамленного парными столбиками. Изображения наведены отрезками железной проволоки. Дата рассматриваемого комплекса и меча, скорее всего, X в.

Музейный номер, место находки и тип оружия неизвестны. Сохранилась только часть поврежденного клинка с перекрестьем длиной 25,5 см, весом 320 г. Судя по перекрестью, не исключено отнесение меча к типу Н-1. Часть начертаний клейма, выявленных после лабораторной обработки, закрыта перекрестьем. На одной

стороне полосы расположены 5 знаков в форме букв «L», «I» и «F» (некоторые перевернуты), после которых следует заключительный крест. На обороте двухчастный знак из перекрещенных полос. Выкладки клейма выполнены отрезками перекрученного металла в технике дамаскировки. X в. (?)

ЛИТЕРАТУРА

Annefin A. K., 1973. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Pura.

Arbman H., 1943. Birka I. Gräber. Stockholm.

Baudou E., 1963. Arkeologiska undersökningar på gravfältet vid Årsunda // Från Gästrikland. Gästriklands kulturhistoriska förenings meddelanden.

Geibig A., 1991. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Neumünster.

Jakobsson M., 1992. Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi. Stockholm.

Kazakevičius V., 1996. IX—XIII a. baltu kalavijai. Vilnius.

Кирпичников А. И., 1966. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX—XIII вв. М.: Л.

Кирпичников А. И., 1992. Новобнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi Archeologiae Historicae. V. Łódź.

Кирпичников А. И., 1997. Меч с надписью ULFBERTT в Северной Европе // Славяне и финно-угры. Санкт-Петербург.

Kirpichnikov A., Stalsberg A., 1998. New Investigations of Viking Age Swords. Materials in Norwegian Museums // Studien zur Archeologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster.

Leppäaho J., 1964. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Helsinki.

Lorange A. L., Den yngre jernalders sverd. Bergen.

Melander J., Knutsson., 1976. Rapport över arkeologisk undersökning av nyupptäckt fornlämning a Gnista 2:1 Danmarks sn., Uppland // Manuskript RAA o SHM. 206/77.

Petersen J., 1919. De norske vikingesverd. Kristiania.

Thälin-Bergman L., Kirpichnikov A. N., 1998. Neue Untersuchungen von Swertern der Wikingerzeit aus der Sammlung des Staatlichen Historischen Museums in Stockholm // Studien zur Archeologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit der zum Mittelalter. Neumünster.

Thunmark-Nylén L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm.

Werner G., 1881. Konservering av tre vikingatida svärd med inläggningar // Fornvännen 76.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЮВЕЛИРНОМ ДЕЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА (этнический аспект)

Изучение древнерусского ювелирного ремесла к настоящему времени вышло на новый этап. Существует серия работ, обобщивших материал различных регионов Древней Руси. Отличительной особенностью этих работ является комплексность подхода и использование современных методов (Рындина, 1963; Коновалов, 1974; Седова, 1981; Мурашева, 1994; Королева, 1997; Сарачева, 1999; Енисова, 1999), а результаты работ включены по некоторым параметрам в единые информационные системы. Многообразие методик и свободный доступ к обширному материалу для сравнительного анализа позволяют решать качественно новые задачи, в частности — выделять в общем массиве ювелирных изделий, найденных на определенном памятнике, привозные и местные вещи. Критерием при этом служит целый набор признаков, фиксируемых с помощью технологического анализа.

Ювелирные изделия, как правило, отражают полиэтничный состав раннегородского общества. Это предметы, изготовленные с учетом определенных требований к внешнему виду (форме, цвету металла и т. д.). В современной археологии для них появился специальный термин «этнически окрашенные изделия» (напр., Енисова, 1999: 45). Изучение именно таких предметов позволяет фиксировать вклад определенного этноса в формирование материальной культуры конкретного памятника. В исследованиях по истории древнерусского ювелирного дела в настоящее время выделяются скандинавская, позднеморавская, роменская, балтская производственные традиции (Енисова, 1999а: 14—16). Сходную смысловую нагрузку имеет термин «школа» (производственная) или «центр» (производства). В частности, при изготовлении древнерусской ремешной гарнитуры выделены «венгерская» или «позднехазарская», а также «скандинавская» школы; «волжско-болгарский», «южный» и «черниговский» центры (Мурашева, 1994а: 20—22).

Отмечу, что производственные школы, традиции и центры производства выделены пока для хронологически довольно узкого периода — X—XI вв.

Понятия «школа», «центр», «традиция» несут, разумеется, условный характер и показывают лишь источник, корни анализируемого явления. Так, некоторые технологии получили бесспорную этническую привязку: литье по резной восковой модели связано со Скандинавией, а литье по восковому шнуру — с финно-угорским миром (Седова М. В., Мурашева В. В., Енисова Н. В. и др.). Однако, пожалуй, на этом и заканчивается безусловность этнической интерпретации определенных технологических приемов. В данном сообщении используется термин «производственная (или технологическая) традиция», так как на псковском материале он представляется более уместным.

Выделение производственных традиций — сложный многосторонний процесс, который имеет свою последовательность с различными отправными точками. Первый путь построения анализа наиболее короткий: «этнически окрашенная» вещь имеет специфичную форму, которая диктует своеобразие набора технических приемов. Этот путь позволяет вычлениить наиболее документированные явления, точнее, их источники. Второй путь включает также выявление состава исходного сырья, определение возможного источника поступления металла, соотнесение сплава с типом изделия и технологической схемой; он дает возможность охарактеризовать сложный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных технологических традиций.

Рассмотрим сначала состав исходного сырья псковских ювелиров и возможные источники его поступления. Для сравнительного анализа в основном будем привлекать материал Новгорода, как эталонного памятника для археологии Северо-Запада, и материал Гнездовского комплекса, т. к. он обработан по сходной с псковским материалом методике. Однако при сравнении учтены и результаты исследования химического состава предметов широкого круга древнерусских памятников и смежных регионов: Прибалтики, Новогрудка, Донецкого городища, Киева и памятников Черниговской области, Волжской Болгарии. В настоящий момент создан банк данных, сделавший доступным для изучения столь широкий материал. Эта работа выполнена группой исследователей (Н. В. Енисовой, Т. Г. Сарачевой, Р. А. Мигояном) на базе московского университета.

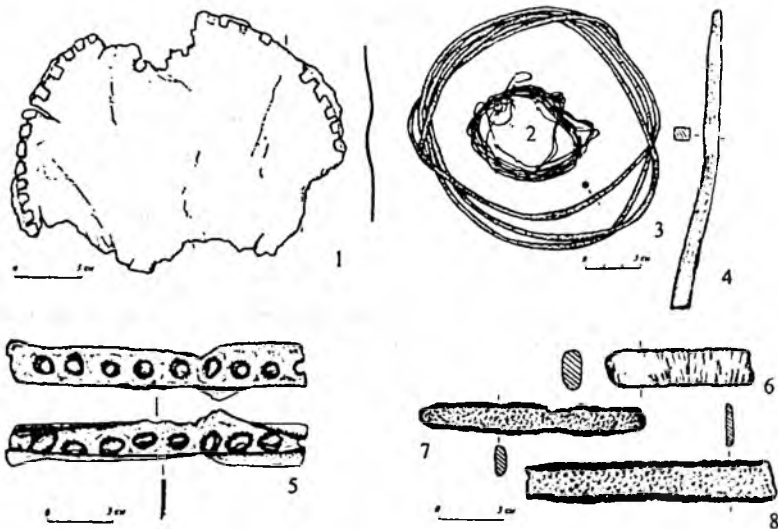

Рис. 1. Сырьевой металл:

1 — дно сосуда; 2, 3 — мотки проволоки; 4, 6—8 — слитки металла; 5 — пластина с заклепками.

Общепризнанным является тот факт, что Древняя Русь не имела собственных цветных металлов и их руд. Цветной и благородный металлы привозили на Русь из стран Западной Европы и Востока.

Первичный сырьевой металл, обнаруженный при раскопках в Пскове, представляет собой слитки металла, мотки проволоки и ее обрезки, а также пластины от разрезанных сосудов (рис. 1). Подобная интерпретация многочисленных обрезков пластин оказалась возможной после визуального осмотра пластин наиболее крупных размеров, которые сохранили либо участки с ремонтными заклепками, либо места соединения дна и стенок сосудов (рис. 1, 1, 5). Бронзовая посуда с таким сложным соединением корпуса и дна являлась характерным изделием болгарских медников в X—XIII вв. Реконструкция операции соединения частей сосуда представлена в исследовании Е. П. Казакова следующим образом: «Нижние края корпуса через равные расстояния надрезались на одинаковую глубину, после чего прямоугольные “зубцы” симметрично, как при разводе пилы, раздвигались по обе стороны. В получившийся между ними паз вставлялось специально подготовленное округлое, также разрезанное и разведенное по краю дно. После этого место соединения проковывалось на наковальне» (Казаков, 1991: 111—113). Кроме того,

частая находка в культурном слое Пскова — петлевидные ушки от котлов, аналогичные болгарским образцам (Казаков, 1991: рис. 38, I—7, с. 110). Однако в Пскове пока не найдено ни одного целого или частично сохранившегося сосуда подобной конструкции из цветного металла, что позволяет предположить существование импорта сырьевого металла в виде разрезанных сосудов (листового металла). Этот вывод подтверждается и тем, что подавляющее большинство листового металла сконцентрировано в культурном слое на территории ювелирных мастерских.

Связь сырьевого металла из Пскова с болгарским металлом прослеживается и по результатам спектрального анализа. Опубликованные данные по химическому составу металла болгарских сосудов соотносятся со сплавами $Cu+Pb$, $Cu+Zn+Sn$ и «чистой»* медью (Хлебникова, 1996: 274—275, табл. III, анализы 3, 4, 36). Спектральный анализ металла псковских находок позволил сопоставить его со сплавом $Cu+Pb$ и чистой медью.

Отметим, что на территории Латвии также найдены фрагменты котлов и сосудов, сделанных из меди с примесью свинца (Daiga J., 1962. S. 52).

Вторичным сырьем для ювелирного производства Пскова, как и других древнерусских центров, служили также бракованные и поломанные изделия, выплески и куски оплавленного металла и т. п. К настоящему моменту исследован состав металла 500 предметов из раскопок в Пскове (Королева, 1996: 229—300).

Спектральный анализ основных составляющих сырьевого металла Пскова (выборка из 85 предметов) показал, что наиболее представительными являются чистая медь и сплавы $Cu+Sn+Pb$, $Cu+Sn$ и $Cu+Zn+Sn$. Анализ полуфабрикатов, заготовок изделий, выплесков и кусков оплавленного металла (т. е. категорий находок, документирующих ювелирный производственный процесс на месте) подтверждает, что именно эти сплавы доминировали при использовании в псковских мастерских (Королева, 1997а: 86—87).

Поступление в Псков чистой меди возможно двумя путями. Считается, что до конца XII в. основным источником добычи меди в Европе являлся рудник Раммельсберг в Саксонии, близ Гослара. В настоящее время высказано предположение о том, что в Прибалтике, на северо-запад Руси и в Гнездово чистая медь поступала из

* «Чистой» или легированной медь считается в том случае, если все другие металлы представлены в микропримесях с содержанием не менее 1%.

Скандинавии в форме маленьких слитков, мотков проволоки, пластины и некоторых изделий (Ениосова, 1999: 90).

Второй источник поступления чистой меди — Волжская Болгария. Этот источник, кроме псковских материалов, документируется также спектроаналитическим исследованием той части гнездовской ремешной гарнитуры, аналоги которой происходят с территории Волжской Болгарии. В основном она изготовлена из нелегированной (т. е. чистой) меди. Кроме того, на территории Болгарского государства обнаружены меднорудные месторождения (медистые песчаники) и следы их разработки в средневековье. На Болгарском городище открыты производственные сооружения, связанные с выплавкой меди в XII—XIII вв. (Ениосова, 1999: 90).

Источник поступления свинцовой бронзы (сплав $Cu+Pb$), по всей видимости, совпадает с первым источником чистой меди. Раммельсбергское сульфидное месторождение содержало залежи высокосортной полосчатой руды, в составе которой присутствуют медь, свинец, цинк, серебро и золото. По всей видимости, из нее и выплавляли медь, сильно загрязненную свинцом (т. е. сплав $Cu+Pb$). Это сырье попадало на Северо-Запад, вероятно, из Швеции или Прибалтики (Ениосова, 1999: 93).

Наиболее сложен вопрос с поступлением латуни. Бесспорно, по всем показателям Псков входил в т. н. «прибалтийскую зону распространения сплавов» на протяжении всей его средневековой истории (Коновалов, 1974а: 11). Действительно, прибалтийская зона характеризуется изготовлением большинства предметов из сплавов меди с цинком. Однако предложенное А. А. Коноваловым понятие не совсем корректно. Прибалтика не обладала собственными рудными источниками, да и нет объективных доказательств, что латуни попадали в Швецию и на Русь именно из Прибалтики (Ениосова, 1999: 94—95).

Таким образом, понятие «прибалтийская зона» в некоторой степени условно: речь, видимо, может идти о присутствии на территории Пскова изделий из латуни как местных, так и импортных.

Псковская выборка предметов, подвергнутых спектроаналитическому исследованию (готовые изделия, сырьевой металл, полуфабрикаты, заготовки и отходы производства), представляет собой на 42% двойные и многокомпонентные латуни: из 24 типов сплавов к латуням относится 9 (Королева, 1997: 234—248). Подавляющее большинство предметов является готовыми изделиями.

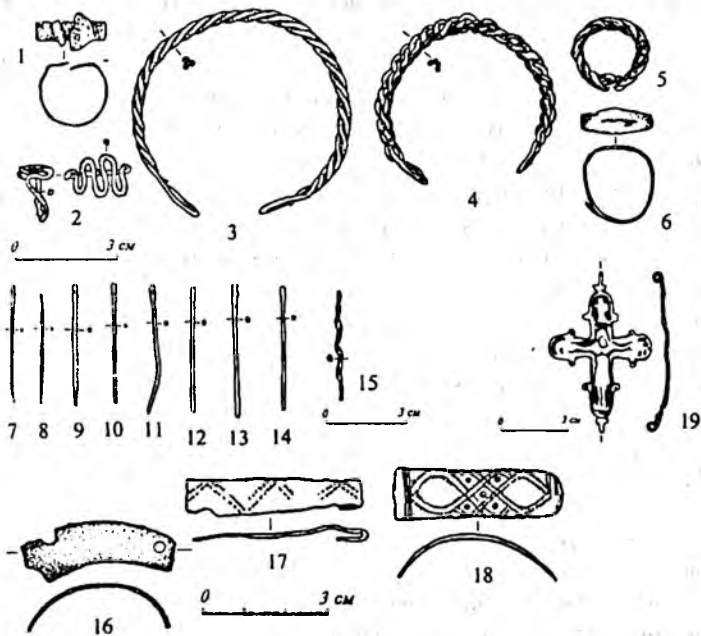

Рис. 2. Ювелирные изделия из сплавов $\text{Cu}+\text{Pb}$, $\text{Cu}+\text{Zn}+\text{Sn}$ и «чистая» медь: 1, 2, 5, 6 — перстни; 3, 4, 16—18 — браслеты; 7—14 — швейные иглы и заготовки к ним; 15 — крученая проволока; 19 — створка креста-энколпиона.

Считается, что ювелиры Древней Руси были ограничены в получении «свежего» металла с высоким содержанием Zn и вследствие этого широко использовали переплавку вышедших из употребления вещей или разбавляли поступивший в слитках металл, смешивая его с чистой медью, свинцом, бронзой или латунью. Предполагается, что многокомпонентные латуни попадали на северо-запад Руси и в Гнездово из Скандинавии или Прибалтики, где традиция их употребления возникла уже в первые века н. э. благодаря контактам с провинциальными римскими мастерскими (Еншосова, 1999: 100). Подобное смешивание латуниного сырья с другими сплавами приводило к уменьшению процентного содержания Zn . Заслуживает особого внимания тот факт, что в псковских изделиях крайне высокое содержание Zn (в среднем — 10—15%, иногда — 28%!) по сравнению с материалами Новгорода и Гнездова. Это означает, что изделия «пережили» минимум переплавок с добавленным ломом. Соответствен-

по недостатка в латушном сырье псковские мастера не испытывали, в отличие от других регионов.

Таким образом, основные источники поступления металла в Псков — это Волжская Болгария и Саксония (рудник Раммельсберг). Восстановить путь продвижения сырьевого металла можно лишь предположительно — транзит через Скандинавию или Прибалтику. Сырьевой металл, имея определенные металлургические параметры, задает свой технологический диапазон. В частности, чистая медь обладает высокой пластичностью и в горячем, и в холодном состоянии. Именно поэтому большинство псковских изделий, выполненных в кузнечной технике, сделано из меди. Содержание в сплаве свинца приводило к большому количеству брака, так как при повышенных температурах ухудшается пластичность металла.

Соотнесение сырьевого металла с категориями ювелирных изделий Пскова показало следующую тенденцию. Непосредственно из сырьевого металла изготавливались изделия, которые условно можно назвать «городским древнерусским набором», сложившимся к XIII в.: это браслеты, перстни, пательные крестики, швейные иголки, единичные экземпляры фибул (сплав $Cu+Pb$, $Cu+Zn+Sn$ и чистая медь). Эти категории изделий, несомненно, являются продукцией местных ювелиров (рис. 2). Показательно, что практически все предметы, относящиеся к прибалтийскому кругу древностей, изготовлены из высокоцинковых латуней двойных или многокомпонентных (рис. 3, 1—18). Особую группу составляют различные шумящие подвески («коньки», «уточки» и т. д.) — они изготовлены из свинцовой и свинцово-оловянистой бронз (рис. 3, 1, 2, 12—14). Небольшое количество сырьевого металла для них при довольно значительном количестве готовых изделий позволяет считать эти категории вещей в основном привозными.

В псковских мастерских к XIII в. сформировался широкий круг технологических кузнечных приемов (вытяжка, волочение, выколотка, навивка, тиснение, чеканка, ковка с использованием различных наковален). Литейная техника достаточного разнообразия (литье по восковым или деревянным моделям, литье по оттиску, методом долива с использованием вставного стержня, литье в открытые или составные формы).

Некоторые технологические приемы непосредственно связаны с определенными категориями изделий. Так, при изготовлении фибул с гвоздевидными концами использовался метод долива, а для получе-

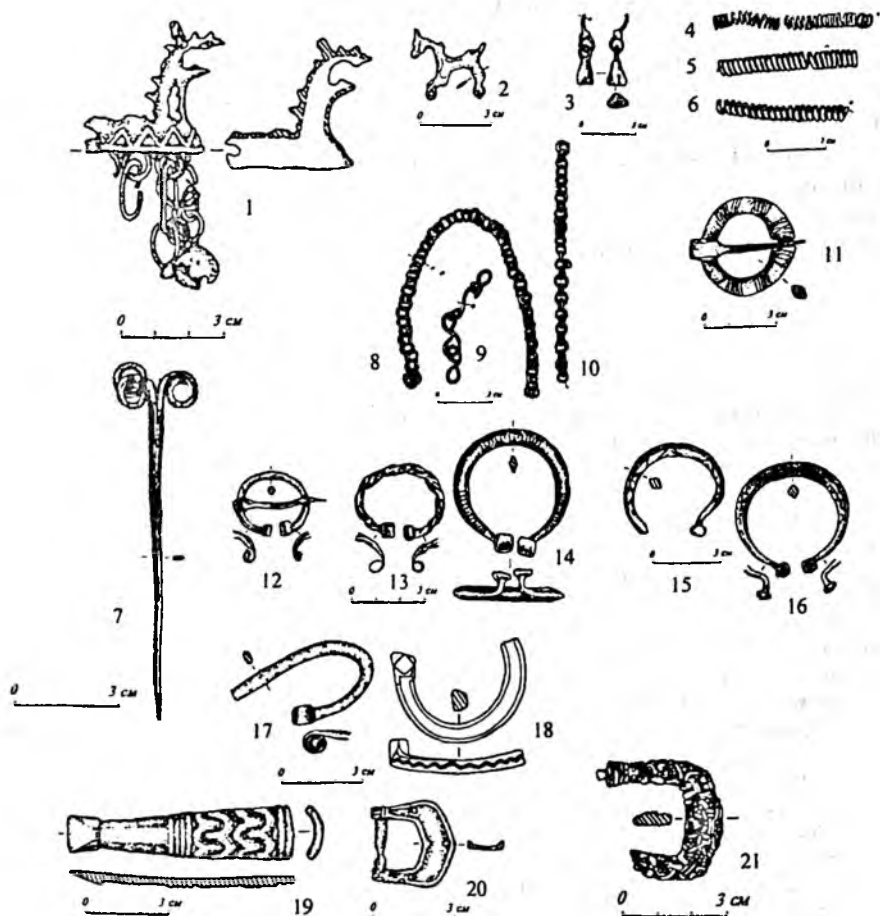

Рис. 3. Ювелирные изделия прибалтийского и скандинавского круга древностей:

1, 2 — подвески «коньки»; 3 — привеска; 4—6 — спиральки; 7 — «очковая» булавка; 8—10 — цепочки; 11—18 — фибулы; 19 — браслет ладьевидный; 20, 21 — кольца.

ния полости в бубенчике применялось литье со вставным стержнем. По уровню своей технологии псковские мастера не выбиваются из общего русла развития древнерусского ювелирного дела.

Таким образом, к XIII в. в псковском ювелирном деле переплелись различные производственные традиции, посетителями которых

были, с одной стороны, сырьевой металл и изделия (например, скандинавские, — рис. 3, 19—21), с другой — сами мастера. Ювелиры, находясь в полиэтничном обществе, выполняли заказы, полученные от представителей различных этнических групп. При этом мастер переносил круг известных ему приемов на вещи с другой этнической окраской. На наш взгляд, в Пскове к XIII в. можно говорить о единой древнерусской производственной традиции, сложившейся на основе взаимопроникновения финно-угорской, балтской, славянской, скандинавской производственных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

- Ешосова П. В.*, 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения) // Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Ешосова П. В.*, 1999а. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Козаков Е. П.*, 1991. Булгарское село X—XIII ввков низовий Камы. Казань.
- Коновалов А. А.*, 1974. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода // Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Коновалов А. А.*, 1974а. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Королева Э. В.*, 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967—1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков.
- Королева Э. В.*, 1997. Из истории ювелирного дела в средневековом Пскове // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Том 1. СПб; Псков.
- Королева Э. В.*, 1997а. Ювелирное ремесло средневекового Пскова // Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Мурашова В. В.*, 1994. Убор воина и коня в Древней Руси как социально-этническая категория (по материалам наборных украшений X—XIII вв.) // Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Мурашова В. В.*, 1994а. Убор воина и коня в Древней Руси как социально-этническая категория (по материалам наборных украшений X—XIII вв.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Риндина Н. В.*, 1963. Технологии производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. № 117.
- Сараева Т. Г.*, 1999. Ювелирные изделия второй половины XI—первой половины XIII вв. (химико-технологический аспект проблемы) // Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
- Хлебникова Т. А.*, 1996. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Daiga J.*, 1962. Krasaino metalu kimiskais sastavs Latvija 6—13 gs. // Arheoloģija un Etnografija. Rakstu krajums. IV. Rīga.

БАЛТИЙСКИЕ КОНТАКТЫ В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА В ФИНЛЯНДИИ

Никто практически не сомневается в восточном происхождении культуры гребенчатой керамики Финляндии. Профессор К. Ф. Мейландер около двух десятилетий тому назад выводил ее из Верхневолжской культуры (Meinander, 1984: 31), но в этой связи были и ссылки на более отдаленные связи с территорией Южной России (Äytärää, 1955: 33). Такое же единодушие господствует и в отношении к своеобразию нашей раннегребенчатой культуры Сперринге. В финляндской науке все же и в этой наиболее ранней неолитической культуре хотят видеть западный компонент (Äytärää, 1955: 33—34).

Я вынужден был заняться этим вопросом во время проведения в 1980—1981 гг. раскопок городища Хиуккасаари в Ваммала, в Юго-Западной Финляндии. Речь идет об острове, находившемся в каменном веке посреди впадавшей в море порожиистой реки. Среди найденных там предметов можно отметить, к примеру, фрагмент долота, относящегося к так называемому «типу долот в форме ножки колыбели» (TYA, 192:9, рис. 1). Между этими долотами и долотами в форме башмачной колодки, относящимися к культуре ленточной керамики, наблюдается конструктивное сходство, что вызывает желание выводить происхождение первых от упомянутых вторыми (Ailio, 1909, 23—24; Äytärää, 1922: 93—94; Palsi, 1915: 116). Проблема состоит в ареалах их распространения и хронологии. Основная зона распространения долот приходится на район Онежского озера, то есть совсем не в зоне культуры ленточной керамики (Nackman, 1911, карта тип 2), карты учитывают лишь финские находки, основная же зона распространения находится у Онежского озера (ср., напр.: Брюсов, 1940).

Издавна все-таки установлено, что территории распространения долот типа башмачной колодки и долот в форме ножки колыбели соприкасаются в устье Вислы, как также установлено и то, что доло-

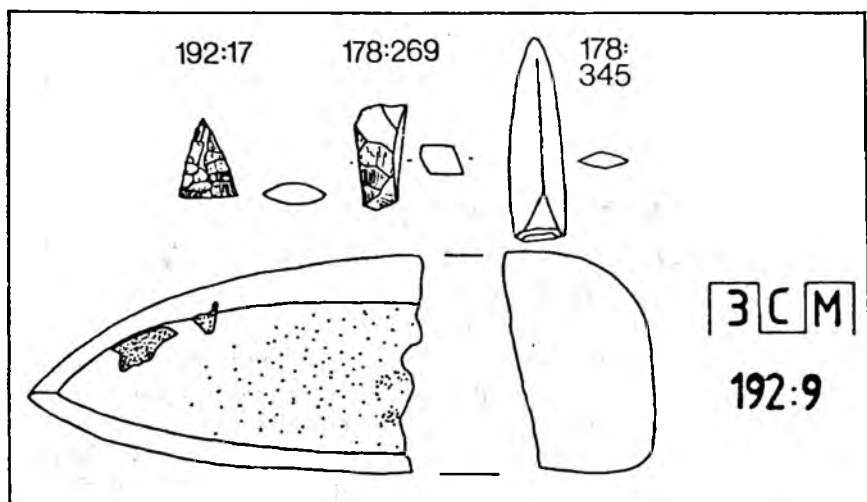
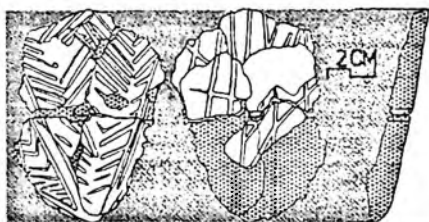

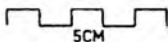
Рис. 1. Каменный инвентарь поселения Хунккасаари в Ваммала (Тюрья): фрагменты кремневых изделий, фрагмент сланцевого наконечника, фрагмент долота в форме ножки колыбели.

та в форме башмачной колодки распространены в Польше на более широкой территории, чем культура шнуровой керамики (Kulczycka-Leciejewiczowa, 1970: 70; Äygarää, 1917: 55; Rimantiene, 1984, рав. 109). Также можно устранить и хронологическое несоответствие между долотами отмеченных типов. Долота в форме ножки колыбели относятся главным образом к культуре гребенчатой керамики; в некоторых случаях их использование продолжалось до эпохи раннего металла (Ailio, 1915: 148, 157). В таком смысле они являются, в принципе, более младшими относительно изделий эпохи лепточной керамики. Некоторые из долот найдены на побережье Финского залива в условиях, говорящих в пользу докерамического времени, что, следовательно, могло бы устранить хронологическую проблему (Äygarää, 1922: 203, ср.: Luho, 1956: 31—33).

В целом мы можем лишь полагать, что долота культуры лепточной керамики послужили источником идеи использовать подобные долота здесь, на Севере, где они получили дальнейшее развитие. Долота в форме башмачной колодки были, вероятно, инструментом для работы с деревом, хотя и не исключается возможность использования их при обработке земли (Kulczycka-Leciejewiczowa, 1970: 72; Müller-Karpe, 1968: 193). В долотах в форме ножки колыбели лишь

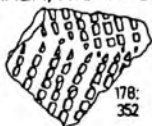
TYA 178:319

178:324

VAMMALA, HIUKKASAARI

178:352

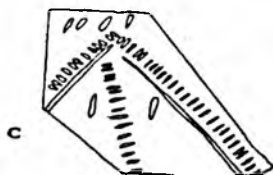

Рис. 2.

1 — керамика Хиуккасаари; 2 — орнаментальные мотивы ленточной керамики.

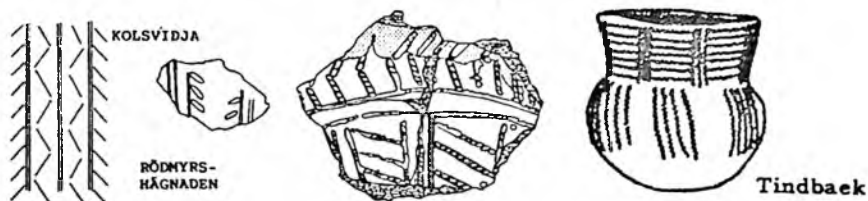

Рис. 3.

1 — орнаментальные мотивы керамики Аландских островов; 2 — фрагмент сосуда из Суурила в Паймио; 3 — воронковидный кубок из Дании (по Килинцу).

в двух случаях обнаружены отверстия (Äugärää, 1917: 54—55, fig. 7, KM 6799:2), которые можно было бы сопоставить с этой функцией обработки земли. Насколько мне известно, на нижней поверхности изделия ни разу не обнаружены следы изношенности, связанной с обработкой земли. Я также производил сопоставление долот в форме палки-колыбели с остриями палок-копалок из Горбунова и Свентойи (Толмачев, 1915; Rimantiene, 1979, pав. 18).

Что-то в этих изделиях и могло быть общим. Отсутствие следов изношенности на долотах все же не согласуется с функцией палки-копалки. Я пытался найти в бедном керамическом материале Хюккасаари черты ленточной керамики либо в целом западные черты. Один многообразный сосуд был украшен вертикально расположенными группами бороздок (TYA: 178: 319) (рис. 2, 1).

Этот стиль известен среди гребенчатой керамики и его относят к скандинавским связям (Äugärää, 1952: 20, рис. 2, 3). Противоречие в хронологии лишает все же почвы подобные рассуждения (Siiriäinen, 1972: 15). Этот элемент украшения в Финляндии старше, чем предполагаемые прототипы в культуре воронковидных кубков Скандинавии. Он встречается на Аландских островах на сосудах ранней гребенчатой и ямочной керамики (Äugärää, 1930: 173—174; 1952; 1955; Meinander, 1957; Siiriäinen, 1972: 16) (рис. 3. 1). В обоих случаях ссылались на прототипы в культуре воронковидных кубков. На мой взгляд, совпадение этого орнаментального мотива говорит в пользу своеобразного его происхождения. Самому мотиву по причинам хронологии следует искать прототипы где-то в другой области, кроме территории распространения культуры воронковидных кубков. Подобное можно наблюдать и в ленточной керамике, то есть вертикальные пары прочерченных углублений и по их краям

штампы, расположенные под углом (ср., напр.: Zápotocká, 1978; Müller-Karpe, 1968, ff. 200, 201, 201: B11, 212: M) (ср.: рис. 2, 2). Этот орнаментальный мотив все же не является центральным, и всегда следует помнить, что технически керамики достаточно далеки друг от друга. Гребенчатая керамика достаточно грубая, в то время как в ленточной керамике совершенно другое по качеству тесто. Объединяющих черт может быть и достаточно много: я сам отмечал в керамике Сперринге окраску черным или красным цветом, которая, по моему мнению, такая же, как и в ленточной керамике (Müller-Karpe, 1968: 116—117). Представленный выше орнаментальный мотив известен также в типичной гребенчатой керамике Эстоппи (Jaanits, 1959, tb. XIX), что дает основание искать его происхождение в Прибалтике. Культура ленточной керамики и раннеолитическая керамика Прибалтики следуют друг за другом (Nielsen, 1984: 115, 116; Timofeev, 1998: 277). Помимо отмеченных выше долот в форме ножки колыбели, на этой территории не найдено ничего другого, что бы объединяло эти культуры. Ленточная керамика, как мы не нам хорошо известно, распространилась от Южной России до Рейна. Таким образом, не совсем понятно, как отмеченные выше черты распространились из Западной Европы в Финляндию через территорию Южной Прибалтики. Какой-либо из восточных путей мог быть в такой же степени возможен.

Около 3350 г. до н. э. культура Сперринге сменяется культурой типичной гребенчатой керамики. Черты, характерные для этого стиля керамики, время от времени проявляются уже в культуре Сперринге (Luho, 1957: 145—147). Они видны также в керамике Сяр I из Северной Финляндии, которая отчасти по времени совпадает с эталом бытования культуры Сперринге. К культуре типичной гребенчатой керамики относятся привозные кремль и янтарь. Кремль появляется в исследуемом мной материале в эпоху Сперринге вместе с упомянутыми выше ранними чертами типичной гребенчатой керамики (Paimio; Toisruoloja; Luoto, 1988: 67—69). Типичная гребенчатая керамика распространилась до Эстоппи и оттуда на юг, вплоть до устья Вислы, что объяснялось передвижкой групп населения с востока (Mooga, 1958: 12, 13; Meinander, 1973: 11). В последнее время распространение этих черт стали объяснять экзогамией. Мысль ведет свое начало, вероятно, от А. Я. Брюсова, который отмечал ее значение в распространении заимствований в древних

обществах (Brjussov, 1957: 55, 63, 74, 76, 125; см. также Luoto; Terho, 1988: 28). Торговля кремнем является одним из компонентов этого явления. Интересно, что она происходила не только между Литвой и Валдаем, с одной стороны, и Финляндией — с другой; аналогичная торговля наблюдается в разных частях севера Европы. Так из Южной Скандинавии кремень в значительных количествах поставляли в Северную Скандинавию (Becker, 1953), а также из Южной Польши к побережью Балтийского моря (Sherratt, 1997: 108—119). Если это объясняется экзогамией, то есть теми дарами, которыми обменивались представители племен при заключении брачных союзов, то эти союзы охватывали в относительно короткое время значительные территории.

В части культуры гребенчатой керамики это означало бы, что в Прибалтику привозились умеющие изготавливать керамику женщины, а в качестве ответного дара получали янтарь и, вероятно, также кремень. Развитие не представляется настолько односторонним. В процессе моих раскопок могильника Спурила в Наймню в Западной Финляндии (Luoto, 1985) обнаружилось также поселение эпохи гребенчатой керамики. Среди находок был фрагмент керамики, который не совсем соответствует типологии гребенчатой керамики (рис. 3, 2). Его напоминающая лестницу орнаментация напоминает мотивы орнаментации ранней гребенчатой керамики, считающиеся западными. Используемый при нанесении орнамента штамп напоминает веревочный, хотя речь и идет о гребенчатом штампе. Композиция известна по раннеолитической керамике культуры воронковидных кубков (Glob, 1952, fig. 15; Becker, 1947, fig. 13, 33, 35, 39, PL XV: 1; Bagge-Kjellmark, 1939: PL 61: 3; Flögin, 1958: PL II: 6), и я не вижу другой возможности, кроме как выводить этот мотив из области Западного или Южного побережья Балтийского моря. Как бы ни рассматривали этот фрагмент, эта керамика никак особенно не повлияла на керамическую традицию в Юго-Западной Финляндии.

Более четкая связь наблюдается между культурами боевых топоров в Прибалтике и Финляндии. То обстоятельство, что так называемый «общеевропейский горизонт» встречается как в Прибалтике, так и в Финляндии, но не в Швеции (Buchvaldek, 1986), говорит в пользу прибалтийских корней культуры боевых топоров Финляндии.

Обстоятельство, на которое не обращали внимание, обсуждая проблему распространения этой культуры в Финляндию, — это несомненная связь между Финляндией и Прибалтикой до эпохи культуры боевых топоров. Мне представляется, что прокиповенше культуры боевых топоров в Финляндию не является таким коротким по времени процессом, как представляли ранее. Уже давно известно, что в Хуувари в Порвоо, то есть на территории, где впервые зафиксированы бесспорные следы общеевропейского горизонта (Luho, 1963), найдена позднегребенчатая керамика, на сосудах которой по венчику проходит шнуровой орнамент (Äugärää, 1929: 25—27). Позднее подобный орнамент встречался в большом количестве на сосудах гребенчатой керамики этой территории (Porvoo; Munkby; Böle, KM 21536: 392, 477, KM 22004: 109, 462, 718, 918, 1025, 1207, 1488, 1679, 2048, 2111, 2246, 2981, 6931, 6945, 6981, 6994, 6995, 7118).

Я сам выявил сделанный по венчику шнуровой орнамент на сосуде из Кирьюнайо в Ноусанене. Он происходит с поселения эпохи гребенчатой керамики, по по орнаментации и профилю его следует отнести к скандинавской или аландской ямочной керамике. Подобная манера украшения венчика практически неизвестна среди сосудов с ямочной орнаментацией. Мною предпринята попытка вывести шнуровой орнамент венчика сосудов гребенчатой керамики из культуры шаровидных амфор (Luoto; Terho, 1989: 15—18). Хотя этот мотив и представлен на шаровидной амфоре из поселения Тояти в Латвии, речь все же идет не о шаровидной амфоре, а об амфоре культуры боевых топоров, и поэтому поиск аналогий был направлен в сторону паранеолитических поселений Прибалтики и Польши. Как в Польше, так и в Латвии такая керамика найдена в комплексах, которые согласуются с находками из Финляндии (Kempisty; Wielnckowska, 1983, fig. 33: 1; 38, 97; Vankina, 1970: 170).

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что во время типичной гребенчатой керамики керамическая традиция распространяется с востока в Прибалтику и что уже с конца эпохи гребенчатой керамики прибалтийское влияние начинает ощущаться в керамической традиции Финляндии. Господствующим оно становится в конце III тысячелетия, в эпоху культуры боевых топоров. Затруднительно дать ответ на вопрос, отчего произошла эта перемена. Речь может идти об экзогамных связях или о передвижениях народов.

После эпохи боевых топоров в Финляндии наступает время групп текстильной керамики. У Прибалтики и в эту эпоху обнаруживается свой вклад. А. Эурюпяя отметил в текстильной керамике Внутренней Финляндии две особенности: ямки на внутренней поверхности сосуда и нарезку на шейке сосуда, аналогии которым он находил в районе Вислы (Åugärpäå, 1953: 84—91). В настоящее время известно, что у этого типа украшения сосудов из Польши (Lochbuckeln) корни уходят в неолит (Сernjavskij, 1987: 430—433). Территория его распространения все же настолько широка, что затрудняет решение вопроса о происхождении. Интересно также, что характерные для текстильной керамики отпечатки ткани на поверхности сосуда имеют корни в неолите Центральной Европы в круге культуры шаровидных амфор (Crebe, 1962: 31). Текстильную керамику в Финляндии считают явлением, характерным для внутренних областей страны. Проведенные мной исследования памятников железного века в Юго-Западной Финляндии выявили, что во многих случаях они перекрывают поселения с текстильной керамикой (Листо, Нахка, Паймно, Тойспуоля, Спурила, Пинккиё, Хутталамьяки). Местонахождение Пинккиё, Хутталамьяки не является самым представительным с точки зрения керамической традиции. Оно тем не менее единственное из исследованных мной, по которым имеются радиоуглеродные даты (Hel 2080, 2255, AD 70±90, 120±110 BC). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что это население текстильной керамики не прослеживается до начала эпохи раннего металла, а лишь, по всей видимости, до рубежа эр.

Представленный выше обзор финско-балтийских контактов, основанный на результатах моих раскопок, не дает какой-либо однозначной и четкой картины. В финском языке существует пласт балтийских заимствований, и археологи относили их систематически к влиянию культуры боевых топоров (первоначально Моора 1958: 20—22; ср. также: Kilian, 1958: 61—62; Sulimirski, 1955: 122). Языковеды, во всяком случае часть из них, считают заимствования более поздними и оставшимися от какой-то популяции, оказавшейся в среде финно-угорского населения (Koivulehto, 1983, 1993; Kallio, 1995). Занимаясь балто-финскими контактами, не считаясь с временными границами, я всегда старался подчеркнуть, что речь может идти о заимствованиях в течение продолжительного времени, а не о привнесении какой-нибудь группой населения культуры боевых топоров (Luoto, 1998).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КМ — доисторические коллекции Национального музея Финляндии.

ТУА — археологические коллекции университета Турку.

ЛИТЕРАТУРА

- Ailio J.*, 1909. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I—II. Helsingfors.
- Ailio J.*, 1915. Die geographische Entwicklung des Ladogasesces in postglazialer Zeit, *Fennia* 38:3. Helsinki.
- Äyräpää (Europaeus) A.*, 1917. Förvärv till Nationalmuseet år 1915, Den förhistoriska avdelningen, I. Stenåldern, FM 1917.
- Äyräpää A.*, 1922. Fornfynd från Kyrkslätt och Esbo socknar, SMYA XXXII. Helsinki.
- Äyräpää A.*, 1929. Askolan Honkaniemen kivikautinen asuinpaikka, SM 1929. Helsinki.
- Äyräpää A.*, 1930. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland I—II, *Acta Archaeologica* I, København.
- Äyräpää A.*, 1952. Megalittisia koristaiheita kampakeramiikassa, *Corolla Archaeologica in honorem C. A. Nordman*. Helsinki.
- Äyräpää A.*, 1953. Kulttuurihallandena i Finland före finnarnas invandring, SMYA LII:1. Helsinki.
- Äyräpää, Aarne.*, 1955. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige, FM 1955.
- Bugge A., Kjellmark K.*, 1939. Stenåldersboplatserna vid Siretorp i Blekinge, Stockholm.
- Becker C. J.*, 1947. Mosefundne Lerkar fra Yngre Stenalder, *Aarbøger* 1947. København.
- Becker C. J.*, 1953. Die nordschwedischen Flintdepots. Ein Beitrag zur Geschichte des neolithischen Fernhandels in Skandinavien, *AAKop.* XXIII. 1952.
- Брюсов А. Я.*, 1940. История древней Карелии. М.
- Brjussow A. J.*, 1957. Geschichte der neolithischen Stämme in Europäischen Teil der UdSSR. Berlin.
- Buchvaldek M.*, 1986. Zum gemeineuropäischen Horizont der Schnurkeramik, PZ 61.
- Cernjawskej M. M.*, 1987. The Neolithic in north-western Byelorussia; Neolit i počatki epoki brazu na ziemi chelminskiej; red. T. Wislanski. Torun.
- Florin S.*, 1958. Vråkulturen. Stockholm.
- Glob P. V.*, 1952. Danske Oldsager, II Yngre Steinalder. København.
- Grebe K.*, 1962. Gräber der Kugelamphorenkultur aus Ketzin, Kr. Nauen, und Brandenburg (Havel)-Neuendorf; Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam 1:1962. Potsdam.
- Hackman A.*, 1911. Trouvailles préhistoriques, SMYA 25:2.
- Jaanits. Lembit.*, 1959. Poselenia epohi neolita i rannego metalla v priuste r. Emajogi. Tallinn.
- Kallio P.*, 1995. Suomen kielen kivikautisista lainakerrostumista. Virittäjä 1995.

- Kempisty E., Wielnickowska H.*, 1983. Osadnictwo z epoki kamienia i wczesnej epoki brązu na Stanowisku I w Sosni, woj. Łomżyńskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdanek; Łódź.
- Kilian L.*, 1958. Schnurkeramik und Ockergrabkultur, SMYA 59.
- Koivulehto J.*, 1983. Suomalaisten maahanmuutto indoeurooppalaisten lainasanojen valossa, Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 78. Helsinki 1983.
- Koivulehto J.*, 1993. Suomen kielen indoeurooppalaiset lainasanat ja indoeurooppalais-uralilainen alkusukuongelma, Akad. Sci. Fenn. Vuosikirja 1992—1993.
- Kulczycka-Leciejewiczowa A.*, 1970. The Linear and stroked pottery cultures, The Neolithic in Poland. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Luho V.*, 1956. Die Askola-Kultur, SMYA 57.
- Luho V.*, 1957. Frühe Kammkeramik, SMYA 58. Helsinki.
- Luho V.*, 1963. Eine Amphore, FM 1963.
- Luoto J.*, 1985. Archaeological excavations at Spurila 1982—1983. — Proceedings of the Third Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology, Mariehamn, Åland, Finland, 8—11 October 1984, Iskos 5. Helsinki.
- Luoto J.*, 1988. Esihistoria. — Liedon historia I. Turku 1988. S. 59—192.
- Luoto J.*, 1998. Baltian ja Suomen vasarakirveskulttuurien rooli Itämerensuomalaisten kansojen muodostumisessa. — Muinaistutkija 4/1998:83-91. Helsinki.
- Luoto J., Terho A.*, 1989. Kuoppakeraaminen astia Nousiaisten Kirjuntajusta, Faravid 12/1988.
- Meinander C. F.*, 1957. Kolsvidja, SMYA 58.
- Meinander C. F.*, 1973. The problem of the Finno-Ugrian peoples origin on the base of archaeological data, HVAL 7. Helsinki.
- Meinander C. F.*, 1984. Kivikautemme väestöhistoria, Bidrag till Kännedom av Finlands Natur och Folk, H 131. Helsingfors.
- Moora H.*, 1958. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme, SMYA 59:3.
- Müller-Karpe H.*, 1968. Handbuch der Vorgeschichte, Bd. II. München.
- Nielsen P. O.*, 1984. De første bønder, Aarb. 1984.
- Pälsi S.*, 1915. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa, SMYA XXVIII. Helsinki.
- Rimantiene R.*, 1979. Sventoji, Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius.
- Rimantiene R.*, 1984. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius.
- Sherratt A.*, 1997. Economy and society in prehistoric Europe. Edinburgh.
- Siiränen, Ari*, 1972. A gradient/time curve for dating Stone Age shorelines in Finland, SM 1972.
- Sulimirski T.*, 1955. «Thuringian Amphorae», PPS 1955.
- Timofeev V. I.*, 1998. The Beginning of the Neolithic in the Eastern Baltic; Harvesting the sea, farming in the forest, ed. M. Zvelebil, R. Dannell, L. Domanska. Sheffield.
- Толмачев В.*, 1915. Древнейшие заступы, найденные на восточном склоне Среднего Урала. Известия Археологической комиссии 60:36—43. Петроград.
- Zápotocká Marie*, 1978. Ornamentace neolitické vupřechanékeramiky: technika, terminologie a způsob dokumentace. Archeologické rozhledy 30.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МИНИНО НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Хотя сельские могильники и поселения являются объектами раскопок по сути дела с момента становления средневековой археологии в России, проблемы археологии древнерусской деревни исследованы далеко не в той степени, в которой они этого заслуживают. В эпоху широких раскопок древнерусских курганов, представляющих собой в массе своей деревенские некрополи, внимание исследователей было сфокусировано на вопросах, далеких от «деревенской проблематики», связанных главным образом с хронологической и культурной атрибуцией курганных древностей. В 1930-х—1970-х гг. средневековая деревня как предмет археологического изучения оказалась как бы в тени города, на заднем плане городской археологии. Яркое и новаторское исследование В. В. Седова, посвященное сельским поселениям Смоленской земли (Седов В. В., 1960), долгое время занимало обособленное положение в историографии. Ситуация стала постепенно изменяться в 1970-е гг., когда в средневековой археологии был сформулирован тезис о необходимости более широкого и обстоятельного изучения сельских памятников, а в практику полевых работ широко вошли микрорегиональные исследования, предполагающие сплошное выявление средневековых памятников в границах компактных сельских территорий. Два последних десятилетия стали временем интенсивного изучения средневековых селищ, систем расселения и в меньшей степени — культурных ландшафтов и позволили получить первичную информацию об облике сельских поселений практически на всей территории Древней Руси — от Прикарпатья, Днепровского Левобережья и Куликова поля до Нижегородского Поволжья, Белоозера и Псковской земли. Продолже-

ние этих работ предполагает постановку новых вопросов — исторически значимых, но корректных и решаемых на основании конкретных археологических материалов, — и разработку новых приемов и методик полевых исследований, соответствующих характеру памятников.

Суммируя основные результаты исследования сельских территорий, мы должны, прежде всего, сделать заключение, что период со второй половины X до середины XIII вв. был временем бурного роста числа сельских поселений и стабильности вновь складывающихся пространственных структур расселения практически на всей территории Древней Руси. В центральных и северо-восточных районах Руси этот процесс особенно ярко выражен на фоне предшествующего периода второй половины I тыс. н. э., характеризующегося стагнацией и низкой плотностью населения. Очевидно, что фиксируемые на русской равнине процессы в общих чертах сопоставимы с аграрным ростом, происходившим примерно в это же время в Западной и Центральной Европе и рассматриваемым как одно из наиболее важных явлений в экономической истории европейского средневековья (Ле Гофф Ж., 1992, с. 58—61; *Rural settlements...*, 1997). Период второй половины XIII—первой половины XIV вв. стал на Руси временем глубоких изменений в организации сельского расселения, которые, однако, не остановили общего роста числа поселений и не везде разрушили преемственность в развитии местных центров и общий характер сложившихся ранее пространственных структур.

Какие факторы и ресурсы лежат в основе мощного роста сети сельского расселения на территории Древней Руси в начале II тыс. н. э.? Обычные ссылки на распространение пашенного земледелия, совершенствование сельскохозяйственных орудий и развитие дальней торговли, в сферу которой постепенно вовлекались не только территории, через которые проходили транзитные пути, но и внутренние районы, безусловно, справедливы, но являются слишком общими и формальными объяснениями. Пытаясь более конкретно воссоздать источники и механизмы становления древнерусской деревни, мы обнаруживаем, что располагаем крайне ограниченными археологическими материалами, непосредственно характеризующими хозяйство и потребление средневековых сельских поселений и природную среду, в которой происходило их формирование. Во-первых, на севере и в центре России раскопками исследо-

вано пока очень небольшое число поселений конца X—начала XIII вв. Для стационарных исследований выбирались, как правило, более ранние памятники. Во-вторых, раскопки селищ далеко не всегда дают материал, который может стать полноценным источником для характеристики хозяйства, потребления и динамики развития средневековых поселений. Многие из них фактически представляют собой пятно перепаханной распашкой культурного слоя небольшой мощности без стратифицированных отложений и закрытых комплексов. На таких селищах невозможно расчленить ранние и поздние напластования, проследить планировку поселения или собрать узкодатированные палеоботанические и остеологические коллекции. Тем не менее путь к решению общих проблем становления древнерусской деревни лежит через углубленное исследование отдельных памятников и культурных ландшафтов.

Раскопки поселения Мишино на Кубенском озере, начатые Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН и НИЦ «Древности Севера» в 1996 г., являются логическим продолжением проводившихся в 1980—1990 гг. полевых работ на белозерских селищах. В 1992—1997 гг. Онежско-Сухонская экспедиция ИА РАН произвела подробное обследование центральной и северной части Белозерья — района Белого озера и Верхней Шексны, нацеленное на возможно более полное выявление памятников конца I—начала II тыс. н. э., воссоздание региональной системы расселения и динамики заселения территории. В ходе этих работ было выявлено и обследовано около 170 поселений второй половины IX—XIII вв. Одной из задач, стоявших перед нами в ходе разведок, был поиск селищ с ненарушенным культурным слоем, перспективных для стационарных раскопок. Шурфовка белозерских поселений показала, что практически все они потревожены распашкой, участки с ненарушенным культурным слоем зафиксированы не более чем на двух десятках памятников. Среди памятников, выделявшихся по сохранности культурного слоя, — поселение Мишино, находящееся в прилегающем к Белозерью с востока Кубенском регионе. Перечень зафиксированных здесь памятников и местонахождений X—XIII вв. ограничен пока 7 пунктами. Хотя сплошное выявление средневековых поселений на Кубенском озере пока не проводилось, есть основание полагать, что фиксируемая диспропорция между количеством средневековых объектов на Белом и Кубенском озерах отражает реальные диспропорции в заселенности этих территорий.

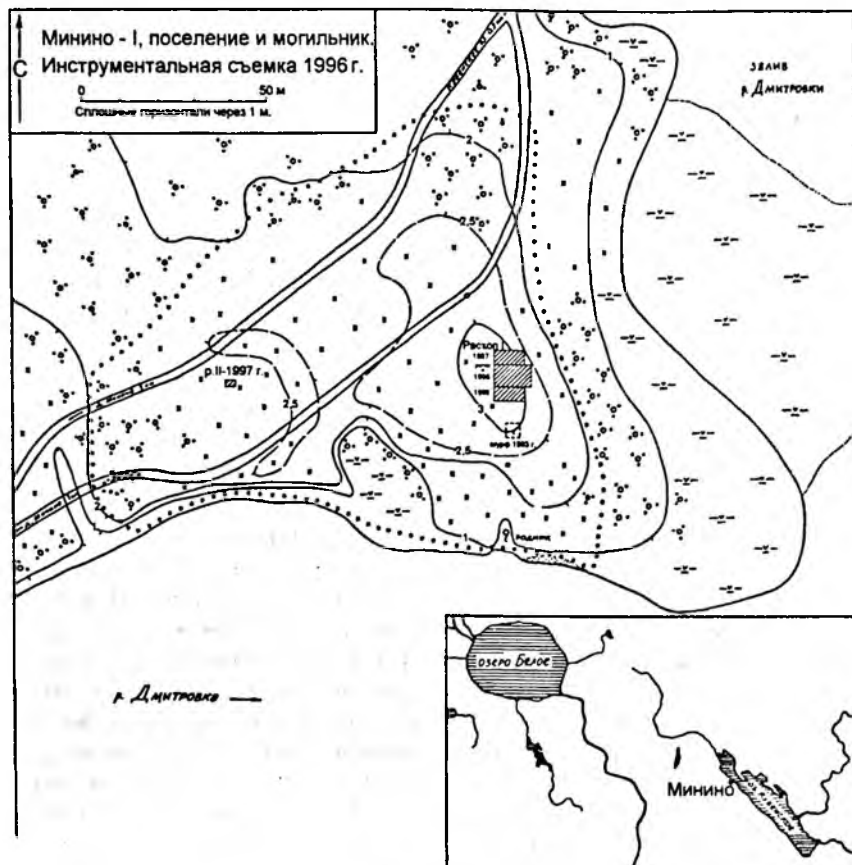

Рис. 1.

а — Белоозерско-Кубенозерский регион; 1 — поселение Минино I; б — план поселения.

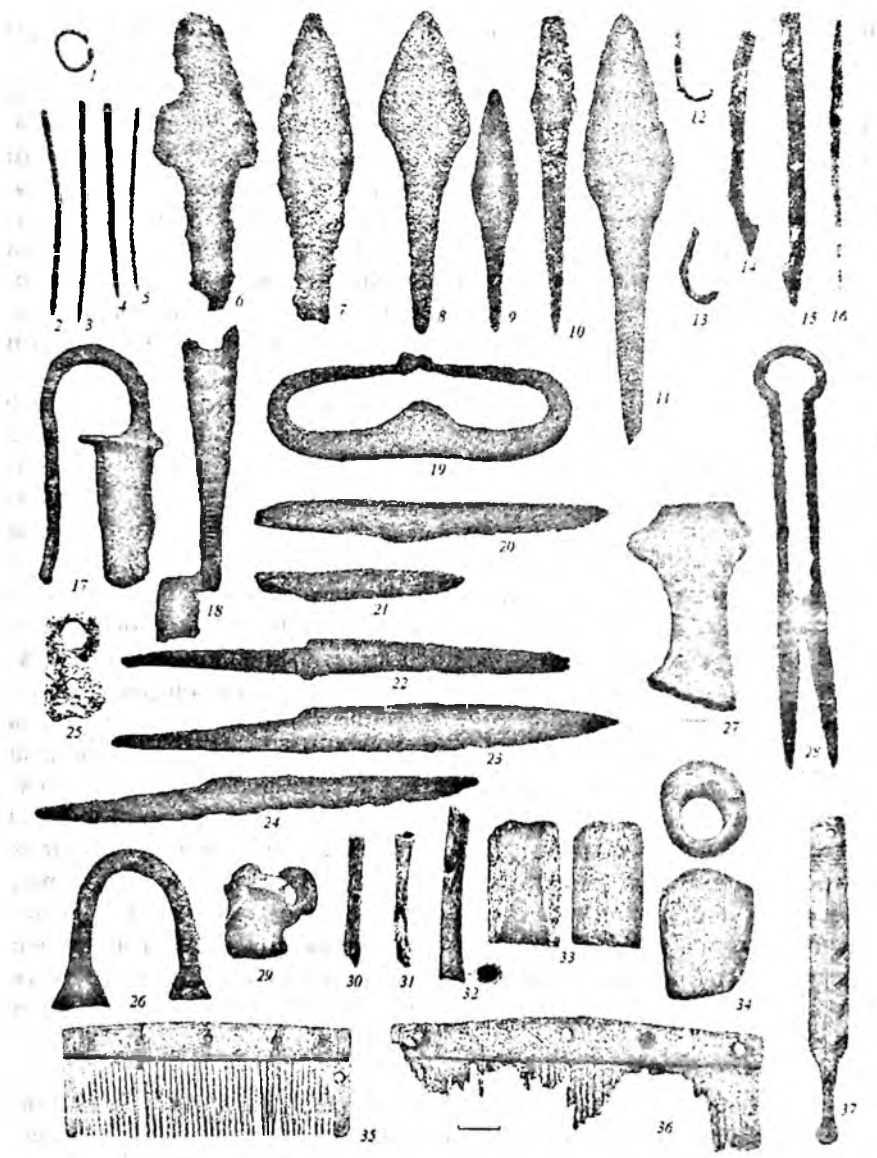
Комплекс археологических памятников у д. Минино находится на западном берегу Кубенского озера, в устье р. Дмитриевки, на левом ее берегу (рис. 1). С конца XIV в. этот массив земель входил в состав волости Сяма, являвшейся наследственным владением московских князей (ДЦГ, 1950, № 12, 20, 61, 74). Судя по актам 1470—1490-х гг. (АСЭИ, т. II, № 192, 202, 205, 219, 287, 289, 290, 293, 300), Сяма в это время была крупным административным образованием, земли которого были вытянуты с северо-запада на юго-восток вдоль южного берега Кубенского озера более чем на

50 км. Центр волости — одноименное село — находился в 6,5 км к юго-востоку от поселения Миннио I.

Поселение Миннио I занимает ближайший к озеру мысовидный выход трехметровой надпойменной террасы. Общая площадь поселения составляет 1,4 га. Памятник был открыт в 1993 г. вологодским археологом С. Ю. Васильевым, заложившим здесь раскоп площадью 16 кв. м. Спустя три года в 70 м к западу, выше по течению Дмитриевки, на том же левом берегу ее, был обнаружен средневековый могильник. Уже первые разведочные работы показали, что культурный слой поселения мало потревожен распашкой, стратифицирован, отличается высокой насыщенностью культурными остатками и хорошо сохраняет кость.

Раскопками 1996—1998 гг. на поселении вскрыта площадь около 130 кв. м, на могильнике — около 150 кв. м. Основной раскоп 1 (площадь — 124 кв. м) на поселении был заложен в северо-восточной, наиболее возвышенной его части, где культурные напластования имеют мощность от 0,5 до 0,9 м. Верхнюю часть этого слоя составляют средневековые отложения толщиной 0,3—0,5 м, ниже залегают отложения эпохи камня и раннего металла и погребения могильника позднемезолитического или раннеэолитического времени. Второй раскоп площадью всего 6 кв. м был заложен в 70 м западнее. Культурный слой здесь содержал лишь средневековые остатки и, несмотря на меньшую мощность (до 0,4 м), отличался высокой концентрацией находок. В обоих раскопах средневековый слой имел густую темно-серую окраску и был сильно насыщен печными камнями, керамикой, костями животных и рыб. Прослежены несколько развалов очагов и древесный тлеп от наземных срубных построек. Работа по реконструкции застройки пока не завершена, ясно лишь, что на участке, попавшем в границы раскопа 1, прослеживается несколько ярусов жилых построек. Границы построек определяются с трудом. Разборка культурного слоя в обоих раскопах сопровождалась просеиванием и промывкой значительной части грунта. Промыто около 20% средневекового культурного слоя из раскопа 1 и более 25% — из раскопа 2. Во многом благодаря промывке на небольшой площади удалось собрать огромную коллекцию вещевого материала, включающую около 1500 индивидуальных находок и около 15 000 фрагментов керамики.

Рассмотрим более подробно состав коллекции (рис. 2, 3). Наиболее многочисленную категорию вещей в ней составляют бусы. И

2. Поселение Минино I. Находки из средневекового культурного слоя.

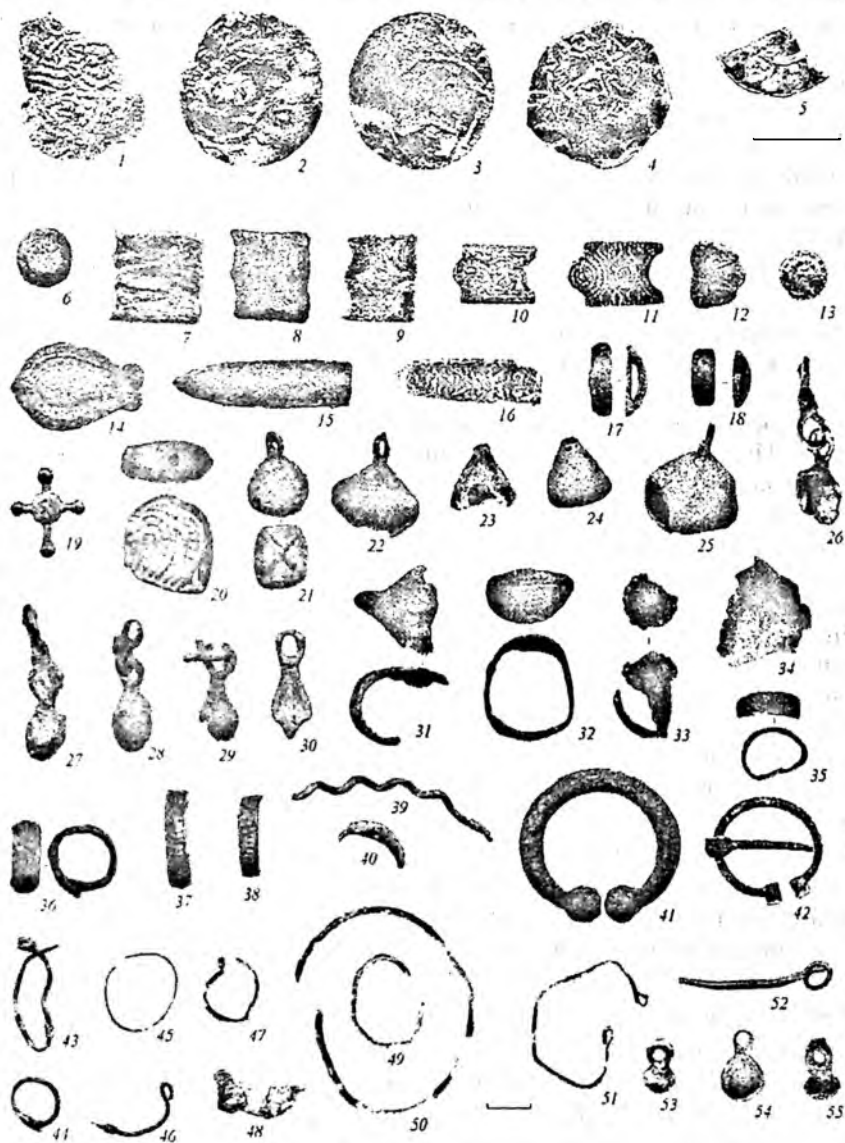

Рис. 3. Поселение Минино I. Находки из средневекового культурного слоя

около 300. Коллекция включает также около 100 целых и фрагментированных украшений и деталей одежды, изготовленных из бронзы, серебра и свинцово-оловянистых сплавов, около 80 медных пластин от котлов, около 100 неопределимых мелких вещей из цветных металлов (в основном фрагментированных) и несколько сотен железных предметов. Преобладают различные невыразительные железные предметы небольшого размера, часто неясного функционального назначения — пластины, стержни, скобы, клинья (около 250 экз.). Доминирующими категориями являются ножи (69 экз., рис. 2, 20—24) и иглы (70 экз., рис. 2, 2—5). В числе других железных вещей накопечники стрел (11 экз., рис. 2, 6—11), шилья, детали навесных замков и ключи (7 экз., рис. 2, 17, 18), рыболовные крючки (4 экз., рис. 2, 12, 13). Остальные категории железных бытовых вещей представлены единичными находками — это обломки топоров, кресала, ножницы, сковороды, ушки котлов, обломок серпа. Пожалуй, самая неожиданная находка — железное кольчужное кольцо (рис. 2, 1). Среди роговых и костяных вещей 3 томара (рис. 2, 33, 34). 4 фрагмента костяных односторонних и двусторонних гребней (рис. 2, 35, 36), копоушка, сделанная из накладки на односторонний гребень (рис. 2, 37), и несколько манков (рис. 2, 30—32). Найдено также несколько обрезков рога, служивших для изготовления каких-то поделок. Среди вещей из камня 5 шиферных пряслиц и несколько оселков. В керамической коллекции заслуживают особого внимания 2 фрагмента красноглиняной болгарской керамики и обломок писанки с поливой. Найдено также более 20 глиняных грузил.

Следует отметить присутствие в культурном слое некоторых достаточно редких находок, отражающих развитие торговли и высокий уровень потребления. В их числе 7 западно-европейских динариев (рис. 3, 1—5), бочонковидная гирька с бронзовой обтяжкой (рис. 3, 6), 9 орнаментированных бронзовых поясных накладок и ремешных накопечников (рис. 3, 7—16), ягтарный крест-тельник и фрагмент ягтарного перстня. Большая часть украшений принадлежит к широко распространенным типам. В коллекции 24 проволочных кольца (в основном височные, рис. 3, 43—51), около 20 небольших привесок и бубенчиков, перстни, фрагменты подковообразных фибул. В керамической коллекции представлена как лепная, так и круговая древнерусская посуда. В раскопе I в верхнем слое соотношение лепной и круговой керамики примерно равное, в нижнем слое лепная керамика составляет около 90% всего набора.

Таким образом, культурный слой поселения исключительно высоко насыщен вещевым материалом, в том числе привозными стеклянными и металлическими украшениями. Комплекс бытовых вещей в целом обычен для древнерусского поселения. Бросается в глаза присутствие в вещевом комплексе орудий промысла (томаров, наконечников стрел, острог, грузил, рыболовных крючков). Обычные для белозерских поселений X—XI вв. остатки бронзолитейного производства представлены двумя фрагментами тиглей. Обращает на себя внимание малочисленность пряслиц, которых найдено всего 6, включая шиферные и глиняные. Однако обилие жемчужных украшений свидетельствует о том, что Минино, находившееся в XI—XII вв. в глухом лесном районе, на крайней периферии древнерусского расселения, не было специализированным промысловым поселком с преобладанием мужского населения.

Для реконструкции хозяйства и общего характера занятий населения в высшей степени важны карпологиические и остеологиические остатки из культурного слоя. В ходе раскопок для сбора зерновых материалов промыто около 600 л средневекового культурного слоя на 11 различных участках. По заключению к. н. н. Н. А. Кирьяновой, зерна культурных злаков присутствуют во всех, за единственным исключением, отмывках из средневекового горизонта в обоих раскопах. Всего в средневековом слое собрано более 700 зерен и обломков. В коллекции представлены зерна ячменя, ржи, пшеницы, овса, гороха и семена льна. Зерна проса, широко представленные в древнейших слоях Новгорода, в Минине не встречены. Преобладающей культурой является ячмень. Минино — не единственное северное поселение X—XIII вв., культурный слой которого содержит зерновые материалы. На Белом озере они найдены более чем на 20 памятниках (Макаров Н. А., Захаров С. Д., Кирьянова Н. А., 1998). Однако по количеству зерен, найденных в промывках культурного слоя, Минино уступает только средневековому городу Белоозеро. Это внушительный для Севера материал, свидетельствующий, что в пищевом рационе обитателей поселения существенное место занимали продукты земледелия. Есть все основания полагать, что зерно выращивалось здесь же, на Кубенском озере. В остеологиической коллекции, исследованной к. б. н. А. Б. Савицким, присутствуют кости домашних животных — овцы, коровы, лошади. Их суммарная доля около 25% коллекции. Примерно 54% составляют кости бобра. В небольшом количестве представлены также ко

куницы, лисицы, выдры, зайца и белки. Значение этих определений трудно переоценить, поскольку выводы о широких масштабах пушного промысла на Севере до сих пор строятся в основном на косвенных данных. Единственная крупная и тщательно изученная остеологическая коллекция из Белозерья — коллекция из раскопок Л. А. Голубевой на поселении Крутик (вторая половина X—XI вв.), в которой также зафиксировано значительное преобладание бобра (Андреева Е. Г., 1991). Материалы Мипина документируют распространение промысла бобра в несколько более позднее время в более восточном районе при сохранении многих культурных традиций, зафиксированных на поселении Крутик. Мы фиксируем продвижение промысловой экономики на восток, которое для периода XI—XIII вв. ранее реконструировалось чисто логически. Симптоматично присутствие зерен культурных злаков и костей бобра в одном культурном слое, свидетельствующее о том, что земледелие и пушной промысел практиковались одним и тем же населением в одно и то же время.

В коллекции вещей из раскопа 1 преобладают типы, характерные для второй половины X—первой половины XII вв. Это ножи с узким клиновидным лезвием, костяные односторонние расчески, бронзовые крестопорезные бубенчики, ремешковые бляшки, перстни — узкопластинчатые с рельефным орнаментом, усатые со щитками в виде полушарий, с шариками ложной зерни (в Новгороде подобные перстни встречены в слоях XI в.) (Седова М. В., 1981, с. 132—133, рис. 50, 14). В наборе бус значительную долю составляют лимонки (43 экз.), рубленый бисер, золотостеклянные бочонкообразные, представлены глазчатые бусы и бусина, изготовленная в технике меллифьори. Есть в этом наборе и бусы, характерные для более позднего времени, — зонные навитые, синяя рыбовидная. Из шести определимых динариев 2 чеканены в конце X—первой четверти XI вв. (епископство Гильдесгейм, Монетный двор Мундбург, епископ Бернвард, 993—1022 гг.; епископство Гильдесгейм, Монетный двор Гильдесгейм, епископ Бернвард, 993—1022 гг.), один — в середине XI в. (Фризия, Доккюм, граф Бруно III, 1038—1057 гг.), остальные три — во второй половине XI в. (Евер, герцог Ордульф, 1059—1071 гг.; Нижняя Лотарингия, Намюр, граф Альберт III, 1064—1102 гг.; Фризия, Ставореп, граф Эгберт, 1068—1090 гг.; определение монет произведено к. н. н. А. С. Беляковым).

В лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН датированы 6 образцов древесного угля из средневекового слоя в раскопе 1 и образец из раскопа 2. Ниже приведены результаты датирования.

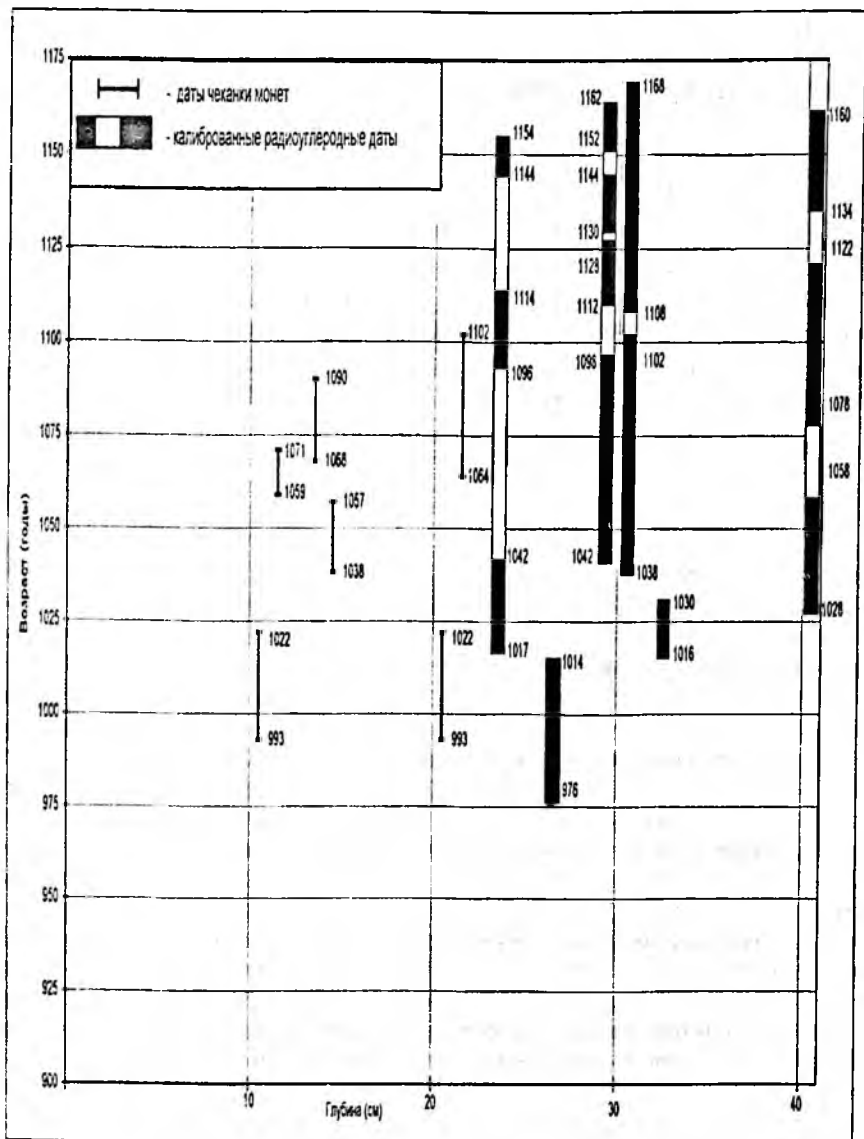

Рис. 4. Поселение Минино I. Соотношение радиоуглеродных дат и дат чеканки монет из культурного слоя.

ЛЕ-5207. Раскоп 1, 1996 г. 990 ± 30 В. Р. Калиброванная дата 16-1012-1042, 1096-1114, 1144-1154, 1017-1154 cal A. D.

ЛЕ-5320. Раскоп 1, 1997 г. 1060 ± 30 В. Р. Калиброванная дата 16-976-1022, 976-1022 cal A. D.

ЛЕ-5208. Раскоп 1, 1996 г. 920 ± 50 В. Р. Калиброванная дата 16-1038-1102, 1108-1168, 1038-1168 cal A. D.

ЛЕ-5321. Раскоп 1, 1997 г. 1000 ± 20 В. Р. Калиброванная дата 16-1016-1030, 1016-1030 cal A. D.

ЛЕ-5209. Раскоп 1, 1996 г. $950\pm$ В. Р. Калиброванная дата 16-1028-1058, 1078-1122, 1134-1160, 1028-1160 cal A. D.

ЛЕ-5463. Раскоп 1, 1998 г. 930 ± 30 В. Р. Калиброванная дата 16-1042-1098, 1112-1128, 1130-1144, 1152-1162, 1042-1162 cal A. D.

ЛЕ-5322. Раскоп 2, 1997 г. 1080 ± 50 В. Р. Калиброванная дата 16-832-918, 953-1016, 832-1016 cal A. D.

Даты двух образцов попадают в интервал второй четверти XI—середины XII вв., даты двух других — в короткий интервал второго—третьего десятилетия XI в., еще один образец датирован последней четвертью X—началом XI вв. Существенно совпадение радиоуглеродных дат и дат чеканки монет, найденных в тех же напластованиях (рис. 4).

Учитывая всю совокупность материалов, начало заселения участка в границах раскопа 1 в средневековье должно быть отнесено к рубежу X—XI вв. или самому началу XI в. Участок интенсивно использовался, вплоть до середины XII в., но оставался заселенным и во второй половине XII—XIII вв. Определить время прекращения жизни пока трудно, очевидно, это случилось не ранее начала XIII в.

Вецевой материал из раскопа 2 относится, возможно, к несколько более позднему времени. Золотостеклянные бочонкообразные бусы здесь значительно преобладают над лимонками (последних найдено всего 2), однако находка крестопрорезного бубенчика, завязанного перстня и позже с клиновидным лезвием не позволяет датировать заселение этого участка временем позднее второй половины XI в. Уголь, собранный на материке, дал более раннюю радиоуглеродную дату (16-832-1016 cal A. D.), что, возможно, связано с принадлежностью образца к горизонту древней почвы, а не к собственно культурным отложениям.

Подробная характеристика могильника не входит в задачу настоящей публикации. Ограничимся самой лаконичной информацией, существенной для интерпретации всего комплекса. Площадка груп-

тового могильника находится на 4—5-метровой террасе левого берега р. Дмитриевки, вплотную примыкающей к реке, и отделена от селища небольшим ручьем. Следы разрушенных погребений зафиксированы на протяжении 200 м вдоль берега реки, что, очевидно, указывает на значительные размеры могильника. В раскопе на западном краю площадки в 1997 г. было исследовано 6 погребений по обряду ингумации и поминальный комплекс. Три ненарушенных женских погребения имели восточную ориентировку, руки погребенных были вытянуты и лежали в области таза. Они сопровождалась богатыми наборами украшений, включавшими гривны, височные кольца, стеклянные бусы, поясные подвески, подвески к ожерелью, браслеты и перстни, а также ножам и керамическими сосудами. Отметим редкие для Белозерского региона находки ромбоидных височных колец, подвесок из раковин каури и оловянно-свинцовых бляшек очковидной формы, нашитавшихся на одежду. Для определения хронологической позиции этих погребений существенны находки двух подвесок из динариев Генриха III (1039—1056 гг.) и Конрада II или Генриха III (1024—1039 гг.) (определение к. и. н. П. Г. Гайдукова). Все комплексы, выявленные в этом раскопе, могут быть отнесены к хронологическому интервалу между концом XI и серединой XII вв.

В небольшом (52 кв. м) раскопе, заложенном примерно в 150 м к востоку от первого, на восточном краю площадки, обнаружено 9 погребений по обряду ингумации с западной и восточной ориентировкой, не менее 5 погребений по обряду кремации с кальцинированными костями, помещенными в неглубокие ямы, и скопления железных шлаков, связанные, очевидно, с железоделательным производством. Погребения по обряду кремации сопровождалась сравнительно немногочисленным инвентарем (стеклянные бусы, 2 железных ножа, железные клыки от топора, поясная бляшка, фрагменты костяных гребней, динарий (Нижняя Лотарингия, г. Утрехт, король и император Генрих III, 1044—1065 гг.) (определение к. и. н. П. Г. Гайдукова) и могут быть предварительно датированы концом X—серединой XI вв. Погребения по обряду ингумации разновременны. Древнейшее из них — мужское погребение № 15, сопровождавшееся кожаной сумкой подковообразной формы с бронзовыми накладками по краю, пластинчатым кресалом и оселком, — было совершено не позднее рубежа X—XI—начала XI вв. Исключительный интерес представляет погребение № 9, также мужское, сопровождавшееся железным топором, 2 перстнями и поясом сложной конструкции из трех кожаных ремней, соединенных при помощи

бронзовых колец с двумя наконечниками, пряжкой и 24 накладными бронзовыми бляшками. Комплекс датируется XI в. к XII в. должно быть отнесено женское погребение № 10 с височными кольцами и поясными украшениями. Остальные, безинвентарные, ингумации составляют наиболее поздний хронологический пласт погребений. Таким образом, восточная часть площадки могильника использовалась для совершения захоронений в течение длительного времени, по крайней мере, с рубежа X—XI вв. до конца XII в., а возможно, и далее.

Датировка погребений хорошо соответствует хронологическим рамкам поселения Минино I. При некотором различии вещевого набора материалы могильника характеризуются тем же обихом украшений и металлических деталей костюма (височные кольца, привески, бубенчики, поясная гарнитура) и разнообразием импортов (монеты, стеклянные бусы, раковины каури), которые были отмечены при раскопках поселения и послужили основой для выводов о высоком благосостоянии и товарной экономике обитателей микро-региона. Определенное различие в составе украшений из погребений и из культурного слоя, например, отсутствие на поселении зооморфных подвесок, шейных гривен и т. п., объясняется, вероятно, тем, что крупные украшения сравнительно редко попадали в культурный слой.

Погребальный обряд и набор женских украшений для ингумаций в могильнике Минино во многом сходны с обрядом и инвентарем шекснинских и белозерских грунтовых могильников, исследованных Н. В. Тухтиной, А. В. Кудряшовым и одним из авторов (Макаров Н. А., 1990; Макаров Н. А., 1997). Общими чертами являются небольшая глубина могильных ям, восточная ориентировка погребений, положение рук у бедер или на тазовых костях, керамические сосуды, стоящие в ногах погребенных, присутствие топоров в мужских погребениях, женский костюм с височными кольцами, ожерельями из бус с подвесками и наборами поясных украшений. С другой стороны, некоторые черты погребального обряда, зафиксированные в Минине, и найденные здесь украшения (например, ромбоцитковые височные кольца и проволочные кольца среднего диаметра со спиральным завитком, очковидные нашивные бляшки из свинцово-оловянистого сплава) не находят аналогов в Нефедьево и Шуи́гине — двух территориально наиболее близких памятниках. При общем сходстве комплексов из Минино и Нефедьево их нельзя признать близкородственными. Основываясь на материалах могильника, можно утверждать, что Кубенозерье осваивалось в XI—XII вв. с

запада и юго-запада, со стороны Шексны. Допустимо осторожное предположение о продвижении сюда выходцев из района среднего течения р. Шексны, где в последние годы зафиксировано крупное скопление средневековых памятников (Кудряшов А. В., 1992; Кудряшов А. В., 1995), и о тесных культурных связях переселенцев с районом Верхнего Поволжья. Находки подтверждают историческую реальность Шекеншино-Сухонского пути как одного из двух магистральных путей колонизации Севера в XI—XIII вв. и впервые раскрывают облик средневековой культуры Кубенозерья — особого исторического района, лежащего между Белоозером на западе и Вологодско-Сухонским краем на востоке.

Но материалы комплекса средневековых памятников у д. Мишино не менее важны в контексте изучения общих проблем хозяйства и культуры северной деревни XI—XIII вв. Существенны, прежде всего, отмеченные здесь высокая концентрация предметов из железа, цветных металлов и стекла в культурном слое и состав вещевой коллекции, включающий многочисленные импорты и предметы, традиционно рассматриваемые как индикаторы высокого благосостояния и развития торговли. На каждый квадратный метр вскрытой площади в Мишине приходится в среднем более 2 стеклянных бус и столько же предметов из цветных металлов. Обилие этих вещей выявлено благодаря более совершенным и тонким методам разборки культурного слоя, поэтому полученные данные не вполне корректно сравнивать с данными по другим синхронным памятникам. Тем не менее оно объективно отражает достаток сельского населения и доступность для него широкого ассортимента привозных вещей. Симптоматично присутствие в культурном слое монет, весовой гирьки, поясной гарнитуры. Как интерпретировать подобный состав коллекции? Исходя из традиционных представлений об относительной бедности древнерусской деревни и замкнутом, малотоварном характере ее экономики, археологи обычно объясняют присутствие подобных «необычных» наборов на селищах как свидетельства более высокого статуса или особых функций поселений, являвшихся, например, центрами местной торговли, погостами, дружинными лагерями, промышленными факториями. Между тем высокая встречаемость бус, монет, весовых гирек, металлических украшений, железных орудий труда, изготовленных по сложным технологическим схемам, на сельских поселениях Северной Руси конца X—начала XII вв. — скорее правило, чем исключение. В районе Белого озера она зафиксирована на нескольких поселениях этого периода (Никольское V, Николь-

ское IX, Никольское X, Маэкса II, Несфедово, Мурниновская пристань) — практически во всех случаях, когда раскопки или специальные поверхностные сборы были проведены на памятниках с удовлетворительной сохранностью культурного слоя. Близкий состав вещей представлен в материалах селищ района Средней Шексы (Октябрьский Мост, Кривец, Мишино V, Андриюшино), исследованных А. В. Кудряшовым, на селищах Суздальского Ополя (Весь, Гнездилово) (Лапшин В. А., 1985; Лапшин В. А. 1989; Седова М. В., 1997, с. 231—234), на поселениях Верхнего Поволжья. К сожалению, во многих ключевых исторических районах севера и центра Европейской России селища XI—XII вв. почти не подвергались раскопкам и материальная культура сельских поселений слабо изучена. Однако имеющиеся материалы вполне достаточны для того, чтобы поставить под сомнение традиционное противопоставление города как места средоточия торговли и потребления импортов деревне с ее замкнутым натуральным хозяйством, так же как и представления о бедности деревни. Товарный характер сельской экономики конца X—первой половины XII вв. рельефно выражен в археологических материалах и должен рассматриваться как одно из наиболее существенных ее свойств, коренным образом отличающих деревню этого времени от деревни позднейшего периода. Это отличие хорошо прослеживается не только на Белом и Кубенском озерах — на северо-восточной окраине древнерусского расселения, но и во многих других районах центра и севера Древней Руси, где изменение системы расселения во второй половине XIII—XIV вв. сопровождается формированием исключительно бедной материальной культуры сельских поселений.

Разумеется, небольшие материалы, собранные при раскопках поселения Мишино I и могильника Мишино II, далеко не достаточны для характеристики основных тенденций и закономерностей в развитии севернорусской деревни. В то же время они позволяют восстановить некоторые важные взаимосвязи, обычно остающиеся вне поля наблюдения археологов. В Мишине мы впервые получили прямые свидетельства становления на Севере комплексной экономики, в которой земледелие и интенсивная пушная охота сосуществовали на одном и том же поселении, свидетельства того, что развитие комплексной экономики связано с формированием не только небольших, удаленных друг от друга малодворных поселений, но и крупных поселков, наконец, свидетельства того, что обитатели этих поселков — непосредственные добытчики пушны и земледельцы (а не только

организаторы торговли и представители местной администрации) — были получателями и потребителями значительной массы разнообразных товаров, в том числе ввозившихся на Русь импортом. Очевидно, накопление на сельских поселениях конца X—начала XII вв. значительных материальных ресурсов стимулировало дальнейшее развитие колонизации в XII—начале XIII вв., хорошо документированное новейшими археологическими изысканиями на Севере.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Е. Г.*, 1991. Фауна поселения Крутик (по остеологическому материалу из археологических раскопок) // Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск. АСЭИ, 1958. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв., т. II. М.
- ДЦГ, 1950. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л.
- Литвин В. А.*, 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X—XIII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.
- Литвин В. А.*, 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА, вып. 195. М.
- Ле Гофф Ж.*, 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.
- Макаров П. А.*, 1990. Население Русского Севера в XI—XIII вв. М.
- Макаров П. А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. М.
- Макаров П. А., Захаров С. Д., Кирьянова П. А.*, 1998. Палеоботанические материалы из Белозерья: К истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси // РА, № 1.
- Кудряшов А. В.*, 1992. Средневековые памятники Шексны // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции, вып. 6. С. 44—50.
- Кудряшов А. В.*, 1995. Работы в бассейне Шексны и на Лозско-Азатской водной системе // Археологические открытия 1994 г. М. С. 43—44.
- Седов В. В.*, 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли в X—XIV вв. МИА, № 92. М.; Л.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. X—XV вв. М.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X—XV вв. М.
- Rural settlements in Medieval Europe. 1997. Papers of the Medieval Europe Brugge 1997 Conference. Volume 6. Zellik.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 99-06-80177 «Археология северной деревни X—XIII вв.: организация расселения, хозяйство, системы жизнеобеспечения».

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ГОРОДОВ ПОВОЛХОВЬЯ*

Вопросы происхождения, экономической сущности и социальной типологии древнерусских городов имеют принципиальное значение для понимания многих общих вопросов истории Древней Руси. Их рассмотрение основывается на анализе двух главных категорий источников: письменных и археологических. Первые достаточно хорошо известны, лаконичны, практически не пополняются, и их та или иная интерпретация во многом зависит от основной концепции исследователя, от его принадлежности к определенной исторической школе, наконец, от эпохи, когда пишется сочинение, с ее общепринятыми установками и взглядами на мир. Вторые, то есть археологические источники с постоянным накоплением новых данных, приобретают все большее значение, хотя их информативные возможности часто объективно ограничены при переходе от наблюдений над материальной культурой к историческим обобщениям.

Ладога и Новгород — два городских центра у устья и истока одной реки — Волхова — важнейшей магистрали, соединявшей Балтику через Неву и Ладожское озеро с внутренними районами Восточной Европы, — находились всего лишь в 200 км друг от друга и были объединены и своим географическим расположением, и общими историческими судьбами, но при этом отражали разные стадии и характер формирования городских поселений Древней Руси. В какой-то степени оказалась общей и история их археологического изучения. Первые раскопки ладожского поселения на достаточно серьезной основе и в значительных масштабах были предприняты Н. И. Репниковым еще в 1909—1913 гг., то есть гораздо раньше, чем они начались в Новгороде (если, конечно, не считать двухнедельных шурфовок Н. К. Рериха в Новгородском кремле в 1909 г.), но, по существу, как основа для широких заключений

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ — проект 98-01-00314.

исторического плана археологические материалы Ладоги и Новгорода стали входить в советскую историческую литературу практически параллельно в 1930—1940-е гг., после раскопок в Новгороде А. В. Арциховского и сотрудников местного музея, а в Ладоге раскопок В. И. Равдоникаса (материалы полевых исследований Н. И. Репникова были изданы лишь в 1948 г., через 8 лет после его смерти и через 35 лет после окончания самих работ).

С первых публикаций Ладога по археологическим данным выступала как поселение более древнее, чем Новгород, ее материальная культура выглядела гораздо архаичнее и сопоставлялась не столько с развитыми средневековыми городами Руси, сколько с ее сельскими поселениями. Эта разница раннего центра и развитого средневекового города, по мнению многих историков и археологов, отражала общую эволюцию древнерусской культуры и общества, разные ступени развития восточно-славянского города. Соответственно и места, отводимые Ладоге и Новгороду в социальной структуре древнерусского общества, были различными. Ладога традиционно воспринималась как дофеодальное, общинное славянское поселение с большесемейными домами, а Новгород — уже как феодальный город с княжеским детинцем-кремлем и примыкающим ремесленным и торговым посадом. Обычным было и понимание Ладоги как непосредственного предшественника Новгорода, который, не исключалось, и получил свое название в сравнении с ней (В. И. Равдоникас, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский и др.).

Гораздо позднее, уже в 1970-е гг., по мере систематизации материалов раскопок Ладоги, прихода в науку нового поколения исследователей, не отягощенного бременем наследия идеологической борьбы с норманизмом 1930—1950-х гг., и закреплении в историографии положения о том, что становление городов на Руси имеет определенные параллели в процессе их образования в Балтийском регионе, Ладога стала сопоставляться с так называемыми «торгово-ремесленными центрами» («протогородами», виками) Скандинавии, такими, как Бирка, Риббе или Хедебю, и западно-славянских земель (Кирпичников, 1995: 28—53; Носов, 1993: 59—78). Появились работы, авторы которых пытались найти даже буквальное топографическое соответствие Ладоги и, к примеру, Хедебю (Кирпичников, 1979: 99—100).

Однако воспринималась ли Ладога сугубо славянской «крестьянской» и «родоплеменной» или торгово-ремесленной и полиэтничной, она всегда рассматривалась как первая ступень в формировании города в сравнении с Новгородом.

«Археологическое открытие» Рюрикова городища (или, точнее, Городища, как оно значится в письменных источниках, начавшая с 1103 г.), реально состоявшееся в конце 1970-х годов, сразу осложнило привычные представления о развитии городской жизни в центре Северной Руси (Носов, 1990). Между Ладогой и Новгородом как бы вклинился третий центр протогородского типа, и сразу стало ясно, что без определения соотношения Городища с обоими из них обойтись нельзя.

По мере накопления данных о материальной культуре древнейших слоев Рюрикова городища все более явственным становилось ее отличие от культуры, фиксируемой на самых ранних из исследованных участков собственно Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы), прежде всего, по числу находок общебалтийских и скандинавских типов (Носов, 1990: 147—169; Янссон, 1999: 18—38; Хвоцинская, 1999: 39—50). Последние встречаются на территории города, но в несопоставимо меньшем количестве, чем на Городище, хотя их число в результате новых работ медленно пополняется (Седова, 1979: 179—181; 1981; Гаїдуков, 1988: 61; Покровская, 1999: 51—64). Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. Комментируя очевидные отличия Рюрикова городища и Новгорода в рассматриваемом отношении, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, отчасти эти различия связаны с хронологией. Если на Рюриковом городище зафиксированы слои второй половины IX—X вв., и можно предполагать наличие и более ранних, то на территории собственно Новгорода слои X в., когда скандинавское влияние на Руси наиболее ярко проявлялось в материальной культуре, представлены лишь на нескольких раскопах, причем относятся они преимущественно ко второй половине—концу X в. Во-вторых, в городе норманны, видимо, селились и останавливались не повсеместно, а в определенных кварталах и дворах, и поэтому в дальнейшем картина, наблюдаемая сейчас, может быть справедлива не для всех его частей (Мельникова, 1984: 190; Носов, 1990: 163).

Однако даже принимая эти оговорки, различия Рюрикова городища и Новгорода по числу скандинавских находок слишком велики. Они, несомненно, объясняются в первую очередь разным социально-экономическим характером поселений, сменявших друг друга. Если Рюриково городище — это торгово-ремесленный и военно-административный центр международного плана с многоэтническим населением, во многом связанный с дальней торговлей, то поселения

вокруг христианского комплекса — Софийского храма и епископского двора — это уже кварталы столицы северной части Русского государства, существовавшей за счет эксплуатации земледельческого населения Приильменя. Если на Рюриковом городище скандинавы — княжеские дружинники, торговцы, ремесленники, частично жившие семьями, — составляли значительную часть постоянного населения, то в Новгороде, судя по находкам, присутствие скандинавов улавливается не столь отчетливо, а письменные источники упоминают о них только как о торговцах, наемниках и опальных знатных изгнанниках при дворах князей, то есть как о людях, для которых город был только временным пристанищем в поисках удачи и богатств или княжеской защиты.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что по имеющимся археологическим материалам Рюриково городище предшествовало Новгороду и городок в истоке Волхова в сравнении с поселками на его обоих берегах ниже по течению реки, где находились торг, епископский центр и первые христианские храмы, типологически относятся к иной исторической эпохе. Убеждение в ведущей роли Городища в районе истока Волхова в IX—X вв. опирается на выгоды его топографического расположения (первый холм на острове при входе в Волхов из Ильменя при раздвоении реки на рукава, то есть «запирающий» исток реки), хронологию слоев, облик материальной культуры и то значимое место, которое занимало Городище в политической жизни Новгорода уже в собственно древнерусское время, оставаясь княжеской резиденцией. Иногда приходится слышать, что на территории новгородских концов, прежде всего на Славне, возможно, еще будут найдены следы поселений более ранних, чем середина X в., и это изменит понимание общей ситуации. Действительно, если мы еще раз представим себе общую картину заселенности Поозерья и Верхнего Поволжья, как ее позволяют представить сейчас археологические данные, то есть когда практически на каждом не затопляемом весенними паводками всхолмлении среди поймы открываются следы поселений IX—X вв., то было бы наивно думать, что холмы, которые «накрыл» культурный слой города, оставались пустыми пятнами. Конечно, остатки сельских поселков там могут быть найдены, и наверняка будут найдены, но их наличие не отменит значимости и первоначального лидерства Рюрикова городища во всей поселенческой зоне (Носов, 1997: 272—285).

Возникновение Рюрикова городища, если теперь обратиться к Ладоге, несомненно, хронологически позднее возникновения последней приблизительно на столетие, если опираться на имеющиеся сейчас материалы. Жизнь обоих центров определялась расположением на значительной водной магистрали, торговлей, ремеслом и военным делом. Население также занималось сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, которые составляли естественный «фон» почти каждого раннесредневекового поселения.

Именно сходство Городища и Ладоги, при отличии от собственно средневекового Новгорода, бурно разросшегося в конце X в. в стороне от Городища, сразу привлекло наибольшее внимание исследователей. По существу на карте Восточной Европы появился ранее «неизвестный» центр городского типа, как бы параллельный Ладоге, но несколько более поздний. Рюриково городище стало постоянно рассматриваться в отечественной литературе в одном контексте с Ладогой, Гнездовым, Тимеревым и другими ранними поселениями Восточной Европы при обсуждении «норманнской» проблемы, вопросов появления первых городов на Руси и их сравнения с городами Балтийского региона. Впервые памятник, практически до начала 1990-х годов остававшийся вообще неизвестным западным историкам и археологам, вошел в число поселений, постоянно упоминаемых при анализе общих вопросов славяно-варяжских контактов, а его археологические материалы попали в европейские каталоги скандинавских древностей (Catalogue, 1992: No 280—289; Vikingernes Rusland... 1993: 29—38).

Однако сейчас, после более чем двадцати лет систематических раскопок Городища, когда накоплен значительный и разнообразный материал, становится все более очевидным не только сходство, но и отличие Ладоги и Городища, как сходство и отличие Городища и собственно Новгорода, что в несколько ином ракурсе позволяет рассматривать эволюцию городской жизни в Поволховье.

По своему географическому положению Ладога открывала путь в глубину Восточно-европейского континента, но была лишена земледельческой округи. Известные памятники образуют не сельскохозяйственную зону, примыкающую к Ладоге как к ее центру, а приречную агломерацию, приуроченную к крупной водной артерии и ее опаснейшим участкам. Городище, напротив, располагалось в сгустке именно сельских славянских поселений, прежде всего, ильменского Поозерья — ядра будущей Новгородской земли, где находилось и

главное языческое святилище ильменских славян — Перынь — и куда сходились административные нити управления Приильменьем.

Ладога была основана на сравнительно низком месте правого берега Волхова и была лишена в ранний период своей истории каких-либо укреплений. В этом плане ее можно сравнивать с синхронными скандинавскими и западно-славянскими центрами Балтийского региона, постоянная жизнь во многих из которых не замирала, но для нее были характерны сезонные пики активности и относительного затишья. Топографическая структура Рюрикова городища сугубо восточно-европейская и отличная от скандинавской модели (Jansson, 1997: 36). Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу.

Скандинавские и общевосточные элементы в материальной культуре Ладоги присутствуют с ее древнейших слоев, то есть с середины VIII в. Они представлены многочисленными предметами быта (гребни фризского типа, кожаная обувь северного облика, пожи скандинавского типа, деревянные игрушечные мечи и др.), свидетельствами ремесла (глиняные грузила от вертикальных ткацких станков, ремесленные мастерские с наборами различных инструментов и т. д.). При этом обращает на себя внимание единичность находок бронзовых украшений и предметов вооружения. Все эти северные элементы присутствуют наряду с изделиями, поступившими с Востока, с вещами славяно-балтийского и финского облика (Давидан, 1971: 134—144; 1986: 99—105; 1995: 156—166). Исследователи иногда замечают преобладание тех или иных черт в разных слоях, однако в целом Ладога VIII—X вв. дает пример комплексного торгового-ремесленного поселения при важнейшей водной артерии. Ладога выполняла роль промежуточного/посреднического центра между регионом Балтики и внутренними районами Восточной Европы, где кончались традиции морского судоходства и начинался многотрудный путь по рекам через пороги и волокни. Такое расположение на водной артерии, замерзавшей на долгие месяцы, естественно, предполагает сезонные всплески активности в жизни поселения.

В отношении Рюрикова городища наблюдается иная картина. Многие элементы его культуры аналогичны ладожским (лепная керамика, глиняные диски, гребни разных типов, бусы, весовые

пирьки и пр.), есть следы дальней торговли и ремесленного производства. Однако гораздо ярче, чем в Ладоге, выступает комплекс скандинавской культуры, причем выраженной в многочисленных находках бронзовых украшений (различные типы фибул, подвесок, ладьевидные браслеты, шилья, увенчанные головками мужчин, детали конской сбруи и пр.) и предметов культа (молоточки Тора, железные гривны, кресаловидные подвески, плоские кольца с надежными маленькими колечками, амулеты и пр.), оружия (лапцетовидные наконечники стрел, наконечники пожен мечей, а судя по старым даншым, вероятно, и сам меч). Подобных изделий сейчас уже насчитывается более ста (Носов, 1990: 147—169; Янссон, 1999: 18—38; Хвоцинская, 1999: 39—50). По числу находок скандинавского крута древностей в культурных слоях поселений Рюриково городище и Гнездово на Днепре являются самыми богатыми на территории Восточной Европы и непосредственно следуют за такими центрами самой Скандинавии, как Бирка и Хедебю. Очень рельефно выражен на Рюриковом городище комплекс находок, относящихся к мужскому костюму, — 19 кольцевидных булавок с длинной иглой, 26 подковообразных фибул IX—X вв. и другие детали. В целом материальная культура Городища, судя по ее яркому северному компоненту, носит гораздо более выраженный воинский — «дружинный» — характер, чем культура Ладоги. Нельзя не отметить и определенную изысканность находок: к примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшены звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы.

Археологические материалы и топографическое расположение подчеркивают различную социально-экономическую ориентированность Ладоги и Рюрикова городища. Для Ладоги VIII в., как поселения, открывавшего, с одной стороны, путь в глубь континента, а с другой стороны, выход к морю, на первом месте были торговоремесленная деятельность и непосредственное обслуживание плавания (ремонт судов, их оснащение, перегрузка товаров и т. д.), т. е., прежде всего, обеспечение стабильного функционирования Балтийско-Волжского пути. Именно поэтому она была устроена по принципу балтийских вышков — низко у воды, при удобной бухте, которую образовывала р. Ладожка, без укреплений на начальном этапе, в отличие от поволховских городков, выполнявших главным образом функции обеспечения безопасности плавания и распола-

гавшихся на высоких речных террасах у наиболее важных участков пути (городище Любша — сторожевой форпост на подходе к ладожскому поселению; городище Новые Дубовики — перед волховскими порогами; городище Городище — перед пчевскими порогами). Ладожский поселок отличался своими топографическими условиями и от всех поселений Нижнего Поволжья конца I тыс. н. э., занимавших высокие террасы, что лишней раз подчеркивает специфичность его функций в микрорегионе (Петренко, Шитова, 1985: 190).

Для Рюрикова городища середины IX в. на первый план вышли функции военно-административные, связанные с его ростом как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно «земли». Ремесло и торговля, несомненно, и здесь играли большое значение, они, а не сельское хозяйство определяли облик поселка, но главное заключалось в том, что на нем был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов. важнейшей задачей которого являлись не только обеспечение безопасности торгового пути, но и административный контроль обширных территорий Прильмения. Из тех погостов, которые княгиня Ольга устанавливала по Мсте и Луге, включая в единое государственное устройство обширные территории, даны стекались к истоку Волхова, на Городище. Кстати, по своей топографии Рюриково городище напоминало не Ладогу, а те уже упомянутые поволховские городки на высоких террасах, приуроченные к сложным участкам водной магистрали.

По мере стабилизации государственной структуры, сложения новой экономической системы, опиравшейся на внутренние ресурсы общества, а не на внешние связи, при распространении христианства в конце X в. Городище уступило место собственно Новгороду, как центру уже иного порядка, в котором, однако, административные функции управления землей являлись ведущими, что и определяло его рост как столицы новгородской земли, то есть по существу всей северной части Древнерусского государства.

Если коротко повторить схему становления городской жизни в Поволжье, какой она вырисовывается сейчас на основании анализа главным образом археологического материала, то она следующая. Ладога возникает как торгово-ремесленное поселение на Балтийско-Волжском пути, в месте, где сходятся пути морского судоходства и движения по рекам Восточной Европы. По типу поселения она близка викам региона Балтики. Вдоль Волхова форми-

руются городки у наиболее опасных с точки зрения плавания и важных с точки зрения контроля участков пути. Один из подобных городков располагался в истоке Волхова — Рюриковом городище. Его роль в Приильменье многократно усиливалась тем, что поселение оказалось в сгустке славянских земледельческих поселков, образывавших ядро будущей Новгородской земли, и стало их центром. На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов (воины, ремесленники, торговцы). Всех их привлекали экономическое значение района и размещение здесь административных властей. Городище стало княжеской резиденцией. Именно поэтому торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладogi, изначально не были доминирующими, а сосуществовали функциям военно-административным. Последние, по мере становления государственности, сложения единой территории Новгородской земли стали определяющими для нового центра, постепенно сложившегося к рубежу X—XI вв. в 2 км ниже по течению от Городища вокруг общегородского храма и епископского двора. Строительство детинца и каменного Софийского собора в середине XI в. завершило этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдукoв П. Г., 1988. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. I: 61—63. Новгород.
- Давидан О. И., 1971. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией // Скандинавский сборник. Вып. XVI: 134—144. Таллин.
- Давидан О. И., 1986. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27: 99—105. Ленинград.
- Давидан О. И., 1995. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi // Петербургский археологический вестник. № 9: 156—166. Санкт-Петербург.
- Кирпичников А. П., 1979. Ладoga и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь: 92—106. Киев.
- Кирпичников А. П., 1995. Ладoga VIII—X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: новые исследования /Славно-русские древности. Вып. 2: 28—53. Санкт-Петербург.
- Мельникова Е. А., 1984. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: 127—133. Ленинград.
- Посов Е. П., 1990. Новгородской (Рюриково) городище. Ленинград.

Посов Е. П. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 59—78. Санкт-Петербург.

Посов Е. П. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город / Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2: 272—285. М.

Петренко В. А., Шитова Т. Б., 1985. Любшанское поселение и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 181—191. Ленинград.

Покровская Л. В., 1999. Ювелирные украшения Новгорода X—XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 51—64. Москва.

Седова М. В., 1979. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Часть I: 179—181. Петрозаводск.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.

Хвоцинская И. В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрика городского // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 39—50.

Янссон П., 1999. Скандинавские находки IX—X вв. с Рюрика городского // Великий Новгород в истории средневековой Европы: 18—38. М.

Catalogue. 1992. Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe 800—1200 // 22^e exposition d'art du Conseil de l'Europe. Uddevalla.

Jansson P., 1997. Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19—20 October 1996 in the manor of Karlslund, Örebro / Lectures ed. By Par Hansson: 9—64.

Vikingernes Rusland — Staraja Ladoga og Novgorod., 1993 (red. Michael Andersen, Frank Birkeback): 29—38. Roskilde Museums Forlag.

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ВОДСКОЙ ЗЕМЛИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

В 1971—1991 гг. Ижорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством автора было осуществлено широкое обследование памятников в западных районах Ленинградской области. Работы производились на территории летописной Водской земли (Ижорская возвышенность) и прилегающих к плато «чудских погостов» эпохи писцовых книг. В результате был получен значительный материал, позволяющий судить как о материальной, так и о духовной культуре средневековых насельников края. Последнему аспекту и посвящена настоящая публикация.

Вопрос о начальном проникновении и последующем распространении христианских традиций в среде сельского населения Северо-Западной Руси принадлежит к дискуссионным темам исторической науки. С достаточной осторожностью об изменениях в сфере духовных представлений приходится судить при обращении к немногочисленным находкам предметов христианского культа — нательным крестикам и образкам, основная часть которых происходит из курганных захоронений второй четверти XII—первой половины XIII вв. (Мусин, 1990: 73—76). При этом в Новгородской земле их представленность в комплексах в целом не превышает 1,2% от общей численности исследованных погребений, значительно уступая по встречаемости христианской культовой пластике в могильниках других областей Северной Руси (ср.: Беленькая, 1976: 88—98; Рябини́н 1986: 122—125; Макаров, 1991: 11—21). А. Е. Мусин объясняет последний факт огромной территорией новгородской епархии при незначительном количестве городских и ремесленных центров (Мусин, 1997: 24).

Процесс распространения христианства в севернорусских землях рассматривался на материалах сельских погребальных памятников В. В. Седовым (Седов, 1992: 3—11). Автором выделено несколько хронологических этапов в динамике этого сложного явления. Предполагается, что до середины XII в. воздействие христианства на

сельское население Северной Руси оставалось еще малозаметным. Последнее, по мнению В. В. Седова, документировано безраздельным господством курганного обряда погребения со всеми его языческими атрибутами (положение ингумаций на материке в основании насыпей с вытянутыми вдоль тела руками; проявление в эпоху распространения ингумаций следов языческого культа огня; помещение рядом с захоронениями глиняных сосудов и обилие самого различного вещевого инвентаря). При этом непосредственное воздействие христианской религии на смену обряда кремации обрядом ингумации отрицается.

Ситуация начинает меняться с середины XII в., когда, наряду с выделением самостоятельных земель, появляются новые епископии и активизируется строительство храмов. Влияние христианства на сельское население нашло отражение в изменении курганной обрядности. Оно проявляется в широком распространении захоронений в подкурганых могильных ямах, уменьшении размеров насыпей и постепенном увеличении глубины самих ям. С этого времени прослеживается тенденция к погребению умерших с руками, сложенными на груди или животе, хотя часть ямных ингумаций продолжала сохранять старое — вытянутое — положение рук. В курганах данного типа пережитки культа огня фиксируются крайне редко. Заметно уменьшается число вещевого инвентаря, представленного преимущественно украшениями или металлическими принадлежностями костюма. Обычай помещать при умерших керамику полностью исчезает.

Дальнейшее усиление воздействия христианских традиций на население Северной Руси приходится, по наблюдениям В. В. Седова, на первую треть XIII в. В это время погребения в основном совершаются в подкурганых ямах. Возрастает количество умерших со сложенными на груди и животе руками. Увеличивается доля безинвентарных труноположений. Появляются захоронения в гробах, скрепленных железными гвоздями. К середине XIII в. относится затухание, а ко второй половине этого столетия — повсеместное исчезновение курганной (и по своим истокам языческой) погребальной обрядности.

Исключением в данном отношении является Новгородская земля, непосредственно не затронутая монголо-татарским нашествием. Здесь в XIII—XIV вв. продолжает сохраняться жалыничный обряд, преемственно связанный с курганным способом захоронения, а "

охране повгородских владений, на Ижорском плато, в XIII—XIV вв. и отчасти в XV в. фиксируется сосуществование, наряду с жалыничным, и курганного способа погребения (Седов, 1992: 10—11).

Мнение о более продолжительном процессе христианизации населения Ижорского плато разделяет в своем диссертационном исследовании А. Е. Мусин (Мусин, 1997: 16). Начало распространения здесь новых религиозных традиций он связывает с земледельческой колонизацией региона в XII в. Однако определенная экстерриториальность Водской земли и политическая, по мнению автора, автономия финно-угорских племен на порубежье повгородских владений приводят к тому, что становление здесь погостской системы с соответствующими церковными приходами происходит не ранее 1215—1240 гг.

В какой степени приведенные выше заключения соотносятся с данными, полученными в ходе работ Ижорской экспедиции на Ижорской возвышенности и в сопредельных районах? Нами не выявлено дополнительных свидетельств о заметной христианизации обитателей региона в XII—первой половине XIII вв. Значительно более отчетливо на данном этапе в обряде и элементах материальной культуры прослеживаются традиции языческого или «нейтрального» характера. Качественные изменения приходится на середину—третью четверть XIII в. с наиболее вероятным интервалом (по данным повгородской хронологии) между 1238—1281 гг. (об этом см.: Рябинин, 1989: 20—31). В этом убеждают материалы раскопок могильников Копорской округи. В указанное время прекращается функционирование Бегуницкой курганной группы, за единственным исключением содержащей только захоронения в основании насыпей. Последующая эволюция обряда, определяемая переходом к курганам-жалышкам и жалыничным могилам, здесь не прослеживается. находка на пахотном поле в 100 м к югу от скопления курганов разрозненных обломков человеческих костей совместно со сложновитым (2×3) петлеконечным браслетом позволяет предполагать функционирование не позднее XIV в. на том же участке нового могильника — обычного христианского кладбища с грунтовыми ингумациями без выраженных внешних признаков.

Остальные памятники, расположенные в 7—10 км от Бегуниц, использовались и в последующее время, однако обрядовые изменения в них также относятся к середине—третьей четверти XIII в.

Умерших перестают хоронить на поверхности погребальной площадки, а начинают помещать в могильные ямы, вырытые в центре основания кургана. Некоторые из таких могил выкапывались на глубину не более 5—10 см, то есть имели еще сугубо символический характер. Но данный факт приобретает особое значение в связи с тем, что появление даже «символических» подкурганых ям прямым образом коррелируется с полным исчезновением обычая помещать с умершими орудия труда, оружие, бытовой инвентарь и посуду, не прослеживаемого и в последующие периоды. Не выявляются и некоторые иные погребальные традиции, восходящие к более ранней эпохе. Фиксируется только однотипная западная ориентировка труположений. Все это свидетельствует о существенном ослаблении языческих черт ритуала.

Не менее разительные изменения наблюдаются примерно в тот же период и у «чуждых» предков северо-западной воины, ознаменованные распространением в местной среде грунтовых ингумаций, большинство которых совершено в могилах жалыничного типа. Судя по некоторым данным, ранее здесь практиковался обряд сожжения с помещением кремнированных останков на поверхности земли или в мелких ямах без внешних признаков. Ранние могилы с труположениями имели глубину до 0,2—0,4 м, помещенные в них захоронения лишь слегка присыпались тонким слоем грунта. Столь резкая ломка традиционного обряда не может объясняться только внутренними причинами. Более вероятно ее связь с каким-то сильным внешним воздействием, имевшим первоначально в целом одноактный порядок. Одновременность этих явлений в землях древнерусского (славяно-финского) и финно-угорского обитания также не может считаться случайной.

Понять причины происшедших изменений помогают данные исторических источников. По более поздним сведениям, восходящим к концу XV в., исследованные кладбища Копорской округи принадлежали деревням, селам, сельцам одного административного подразделения Новгородской земли — Ильинского Замосшского погоста «в Богуничах». Известно, что в центральных селениях располагались церкви и христианские кладбища прихода. А именно Богуницы, рядом с которыми неожиданно перестали насыпать курганы, и являлись таким центром. Это позволяет установить время появления здесь первой христианской — Ильинской — церкви (не позднее третьей четверти XIII в.) и определить, таким образом, начало не-

средственного внедрения новой религии в сельскую среду, наиболее ощутимой в местах пребывания духовенства и ослабленной в остальных пунктах формирующегося погоста.

В какой степени это наблюдение может быть распространено на другие участки Водской земли? Обратимся к широко исследованному, сопредельному с Замошским Богородицком, Врудскому погосту. Установлено, что здесь могильник в самом погостском центре и все могильники, расположенные в его ближайшей округе, содержали только курганы без позднейших форм погребальных сооружений. Памятники последних типов обнаруживают тяготение к окраинным частям исторического погоста XV в. Последнее позволяет предполагать, что и в других микрорегионах Водской земли примерно в то же время происходили сходные изменения, обусловленные активным внедрением в сельскую среду христианских традиций.

Распространение православия диктовалось осложнившейся военно-политической ситуацией на северо-западе Новгородской земли. Когда в начале 1240-х гг. немецкие крестоносцы попытались укрепиться в старом новгородском погосте, «в Коноры», то отбивший этот пункт у ливонцев князь Александр Ярославич после его взятия «Вожан и Чюдцо перевьтники извеша» (ННЛ, 1950: 78). Очевидно, определенная часть населения Водской земли и сопредельной «чудской» территории в период усилившихся военных столкновений занимала довольно неустойчивую позицию по отношению к Новгороду. С таким положением русские власти не могли более мириться.

Интересы княжеской политики нуждались в соответствующем идеологическом обеспечении. Религиозной оболочкой ожесточенной борьбы Руси за порубежные северо-западные территории являлось противостояние православия с римско-католической («латинской») церковью. Известно, что в 1227 г., когда Швеция усилила военный натиск на новгородскую Карелию, князь Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского — «посла крести множество корелян, мало не все люди» (Лаврентьевская первая летопись, 1962: 449). Ту же акцию преследовали князь Александр и его преемники, приступив к активному насаждению христианства в форме православия среди разноэтничного населения северо-западного порубежья новгородских владений.

В связи с устанавливаемым временем археологического проявления этого процесса интерес представляют письменные известия о событиях 1250-х гг. В конце 1254 г. два немецких феодала из датской

Эстонии — Дитрих фон Кивель (летописный «Дидман») и Отто фон Либенбург — отправили послание к римскому папе с известием, что язычники, живущие вблизи их земель, будто бы изъявили желание принять католичество. По мнению И. П. Шаскольского, поскольку земли «Дидмана» были в основном расположены в Северо-Восточной Эстонии (в области Виропия) и поскольку население Эстонии в то время считалось уже полностью христианизированным, под живущими рядом язычниками явно подразумевалось прежде всего население Водской и Ижорской земель. Это прямо подтверждается последующей перепиской папского престола с рижским архиепископом Альбертом: буллой папы Александра IV от 19 мая 1225 г. о принятии мер по обращению упомянутых язычников в христианство, ответным посланием архиепископа Альберта с конкретным указанием на проживание последних в Вотландии, Ингрии и Корелии и предписанием папы о назначении особого епископа для Вотландии, Ингрии и Корелии (Шаскольский, 1978: 208—209).

Предпринятая в 1256 г. попытка «Дидмана» совместно с войсками шведов укрепиться на восточном берегу р. Нарвы и построить здесь опорную крепость не была осуществлена из-за угрозы нападения новгородцев (НИИ, 1950: 81).

Зимой 1256 г. Александр Невский предпринял далекий поход в землю союзников шведов еми, двинувшись по замерзшему Финскому заливу через Копорье. Для данной темы важно отметить, что при новгородской рати находился глава русской церкви митрополит Кирилл, дошедший до Копорья и вернувшийся затем в Новгород. Здесь опять-таки уместно сослаться на комментарий И. П. Шаскольского: «Митрополит сопровождал великокняжеское войско, пока предполагалось, что военные действия ограничатся обороной от захватчиков коренных русских земель; в далекой и опасной военной операции, за пределами коренных русских земель, в заморской стороне, митрополит участвовать не мог» (Шаскольский, 1978: 216). Есть основания полагать, что первое исторически засвидетельствованное пребывание церковного иерарха и сопровождающего его духовенства в Водской земле (включая округу Копорья) отразилось в активизации миссионерской деятельности и создании церквей в центрах сельских погостов. В этом отношении рассмотренные выше изменения в погребальной обрядности середины—третьей четверти XIII в. населения региона вполне согласуются со сложившейся именно к этому периоду военно-политической ситуацией на порубежье новгородских владений и потребностями ее идеологического обеспечения.

Каменные кресты «повгородского» типа в исследованных нами погребальных сооружениях зафиксированы дважды. Курган-жальник-1 у дер. Плещевницы относится, по-видимому, к концу XIII в. (основания для датировки: 14-гранные хрустальные бусы второй половины XIII—XIV вв., бронзовый крученный браслет XII—второй половины XIII вв.). Система жальничных могил 4 у дер. Беседа с обломком креста над изголовьем женского захоронения датируется по его инвентарю (серьга в виде вопросительного знака) временем после 1313 г.

В этом отношении несомненный интерес представляют результаты последующих исследований могильника у дер. Плещевницы, произведенных В. А. Кольчатовым в конце 1970—начале 1980-х гг. В северной части средневекового кладбища было вскрыто восемь погребальных сооружений. Труположения в грунтовых ямах под небольшими насыпями высотой 0,2—0,4 м, с каменными обкладками по основанию, обоснованно причислены автором раскопок к захоронениям «курганно-жальничного» типа. Трижды в данной разновидности сооружений встречены каменные кресты с рельефным изображением, установленные в западной части могил, в изголовье погребений. По определению В. А. Кольчатова, эти комплексы относятся к XIII—XIV вв. (Кольчатов, 1981: 147).

Еще более выразительной представляется серия каменных крестов, выявленных при исследовании жальничных захоронений на окраине Плещевницкого могильника и датируемых автором раскопок XIV—XV вв. В 1978 г. они были отмечены в двух из семи раскопанных жальников (Кольчатов, Розов, 1979: 15—16). В следующих сезонах эта же зона вскрывалась сплошной площадью. На участке размерами 7×10 м было изучено около 20 каменных оградок различной формы — овальной, прямоугольной и почти квадратной, примыкающих к массиву более ранних курганов-жальников. В заполнении обкладок и между ними встречено более 10 каменных крестов, среди которых представлены и позднейшие их разновидности с выбитыми надписями (Кольчатов, 1980: 10—11).

Устанавливаемое время появления каменных крестов на средневековых кладбищах Водской земли (конец XIII—XIV вв.) в целом согласуется с общей датировкой повгородско-псковских надгробных крестов, относящихся преимущественно к XIV—XV вв. (Седов, 1982: 182). Следует оговорить, однако, что относительно ранние случаи их находок в датированных комплексах выявлены на памят-

никах, тяготеющих к северным притокам р. Луги—Вруде и Городенке, — и, возможно, документируют дополнительные миграции населения из районов, в наибольшей степени воспринявших христианские традиции.

При характеристике погребального обряда нами уже неоднократно отмечалось отсутствие жесткой корреляции между положением рук умерших и разновременными разновидностями погребальных сооружений XII—XIV/XV вв. Нелинейность изменения ритуала под воздействием новой религии отразилась, в частности, и в сохранении, наряду с доминирующей западной ориентировкой умерших, положений с восточной и меридиональной направленностью. Даже в отмеченной выше и насыщенной находками надгробных крестов серии жалыничных комплексов, исследованных В. А. Кольчатовым на периферии Плещевичского могильника, все детские, некоторые женские и одно мужское захоронения были обращены головами к югу. Следует вспомнить и раскопанное Н. К. Рерихом у дер. Глумицы мужское погребение XV в. с явно нехристианской обрядностью (сидячее положение), совершенное в основании курганной насыпи (опять-таки отголосок древнего обряда) и сопровождавшееся новгородской деньгой 1420—1422 гг.

В этом отношении особый интерес представляют посылные грамоты новгородских архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) об искоренении остатков язычества, направленные «в Воцкую пятину, в Чюдь, в Толдожский погост, и в Ыжеру, в Каргальский погост, и в Ижерекский погост, и в Дудоровский погост, и в Замошский погост, и в Егорьевский погост, и в Ополецкий погост, и в Кипенский погост, и в Спасский погост в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерекские, и в Вошки, да и во все Копорецкие, и Ямские и Ивангородские, и в Корельские, и Ореховские уезды» (Дополнения..., 1846: 27—30; Кеннен, 1851: 41—42). Хотя обличения «поганских» обычаев в большей степени относились к чуди, ижоре и кореле, по в грамотах отмечено их широкое распространение «во многих Руских местех». Указывалось, в частности, что многие христиане «заблудили» от православной веры, не посещают церкви, «а молятца ден по скверным своим молбницам древесом и каменню», призывая «на те свои скверныя молбница злоденных отступник арбуев (от финского агараа — «жрец», «предсказатель». — Е. Р.). Чюцких, и мертвых ден своих они кладут в лесах по курганом и по коломищом (от финского *kalmo*, *kalmisto* — «могила», «могильник». — Е. Р.)

с теми же арбуи, а к церквам деи на погосты тех своих умерших не возят сохранять» (Дополнения..., 1846: 57—60). Разумеется, трудно установить, в какой степени суммарная характеристика применима ко всему разноязычному населению огромной территории «от Норовы реки до Невы реки и от Невы реки до Сестрини реки, до рубежа свеиских Немец, и по всей Корельской земли... до Лопи до дикие» (там же: 33—34), но длительное переживание многих элементов нехристианского происхождения в пределах рассматриваемой территории не вызывает сомнений. Существенное значение при этом имели пограничное, а зачастую и чересполосное, проживание обитателей «Русских мест» Водской пятины с финно-угорскими группировками, развитая языческая мифология, культовая и обрядовая практика которых частично и в трансформированном виде вошла в сферу духовных представлений древнерусского населения региона.

Можно высказать предположение, что именно с деятельностью посланных из Новгорода в середине XVI в. миссионеров («с детьми боярскими») следует связывать прекращение функционирования многих поздних «коломищ» — кургано-жалыничных и грунтовых могильников, располагавшихся вне погостских церковных центров.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленькая Д. А., 1976. Кресты и иконы из курганов Подмосквья // СА. № 4.
- Дополнения..., 1846. Дополнения к актам историческим. Т. I. М.
- Кеттен П. И., 1851. Водь в С.-Петербургской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXX. Отделение II. СПб.
- Кольчатов В. А., 1981. Раскопки могильника у д. Плещевницы // АО. 1982. М.
- Кольчатов В. А., Розов А. А., 1979. Раскопки могильников у деревень Даймище и Плещевницы // АО. 1976. М.
- Лаврентьевская летопись, 1962 // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.
- Макаров П. А., 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргонолья) // КСИА: Вып. 205.
- Мусин А. Е., 1990. Предметы христианского культа из погребений Водской Шелонской пятины Новгородской земли (XI—XV вв.) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. (Тез. научн. конф.). Вып. 3. Новгород.

Мусин А. Е., 1997. Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

НИИ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Рябикин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Рябикин Е. А., 1989. От язычества к двоеверию (по археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. Л.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв.: Археология СССР. М.

Седов В. В., 1992. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. Вып. 208.

Шаскольский И. П., 1978. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л.

ЭСТЫ И СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ

Образование Древнерусского государства и развитие городской жизни и ремесленной деятельности создали условия для активизации восточно-славянского культурного и экономического воздействия на соседние земли. Одним из показателей такого воздействия Северо-Западной Руси на культуру эстов являются прежде всего находки в их памятниках древнерусских украшений.

На территории Эстонии в девяти пунктах найдены славянские височные кольца двух типов. Характерные для словен новгородских ромбоштитковые кольца [1] встречены преимущественно в северо-восточных районах ареала эстов (рис. 1). Одно из них обнаружено в захоронении по обряду ингумации каменного могильника в Тюрсамяэ [2], другое — в составе клада, найденного в Кохтла-Ярве [3], остальные происходят из курганных могильников, оставленных переселившимся с Ижорского плато славяно-водским населением [4]. В Йыуга — одном из наиболее раскопанных таких могильников — ромбоштитковые кольца встречены в нескольких погребениях. Носились они на обоих висках, так же как и в Новгородской земле. Эти погребения следует рассматривать как славянские или метисные славяно-водские. Ромбоштитковое височное кольцо найдено еще на острове Чудского озера в Пиириссааре, по-видимому, оно принадлежало переселенцам из Новгородской земли. Одна находка подобного украшения встречена в Средней Эстонии (Тагамыиза). Здесь вместе с ромбоштитковым имелось трехбусиное зерненное височное кольцо [5].

Браслетообразные височные кольца встречены в каменном могильнике Воозе юго-восточнее Таллина и при труположении грунтового могильника Лаксепера на западном побережье Чудского озера [6]. Эсты височных колец не носили. Поэтому присутствие этих украшений в могильниках эстов, по-видимому, объясняется брачными связями со славянами. Кроме того, браслетообразные височные кольца обнаружены в курганах упомянутого выше могильника Йыуга и в одном из курганов Палази близ Раквере [7].

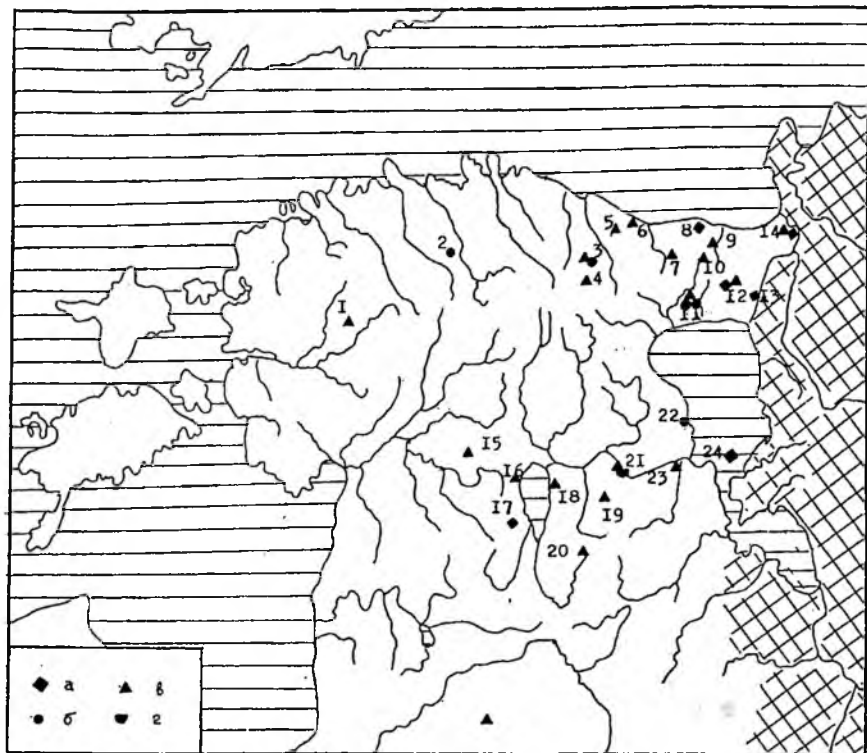

Рис. 1. Распространение височных колец и решетчатых привесок:

а — места находок ромбоидных височных колец; *б* — браслетообразных колец;
в — решетчатых привесок; *г* — дзунны;

1 — Варбола; 2 — Воозе; 3 — Палази; 4 — Кюттейму; 5 — Каберла; 6 — Калви; 7 — Майдла-Линна; 8 — Кохтла-Ярве; 9 — Йыхви; 10 — Эди; 11 — Йьуга; 12 — Куремяэ; 13 — Кунинга-кюла; 14 — Тюрсамяэ; 15 — Мадзи; 16 — Куудэ; 17 — Тагамыйла; 18 — Таммэ; 19 — Уинниха; 20 — Отсения; 21 — Тарту; 22 — Лахепера; 23 — Мякса; 24 — Пиррисааре.

Более широкое распространение в земле эстов получили решетчатые привески — также весьма характерное украшение новгородских словен XII—XIII вв. [8]. Из Новгородской земли они распространились в Белоозерье, Костромское Новолжье и Волго-Клязьминское междуречье, отражая участие новгородцев в колонизации этих территорий. Из Северо-Западной Руси решетчатые привески проникали в прибалтийские области. В Латвии они встречены в четырех местах, где их новгородское происхождение не вызывает сомнений [9]. В ареале эстов решетчатые привески обнаружены в 18 памятниках (рис. 1). Основная часть их концентрируется в северо-восточной

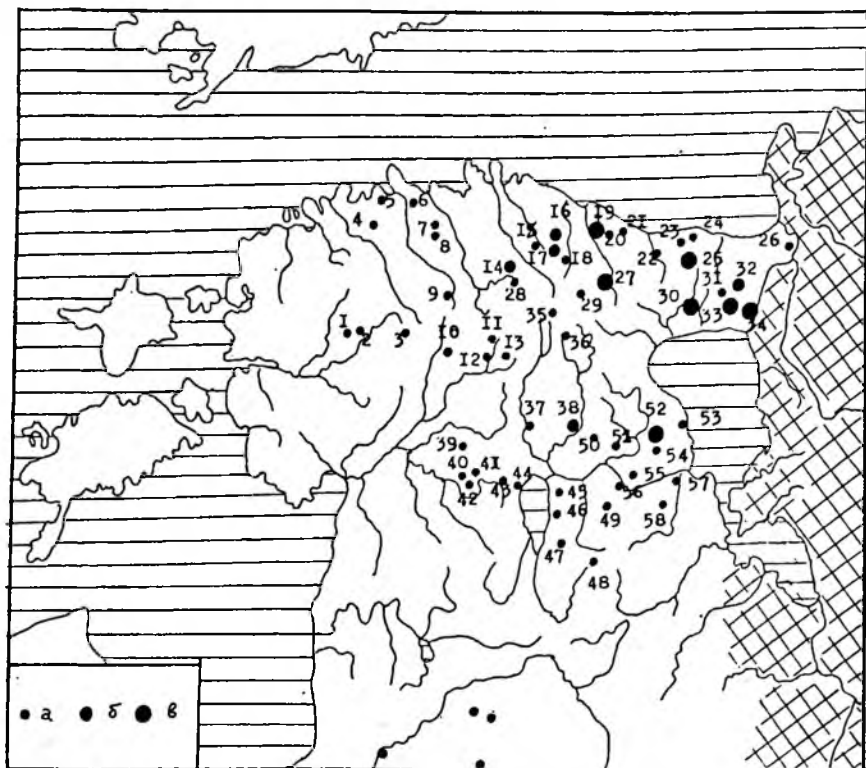

Рис. 2. Распространение витых браслетов с усеченными концами:

a — единичные находки; *b* — до 10 находок; *в* — свыше 10 находок:

- 1 — Варбола; 2 — Пылли; 3 — Хайзере; 4 — Туула; 5 — Ликва; 6 — Пьедяртма-Саха; 7 — Раазну; 8 — Маллавере; 9 — Арди-Ньуда; 10 — Тарбя-Каламэкс; 11 — Лееху; 12 — Нурмени; 13 — Вирика; 14 — Прууна; 15 — Лигануэ-Мейдла; 16 — Эссу; 17 — Тьрма; 18 — Аркна; 19 — Каберла; 20 — Пада; 21 — Виру-Нигула-Калви; 22 — Калмейстри; 23 — Кохтла-Ярве; 24 — Пеестри-под-Ярва-Яани; 25 — Майдла; 26 — Тюрсамя; 27 — Кути; 28 — Амбла-Кехра; 29 — Виру-Ягуни-Кехала; 30 — Йь та; 31 — Куингаюла; 32 — Паллика; 33 — Куремя; 34 — Кюотейму; 35 — Энту; 36 — Ташку; 37 — Пудивере; 38 — Тамзнику; 39 — Лыхавере; 40 — Варди; 41 — Мадн; 42 — Мустивере; 43 — Нлану; 44 — Куудэ; 45 — Веревн-Сандимарди; 46 — Таммэ; 47 — Удерна-И; 48 — Отеня; 49 — Роэла; 50 — Паюзи; 51 — Рейнаре; 52 — Кусма-Калтри; 53 — Лахепера; 54 — Вялзи; 55 — Кобрату; 56 — Тарту; 57 — Пада; 58 — Курьета.

части Эстонии, но немало таких находок сделано и в ее средних районах. Эти украшения происходят преимущественно из памятников эстов — семи каменных и трех грунтовых могильников, нескольких поселений. Кроме того, они встречены в трех курганных могильниках славяно-водского типа [10].

Несколько древнерусских изделий найдено в Тарту. Это — лупинца, шпферные пряслица, замки, ключи, костяная привеска с прорезанными буквами, фрагменты амфор, гончарная керамика [11].

Весьма характерными украшениями новгородских словен были также витые браслеты с усеченными концами. Они туго свиты обычно из трех проволок, и концы их ровно обрублены. В Новгородской земле к настоящему времени найдено не менее 400 таких браслетов, в том числе несколько десятков при раскопках в Новгороде. На Ижорском плато и в Восточном Причудье, где население было разнородным, они вместе с височными и иными украшениями могут быть использованы для выделения курганных погребений славян. Датируются эти браслеты XI—XIII вв. [12]. Их распространение в ареале эстов (рис. 2) является показателем значительного культурного импульса из Новгородской земли. Здесь они найдены в семи каменных и двух грунтовых могильниках эстов и на их поселениях [13]. Кроме того, аналогичные браслеты встречены в трех славяноводских курганных могильниках Северного Причудья [14]. В западных материковых районах Эстонии и на островах таких находок нет вовсе.

На территории Латвии витые браслеты с усеченными концами зафиксированы в 15 пунктах. Их новгородское начало несомненно [15].

В памятниках Эстонии XI—XII вв. найдено множество нагрудных крестиков. Большинство их достаточно определенно указывает на проникновение в среду эстского населения этих элементов христианской религии из Северо-Западной Руси.

К числу таковых прежде всего принадлежат крестики с выемчатой эмалью. Местом изготовления их, как полагают исследователи, по-видимому, была Киевица, где функционировали смальтовые и эмальерные мастерские. Оттуда крестики в XI—XII вв. широко распространялись по всей территории Древней Руси [16], а от восточных славян они поступали к соседним народам, в той или иной степени затронутым новой религией. На территории Эстонии (рис. 3) такие крестики встречены в погребениях трех каменных и трех грунтовых могильниках эстов, расположенных как в восточных, так и в средних районах их ареала [17]. Картография подобных находок с территории Латвии позволила Э. С. Мугуревичу утверждать, что поступали они сюда в XII в. из Северо-Западной

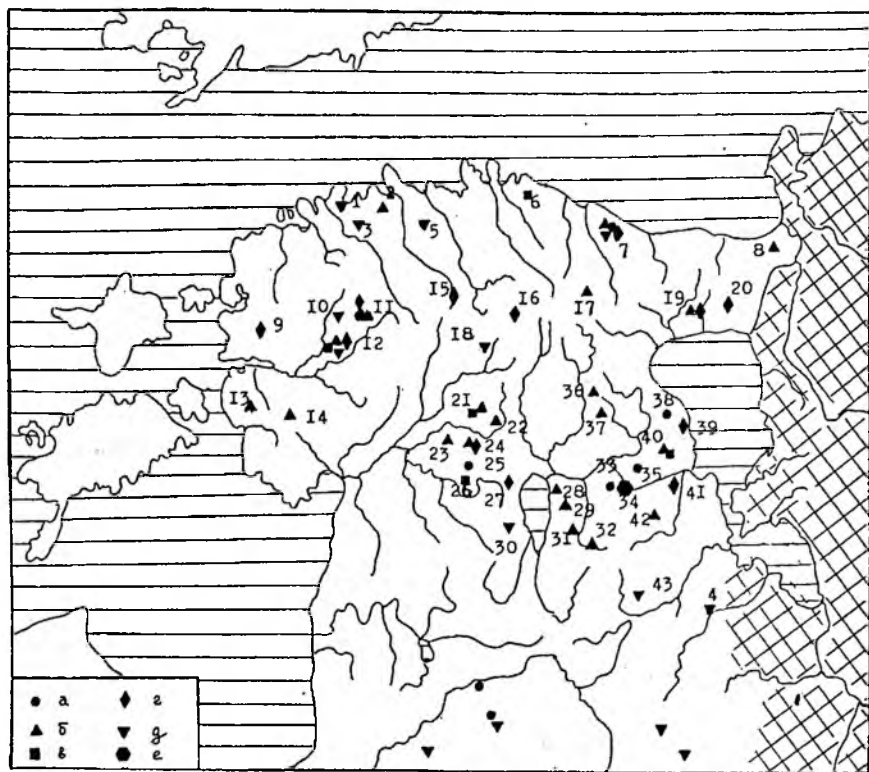

Рис. 3. Распространение древнерусских крестиков:

а — места находок крестиков с эмалью; *б* — крестиков с расширяющимися концами с тремя выступами; *в* — крестиков с полукруглыми окончаниями, выделенными роговидными выступами; *г* — крестиков с ромбовидными концами; *д* — крестиков с шарикообразными завершениями на концах; *е* — крестиков с «грубым» расцветом:

1 — Лихква; 2 — Кузна; 3 — Туула; 4 — Линдора; 5 — Маллавере; 6 — Виль; 7 — Каберла; 8 — Сытке; 9 — Тубриллини; 10 — Хаймре; 11 — Мока; 12 — Варбола; 13 — Паюмаа; 14 — Пайнвере (Паймре); 15 — Ару; 16 — Ярва-Яяни (Валаста); 17 — Ангузе; 18 — Тарбия; 19 — Йьугта; 20 — Куремля; 21 — Виллере; 22 — Пиллестере; 23 — Сууре-Яани-Тяякени; 24 — Лыхавере; 25 — Мадд; 26 — Мустивере; 27 — Куудз; 28 — Ранну; 29 — Эрру; 30 — Ванна-Суулупа; 31 — Удерна-И; 32 — Макита; 33 — Экси; 34 — Тарту; 35 — Кобрату; 36 — Паламузе-Мынсамаа; 37 — Паламузе-Йярвенеере; 38 — Кодавере; 39 — Саалестере; 40 — Кузма-Калтри; 41 — Пада; 42 — Куриста; 43 — Линнамяэ; 44 — Линдора.

Руси по водному пути Днепр—Западная Двина [18]. Два крестика с эмалью, несомненно древнерусского происхождения, найдены в Финляндии [19]. В земли эстов такие крестики проникали, скорее всего, через Псковскую землю, в славяно-водских памятниках Причудья таких находок нет.

Более многочисленны на территории Эстонии находки крестиков с расширяющимися профилированными концами, украшенными тремя небольшими выступами. Иногда они именуются крестиками «скандинавского типа», что явно ошибочно. Такие крестики были широко распространены в Древней Руси, и особенно в ее северных землях. Появились они на рубеже X и XI столетий и были в употреблении в течение XI—XII вв. [20]. Изготавливались они, несомненно, в восточно-славянском ареале. М. Степбергер считал регионом возникновения их Северо-Западную Русь, а предположительным местом изготовления Новгород [21]. Э. Кивикоски полагала, что производство крестиков такого типа было налажено в нескольких пунктах Северной Руси [22].

Из Северной Руси эти крестики в сравнительно небольшом числе поступили в Финляндию и Скандинавию [23]. Согласно исследованиям Э. С. Мугуревича, на территорию Латвии в XI—XII вв. они импортировались из Руси, скорее всего, по дороге Псков—Рига. Позднее их производство было налажено на месте. Латвийские находки XII—XV вв. местного изготовления в деталях несколько отличаются от древнерусских [24].

В земле эстов крестики рассматриваемого типа встречены как в каменных и грунтовых могильниках, так и на поселениях. Одна находка происходит из курганного могильника Йыуга в Северном Причудье [25]. Поступление этих крестиков из Северо-Западной Руси представляется бесспорным.

В пяти памятниках Эстонии найдены крестики с полукруглыми окончаниями, выделенными небольшими роговидными выступами [26]. Аналогичные находки известны в южнорусских землях и датируются XI—XII вв. Очевидно, отсюда единичные экземпляры были завезены в Польшу (Сутейск) и Румынию (Дингоеция). В Новгороде два таких крестика датируются последней четвертью XI—первой четвертью XII вв. [27]. Встречены такие привески и в курганах Северной Руси. Н. А. Макаров определяет их XI в. [28]. Несколько крестиков рассматриваемого типа обнаружено в Латвии [29]. Сюда, как и в Эстонию, они явно импортированы с территории Руси.

Крестики с несколько скругленными ромбовидными концами, также отражающие связи с Древней Русью, встречены в 13 памятниках Эстонии [30]. Аналогичные находки есть и в Латвии. Типологически и на основе спектральных анализов Э. С. Мугуревич считает латвийские крестики древнерусскими изделиями [31]. Названные

эстонские находки идентичны латвийским и древнерусским. Они отличны от ромбовидных крестообразных привесок, известных по археологическим материалам Швеции. Привески явно скандинавского происхождения в небольшом числе также встречены в Эстонии и Латвии [32].

Четырехконечные крестики с шарообразными завершениями на концах широко представлены во многих областях восточно-славянского ареала. В Новгороде они встречаются, начиная с 20—50-х годов XI в. [33]. Из Руси они импортировались в прибалтийские земли. Такие крестики известны в памятниках Латвии [34] и Эстонии [35]. В области эстов они встречены в трех каменных и двух грунтовых могильниках, в кургане в Липдора, в составе клада в Липква, на городище Варбола, один крестик является случайной находкой (Вана-Сулупа).

В Юрьеве (Тарту) в составе клада обнаружен крест с «грубым» изображением распятого Христа [36]. Такие христианские символы широко представлены в памятниках Древней Руси и происходят из Великой Моравии [37]. В Новгороде два таких крестика найдены в слоях последних десятилетий X в. [38]. Один находился между палисами мостовых Великой улицы (между 972 и 989 гг.). По всей вероятности, они были утеряны еще до массового крещения новгородцев.

Наличие в памятниках эстов религиозных символов явно свидетельствует о проникновении в их среду в XI—XII вв. христианства из Северо-Западной Руси. Новая религия, очевидно, пустила корни прежде всего среди населения раннегородских поселений, о чем говорят сосредоточения находок крестиков в округах Юрьева (Тарту), Варболы, Лыхавере и Ревеля (Таллинна). Вместе с тем нередкая встречаемость крестиков в каменных и грунтовых могильниках эстов указывает на проникновение элементов христианства и в среду сельского населения Эстонии.

Достаточно очевидно, что христианская религия распространялась в ареале эстов с востока, из Северо-Западной Руси. В западных районах Эстонии крестики древнерусского облика единичны, а на островах отсутствуют вовсе. Таким образом, восточное славянство оказывало заметное влияние не только на материальную культуру эстов, но и на их духовную жизнь.

В этой связи находят объяснение заметные изменения в погребальной обрядности эстов. Как известно, во второй половине I тыс.

н. э. в области их расселения умерших хоронили в каменных могильниках. В это время функционировали некоторые кладбища, возникшие еще в первой половине I тыс. и состоящие из нескольких более или менее прямоугольных оградок, которые образовывали выложенные по периметрам стенки из валунов или плитняка. Пространства между оградками заполнялись мелкими камнями с землей или щебнем. Пристроенные друг к другу оградки и составляли каменные могильники, иногда достигавшие 50—70 м в длину и 10—12 м в ширину.

Начиная с середины I тыс. н. э. получают распространение так называемые «поздние каменные могильники». Они не имели оградок, камни наваливались без какого-либо порядка. Погребальный обряд остается прежним. Остатки трупосожжений и немногочисленные вещи расселились между камнями, при этом отдельные захоронения выявить не удается.

В последнем десятилетии X в., в основном в XI в. на восточных окраинах ареала эстов появляется новая обрядность — труположения. Сначала они совершались в тех же каменных могильниках. Умерших (на спине, головой на север) хоронили непосредственно среди камней или в сложенных из плитнякового камня ящиках. Параллельно в тех же могильниках совершались и захоронения по обряду трупосожжения, число которых постепенно сокращалось. Этот процесс в разных частях земли эстов протекал неравномерно. В Восточной Эстонии уже в XII—XIII вв. значительный процент погребений составляли труположения, в западной части и на островах они весьма единичны. Достаточно очевидно, что новая обрядность распространялась с востока на запад, что не раз отмечали и эстонские археологи [39].

В самом начале II тыс. н. э., опять-таки на востоке Эстонии, появляются первые грунтовые могильники без каких-либо кладок из камней на поверхности. Весьма постепенно они распространяются в западном направлении. Умерших в них погребали сначала в неглубоких могильных ямах (до 0,4—1 м), а после XIII в. глубина их увеличивается до 1,5 м. Сопоставление карт некрополей разных типов (рис. 4) с распространением вещевых находок древнерусского происхождения дает все основания говорить о взаимозависимости этих явлений. В этой связи можно говорить о появлении обряда ингумации в среде эстов под влиянием восточно-славянского похоронного ритуала.

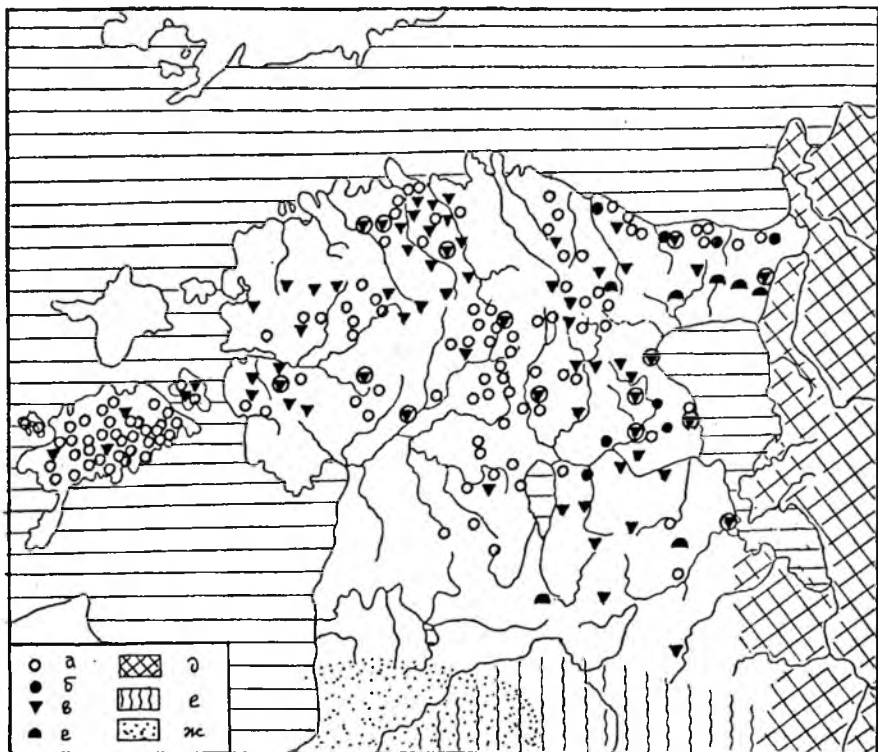

Рис. 4. Погребальные памятники Эстонии XI—XIII вв.:

а — каменные могильники с трупосожжениями; *б* — каменные могильники с трупоположениями и трупосожжениями; *в* — грунтовые могильники (кругами обведены могильники с наиболее ранними ингумациями); *г* — курганные могильники; *д* — восточно-славянский ареал; *е* — область датгалов; *ж* — регион ливов.

Обряд трупоположения у восточно-славянского населения начал распространяться, бесспорно, до официального принятия христианства. В Киевской земле эта обрядность известна с начала X в., не исключено, что наиболее ранние захоронения относятся и к IX в. [40]. Среди потомков антов трупоположения доминировали и в более раннее время. Курганный обряд в антской среде не получил распространения, умерших здесь погребали в грунтовых могильниках [41]. Около середины X в. трупоположения появляются и в славянских курганах лесной полосы Восточно-Европейской равнины. Некоторое время в ареалах кривичей и повгородских словен сосуществовали

кремация и ингумация, пока последняя окончательно не вытеснила прежнюю обрядность [42].

Распространение обряда трупоположения в восточно-славянской среде до официального принятия христианства Древнерусским государством обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, постепенным продвижением небольшими группами потомков антов в северных направлениях, во-вторых, миграцией в VIII—IX вв. в Восточную Европу многочисленных групп славянского населения из Дунайских земель, где в это время уже безраздельно господствовал обряд трупоположения. Ныне эта миграция надежно документировается археологическими материалами и отражена в летописном рассказе о расселении славян с Дуная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 174—178.
2. *Wiskowatow P.* Bericht über die Aufdeckung einer Schiff förmigen Steinsetzung bei Türsel in Estland // Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Bd. XIII. Dorpat. 1888. S. 1—4; Idem. Nachtrag zum Bericht über die Aufdeckung der Steinsetzung zu Türsel // Там же. S. 71—79.
3. *Tõnisson E.* Eesti aardeleid 9.—13. sajandist // Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik. II. Tallinn, 1962. Lk. 196, 223, 224.
4. *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Велико-Новгородца // СА. Т. XVIII. 1953. С. 190—229; *Ligi P.* Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.—16. sajand) // Muinasaja teadus. 2. Tallinn, 1993. Lk. 7—152.
5. *Tallgren A. M.* Zur Archäologie Eestis. II. Dorpat, 1925. Taf. V:13, 14.
6. *Lavi A.* Über die archäologischen Untersuchungen in Lahepera im Jahre 1978 // Известия АН Эстонской ССР. Обществ. науки. 29. 1980. S. 361—367. Abb. VIII:1.
7. *Ligi P., Tamla T.* Раскопки курганов в Палази // Известия АН Эстонской ССР. Обществ. науки. № 35. 1986. С. 365. Табл. XVI:2; *Ligi P.* Vadjapärased kalmed... Tahv. XXI:1.
8. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 108—110. Рис. 18: 3, 13.
9. *Мурзевит Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 93.
10. *Selirand J.* Eestlaste malmiskombed varafocdaalsete suhete lärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974. Lk. 152, 324—325. Tahv. XXXIV:2; *Ligi P.* Vadjapärased kalmed... Tahv. XVI:4; XXXI:1; LXXXI:3.
11. *Trummal V.* Arheoloogilised kaevamised Tartu linnusel. (Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 161). Tartu, 1964; *Трумал В. К.* Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. // СА. 1971. № 1. С. 265—271.

12. *Левашова В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М., 1967. С. 220; *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 96.

13. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 169—171, 348—349. Tahv. XL:11; *Тамла Ю., Тышиссон Э.* Археологические памятники в окрестностях городища Варбола // Известия АН Эстонской ССР. Обществ. науки. № 34. 1984. С. 369. Табл. XXI:4; *Lavi A.* Neue Angaben über den Burgberg Kurista // Там же. N 38. 1989. С. 331—334. Табл. VII:4; *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Joon 236:8.

14. *Ligi P.* Vadjapärased kalmed... Tahv. XLV:1,2,4; XLVI:3; LXXXIII:6.

15. *Музуревич Э. С.* Восточная Латвия... С. 92.

16. *Малы В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113—117.

17. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 322—323. Tahv. XXXIII:9.

18. *Музуревич Э. С.* Восточная Латвия... С. 63. Исследователь полагает, что на территории Латвии не все эмалевые крестики являются привозными из Руси и высказывает догадку о возможном изготовлении по образцу древнерусских части их где-то в низовьях Западной Двины (*Mugurevičs E.* Krustinveida piekarini Latvija laika no 11. līdz 15. gs. // Arheologija un etnografija. XI. Rīga, 1974. 220—221 lpp.). Однако характер крестиков с выемчатой эмалью из памятников Эстонии дает основание говорить об их древнерусском происхождении. Так считают и эстонские археологи (*Selirand J.* Von der Verbreitung der ersten Elemente des Christentum bei den Esten // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 716).

19. *Sedov V. V.* Old Russia and Southern Finland (Finds of Old Russian Origin in Finland) // ISKOS. 4. Helsinki, 1984. P. 16. Fig. 1.

20. *Феллер М. В.* Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210—214.

21. *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. 1. Lund, 1958. S. 178—180.

22. *Kivikoski E.* Christliche Einflüsse in dem archäologischen Material der Wikingerzeit und der Kreuzzugzeit Finnland // Acta Visbyensia. III. 1969. S. 36.

23. *Sedov V. V.* Old Russia... P. 16. Fig. 2.

24. *Музуревич Э. С.* Восточная Латвия... С. 65; *Мугуревич Э.* Krustinveida piekarini... 223.

25. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 322—323. Tahv. XXXIII:7,8; *Тышиссон Э., Селиранд Ю.* О раскопках городища Варбола // Известия АН Эстонской ССР. Обществ. науки. N 27. 1978. С. 358—360. Табл. XIV:7; *Тамла Ю., Тышиссон Э.* Исследование городища Варбола в 1978—1982 гг. // Там же. № 32. 1983. С. 310—314. Табл. XXI:5; *Валк Х.* Новые открытия на могильнике Макига // Там же. N 37. 1988. С. 368. Табл. XVII:1; *Там В., Лиги П.* Предварительные результаты исследования поселения Удерна-II // Там же. С. 380—383. Табл. XXVII:6; *Lavi A.* Neue Angaben über den Burgberg Kurista // Там же. N 38. 1989. С. 331—334. Taf. VII:2; *Ligi P.* Vadjapärased kalmed... Tahv. XXXIII:5.

26. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 322—323. Tahv. XXXIII:6.

27. *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 50. Рис. 16:7.
28. *Макаров П. А.* Население русского Севера в XI—XIII вв. М., 1990. С. 72. Табл. XVI:11; XVII:14.
29. *Mugurevičs E.* Krustinveida pickarini... 229 lpp. Att. 2:23.
30. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 322—323. Tahv. XXXIII:2, 3.
31. *Mugurevičs E.* Krustinveida pickarini... 227 lpp. Att. 2:18,19.
32. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Tahv. XXXIII:14; Idem. Von der Verbreitung... S. 716. Abb. 2:8.
33. *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 50. Рис. 16:3.
34. *Mugurevičs E.* Krustinveida pickarini... 223—226 lpp.
35. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 320—321. Tahv. XXXIII:1.
36. *Schmiedehelm M.* Ein Depotfund aus Tartu // Eurasia Septentrionalis Antiqua. IV. Helsinki, 1929. S. 263—271.
37. *Седов В. В.* Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63—67.
38. *Седова М. В.* Ювелирные изделия... С. 49. Рис. 13:2,4.
39. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed... Lk. 37—84.
40. *Русанова И. П.* Курганы полян X—XI вв. (САИ. Вып. Е1-24). М., 1966. С. 17—24; *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 97, 108—110.
41. *Седов В. В.* Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 179—180.
42. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 114—115; *Он же.* Восточные славяне... С. 162—163, 172.

УСТЬЕ РЕКИ ОХТЫ — ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ ЦЕНТР В НИЗОВЬЕ НЕВЫ

Нева издревле была важным водным путем, связывавшим разветвленные речные пути Восточной Европы с Балтикой, — тем самым окном в Европу, которое вновь было открыто 300 лет назад Петром Великим. Международная торговая трасса, проходившая через Неву, играла значительную роль в экономике Руси и Северной Европы, начиная с раннего средневековья.

Исследователи издавна обращали внимание на отсутствие на русском побережье Балтики, включая и устье Невы, каких-либо следов оседлости средневекового времени. Одним из первых, кто объяснил такое положение вещей, был Зориан-Доленго Ходаковский. Он считал, что на этих землях существовала постоянная опасность нападения варягов, и поэтому словене, чтобы избежать такой участи, жили в некотором отдалении от морских берегов (Ходаковский, 1838: 41).

Тем не менее находки древностей, связанных с этим временем, здесь присутствуют. Три клада монетного серебра восточного и западно-европейского чекана эпохи раннего средневековья (IX—XI вв.) были обнаружены у устья Невы — на побережье Финского залива. Один из них был найден на Васильевском острове — в районе Галерной гавани, два других — в Петродворце и Мартышкино (Сорокин, 1996: 24; 1997: 48).

Само по себе нахождение этих кладов на трассе международного Волжско-Балтийского водного торгового пути не несет в себе ничего необычного. Однако, рассматривая их в контексте с другими подобными находками того времени, нетрудно заметить, что ближайшие скопления кладов находятся на значительном удалении от устья Невы. На востоке это — Нижнее и Верхнее Поволхье (Ладога и Новгород и их окрестности). В западном направлении монетные

клады этой эпохи известны в Северной Эстонии и Юго-Западной Финляндии. Далее множество нумизматических находок зафиксировано в Центральной Швеции и на Готланде. Монетные находки здесь не редкость, и маркируют они не только маршрут международных торговых путей, но и местоположение определенных мест, через которые шло такое продвижение.

Загадка заключается в том, почему именно в районе устья Невы оказались эти клады, ведь для этого времени здесь неизвестно каких-либо поселений.

Славянское население к этому времени еще не добралось до этих мест — граница его компактного расселения проходила в нескольких десятках километров от побережья — по северному краю Ижорского плато. Финское племя «ижора» также держалось на заметном удалении от морского побережья, как, впрочем, и от берегов Невы, что подтверждается размещением древностей, связываемых с ним.

Наиболее вероятным объяснением этого факта может быть наличие в этом районе торговых мест, где периодически устраивались торги стекавшегося сюда из окрестных земель местного населения и заморских купцов. Такие пункты известны во многих других местах побережья Восточной Прибалтики, в устьях рек или удобных бухтах: Бьерке — на Березовых островах у побережья Карелии, в районе Выборга, где также был найден клад арабских монет (Сакса, Тюленев, 1990: 76), близ устьев Немана, Даугавы, Велты, Пернау, а также вблизи современного Таллина (Моора, Лиги, 1969: 26).

Немаловажную роль в том, что для этого был выбран район Невского устья, играл тот факт, что здесь происходила смена условий плавания с морского на речное, и наоборот, что требовало некоторой специальной подготовки. Имелись здесь и удобные для стоянки острова Невской дельты, а также остров Котлины, где можно было укрыться от непогоды, дожидаться попутного ветра, произвести ремонт судов, не опасаясь внезапного нападения с суши.

В торговые договоры XII—XIV вв., заключавшихся Новгородом с Готландом и ганзейскими городами, обычно включался пункт, по которому новгородцы несли ответственность за «чистый» (свободный) путь иноземных купцов от острова Котлины и Березовых островов в Финском заливе, являвшихся, видимо, крайними точками повгородских владений.

Судя по всему, где-то на Котлине или на одном из островов устья Невы и располагался в 1240 г. дозор Пеллгусня, держа под контролем

«оба пути» и обеспечивая безопасность прохода купеческих караванов. В задачу его входило оповещение ладожан и новгородцев о приближении и движении крупных сил противника, а также отпор небольшим отрядам неприятеля и разбойникам.

Однако в отдельных случаях для обеспечения охраны иноземных купцов новгородские власти вынуждены были прибегать к другим, более надежным, мерам — к обеспечению воинского сопровождения их караванов. «Оже будет печист путь в речках, князь велит своим мужем проводить сии гость» (ГВНП, 1949: 57—62).

Сведения о значении устья Невы в торговых сообщениях позднего средневековья и о проведении здесь торгов также имеются в документах. Древнейшее упоминание об этом встречается в скре — уставе, регламентировавшем жизнедеятельность ганзейских купцов в Новгороде. Согласно этому документу, немецким и готским купцам предписывались выборы ольдермана (старосты. — П. С.) двора в устье Невы (Бережков, 1879: 64). Вероятно, здесь же, под прикрытием «морской стражи», существовало место традиционной стоянки судов. Согласно Новгородско-Ганзейскому договору 1268 года, приезжавшие в Новгород купцы имели право вести по пути прибрежную торговлю с инграми и корелами, а также рубить «дерево и мачтовый лес» по берегам Невы. В Ревельском документе 1406 г. торговля в Неве представляется уже как старинный обычай (Goelz, 1922: 215). В Новгородско-Ганзейском договоре 1436 г. также говорится о возможности торгов в устье Невы. Причем зачастую такие торги осуществлялись здесь даже в обход существующих запретов, в периоды «размирий» между Новгородом и его западными партнерами.

Перегрузка товаров с немецких морских судов на русские речные ладьи происходила также временами уже в Неве. В зависимости от места устанавливалась плата за перевозку: «проезд вниз по Неве и обратно вверх» оплачивался 5 марками куп или одним окороком, а от Новгорода до Ладоги — тремя марками куп или половиной окорока. В обслуживании водной магистрали участвовали лодочники из Орешка, Ладоги и Новгорода.

Со своей стороны и новгородские купцы начинают в это время совершать поездки по Финскому заливу в прибалтийские города, в первую очередь в Нарву и Ревель. В этих условиях значение устья Невы как транзитного пункта возрастает.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, какие из мест в нижнем течении Невы были освоенными в позднесредневековый

период. Судя по Писцовой книге Вотской пятины 1500 года, наиболее крупными центрами поселенческой структуры здесь стали: восточная часть Петроградского острова («село на Фомине острову»), стрелка Васильевского острова (два селения рыбных ловцов) и устье реки Охты (сельцо) (ВМОИДР, 1851). Наибольшую известность получает в допетровское время последнее из этих мест.

Земли в устье реки Охты — возвышенные и недосыгаемые для наводнений, с хорошей гаванью для стоянки судов, защищенные водными рубежами, — издревле являлись одним из наиболее благоприятных для обитания районов на территории в низовьях Невы. Место это занимало удобное географическое положение — на пересечении важнейших путей того времени — водного, проходившего по Неве, и сухопутного, связывавшего Новгород и Ижорскую землю с Карелией и Финляндией.

Все это и предопределило возникновение здесь центра поселенческой структуры нижнего течения Невы в допетровское время. Не случайно именно здесь в 1300 г. была сооружена шведская крепость Ландскрона, которая в следующем, 1301 г., была разрушена новгородцами. Примечательно, что новгородцы не воспользовались плодами своей победы и не закрыли устье Невы уже в то время. Ведь только спустя четверть столетия была воздвигнута крепость Орешек в истоках Невы. Вероятно, причина этого — неуверенность в возможности удержать эти рубежи, удаленные от основных районов русского расселения, и, следовательно, опасения того, что шведы вновь овладеют этими укреплениями и перекроют путь в Балтику.

Тем не менее, еще до возникновения Ландскроны или вскоре после ее уничтожения, территорию в устье реки Охты осваивает местное население. По археологическим данным, русское или ижорское поселение существует на мысу при впадении Охты в Неву уже в XIV столетии. Именно в это время, особенно после Ореховецкого мира (1323 г.) и основания Орешка (1324 г.), начинается поступательное заселение побережья Невы (Сорокин, 1996).

Согласно Писцовой книге Вотской пятины 1500 года, в устье Охты располагаются три деревни и сельцо, населенное не только крестьянами, но и торговыми людьми. В XVI веке на его основе формируется русский торговый центр, получающий в документах название Невское устье или Невский городок, в котором велись торги русских и западно-европейских купцов, имелись церковь и государев гостинный двор.

Упоминания о торговых операциях на Неве в средневековые находят свое продолжение и в документах XVI столетия, когда у устья этой реки начинает формироваться торговое поселение.

В Копенгагенском архиве хранится донесение Выборгского губернатора Ролова Матсона тогдашнему шведско-датскому королю Христиану II, датированное 21 августа 1521 года. В нем имеются сведения о нападении морских разбойников на русский торговый город Ниен, судя по всему располагавшийся в устье Охты. В донесении сообщалось следующее: «...вблизи России явился корабль с несколькими яхтами к одному городу, называемому Ниеном, который они (морские разбойники) ограбили и сожгли; и взяли у русских все, что им попало под руку. И прибыло несколько человек, подданных Вашего Величества, живущих в Выборгской губернии, в море на островах, и жаловались мне, что они взяли и разграбили у них суда и имущество, которое эти бедные люди имели при себе, когда плыли в Ниен и из Ниена за припасами; и выбросили несколько человек за борт, а потом пустили по ветру суда этих бедняков. Узнав об этом, снарядил я свои яхты, и посадил на них людей Вашего Величества. Они вступили в бой с двумя лодками, отнятыми у русских и у других купцов. На судах было найдено много добра, имущество, захваченное ими у подданных Вашего Величества, рожь, соль и прочее, купленное ими для своего продовольствия. На судах было 14 человек, которые и производили этот разбой. Они теперь содержатся здесь у меня с судами и с имуществом. Кроме того, здесь находится посол Великого князя (Василия Ивановича) и требует, чтобы я возвратил русским их собственность, найденную на судах и похищенную у них неприятелем. Люди же Вашей милости шли на смерть, чтобы отбить у неприятелей упомянутое имущество...». Уже А. И. Гиппинг, полагавший, что достоверность приводимого документа не подлежит сомнению, сожалел, что он не находит подтверждения в современных русских источниках (Купик, 1862: IV—V). Тем не менее это сообщение может быть признано как первое упоминание города на Неве, согласующееся с другими свидетельствами XVI столетия по этому поводу.

Упоминание этого места или города на Неве имеется в шведских документах на протяжении всего XVI в. В 1555 г. в устье Охты стоял несколько дней в ожидании попутного ветра шведский отряд Якова Багге, отступавший после неудачного нападения на Орешек. При этом он отбивался от преследовавших его русских войск, что

предполагает наличие здесь укрепленного пункта. В 1574 г. шведский король Иоанн III отдал приказание Герману Флемпигу, совершавшему новый поход в Неву, уничтожить здесь два купеческих города, одним из которых наверняка был Орешек, второй же, вероятно, — поселение в устье Охты. В ходе очередной русско-шведской войны в 1583 г. тот же король отдает распоряжение соорудить на месте каких-то старых, полуразвалившихся укреплений на Неве новые деревоземляные (Bonsdorff, 1891: 4). В 1599—1603 гг. Невский городок назван в Выборгских таможенных книгах (Кирпичников, 1980: 86).

Более подробные сведения об этом поселении имеются в Обыскных книгах 1599—1600 гг. Здесь, на левом берегу Охты, упоминаются «государев гостиный двор» и корабельная пристань. Здесь же говорится о церкви, поставленной в этом месте незадолго до проведения обыска помещиком Богданом Хорошевым, имевшим здесь свои земли. Интересно предложенное А. А. Селиным отождествление церкви, построенной Хорошевым, с храмом Михаила Архангела, существовавшим на «выставке Венчице». Оно очень хорошо согласуется с русским названием Ландскроны — «Венец земли», располагавшейся в этом месте (Селин, 1998: 270). При этом форма «Венчице», свидетельствующая о значительных размерах объекта, напоминает и традиционные обозначения в русском языке урочищ, запустевших мест обитания. Посвящение существовавшего здесь храма воителю Михаилу Архангелу также вполне объяснимо его приуроченностью к месту битвы.

Археологические разведочные исследования, проведенные в этом районе в 1992—1993 гг., позволили выявить культурный слой XIV—XVII вв. на мысу между Охтой и Невой, в 100—200 м от места слияния этих рек. Здесь в различное время были обнаружены фрагменты керамических сосудов, типы которых сопоставимы с наиболее ранними из бытовавших в начале XIV в. в Орешке, найден железный топор с массивным обухом, прямая аналогия которому, датируемая XV в., имеется в псковских материалах (Сорокин, 1996: 29).

В этом же районе, на левом берегу реки Охты, был обнаружен грунтовый могильник с труположениями. Два обследованных погребения были переотложенными и безинвентарными. Антропологический анализ найденных останков показывает, что они принадлежали мужчине в возрасте от 50 до 55 лет и женщине 35—50 лет

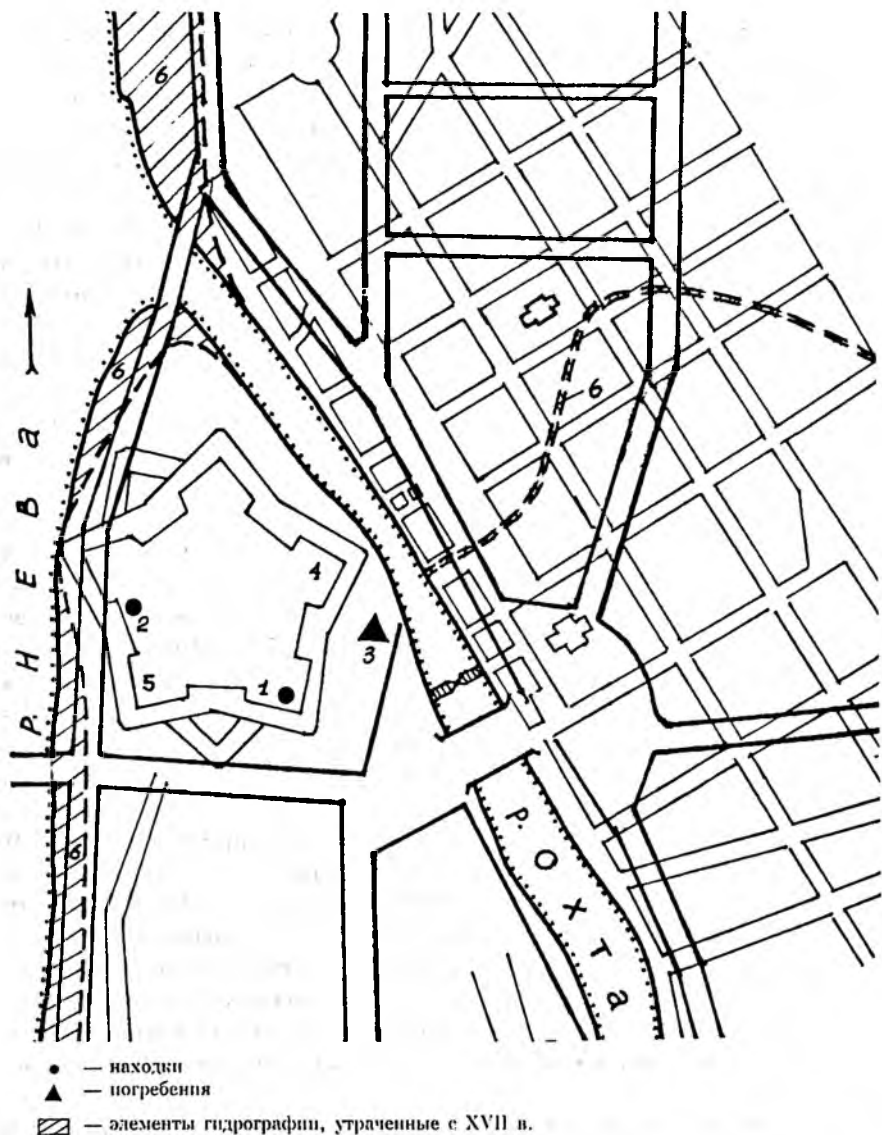

Рис. 1. Совмещение плана города Ниена 1698 г. (И. Меiera) с современной топоосновой. Находки и погребения позднесредневекового времени:
 1 — фрагменты керамических сосудов; 2 — топор; 3 — погребения, выявленные в 1993 г.;
 4 — Мертвый бастион; 5 — Гельмфельтов бастион

(анализ произведен В. А. Козьминым). Радиоуглеродная датировка костных материалов позволяет отнести их ко второй половине XVI в. Впоследствии было выяснено, что человеческие останки находились здесь и ранее — в процессе строительных работ, при подводке коммуникаций к новым корпусам Петрозавода (Сорокин, 1994: 107—110). Имеются и другие подтверждения существования здесь старого некрополя. Возможно, что с этим связана и легенда о посадке Петром Великим дуба на месте братского захоронения воинов, погибших при штурме Ниеншанца. Как известно, названный дуб рос примерно в 100 м к северо-востоку от выявленных погребений.

Еще одним косвенным подтверждением существования здесь раннего могильника может быть название бастиона, выходявшего к Охте несколько севернее обнаруженных захоронений, который в переводе со шведского именовался «Мертвый бастион». Во всем этом, вероятно, следует видеть отражение информации о старом некрополе, потревоженном уже при строительстве укреплений. Эти данные и многолетние наблюдения за земляными работами на этой территории показывают, что кладбище занимало прибрежную полосу по левому берегу Охты протяженностью около 50—80 м и шириной около 30—50 м.

Топография размещения других находок позднесредневекового времени — керамические материалы, топор — позволяет предполагать, что позднесредневековое поселение, синхронное могильнику, находилось поблизости — к востоку от него — в центральной части мыса, образуемого Невой и Охтой, как раз на том месте, где впоследствии была сооружена шведская крепость. Здесь же — вблизи некрополя — существовал, по всей видимости, и храм. Наиболее вероятным местом расположения корабельной пристани была часть побережья реки Охты, находящаяся ближе к ее устью. Соответственно к ней территориально мог примыкать и гостиниый двор (рис. 1).

Интересно в этой связи рассмотрение шведских картографических материалов середины XVII столетия. На них прослеживается определенная топографическая преемственность с предшествующим периодом. На карте Ниена, изготовленной около 1643 г., внутри первоначальной крепости мы видим двор со строениями по периметру и дорогу, ведущую от него мимо постройки, увенчанной крестом, к мосту через Охту. При этом мост располагался ниже устья реки

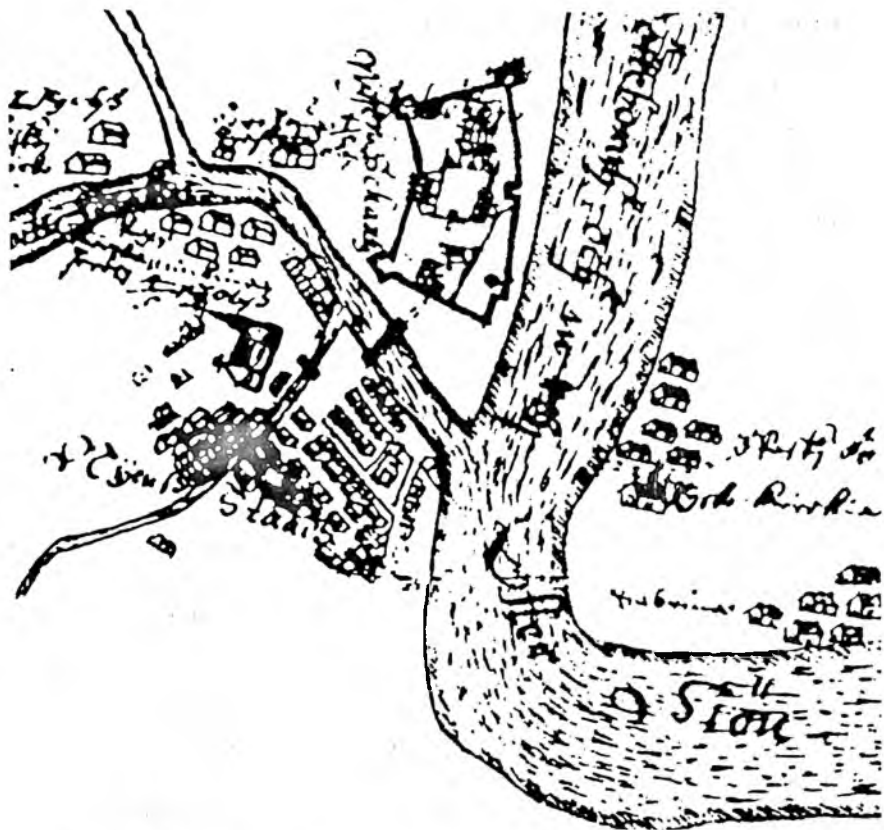

Рис. 2. Фрагмент карты устья Невы, изготовленной около 1643 г., с изображением города Ниена.

Чернавки, вероятно, уже за пределами территории, занимаемой некрополем (рис. 2).

На карте, датируемой около 1650 г., ситуация пансена схематично. Здесь, на левом берегу Охты, если смотреть от ее устья вверх по течению, изображены: трехчастное двухэтажное сооружение с башенками и воротами (напротив моста), далее отделенная от него дорогой или границей постройка, увенчанная крестом (напротив устья Чернавки), и выше по течению еще одно двухчастное одноэтажное строение. На заднем плане, в центральной части мыса, прямо за постройкой с крестом, мы можем наблюдать распланиро-

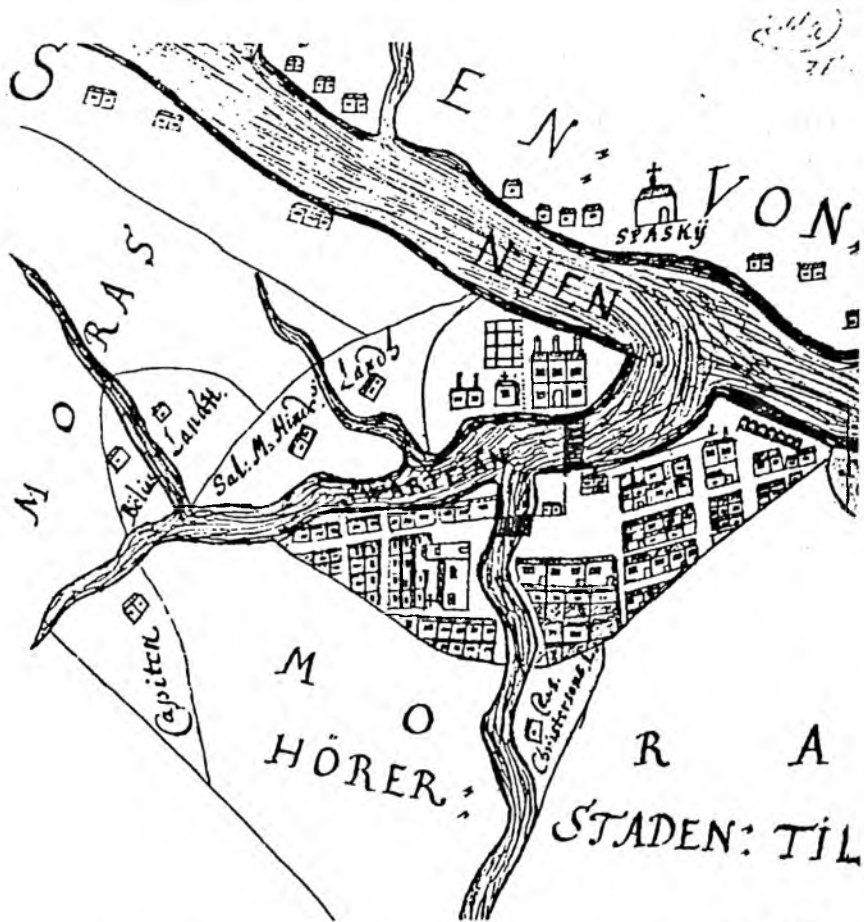

Рис. 3. Фрагмент карты города Ниена, изготовленной около 1650 г.

важные земельные участки (рис. 3). Очевидно, что изображенная здесь ситуация имеет планиграфические параллели с топографией Охтенского мыса предшествующего периода.

Постройка, увенчанная крестом (церковь, часовня?), в обоих случаях обозначена на месте выявленного позднесредневекового некрополя, а следовательно, не исключено, что она восходит к дошведскому времени. Территория, занятая поселением, также совпадает с тем районом, где были сделаны находки, атрибутированные как позднесредневековые. Двор с постройками на одном плане и

двухэтажный дом — на другом, связанные с побережьем Охты у ее устья, обозначают, возможно, одно и то же сооружение, в основе также восходящее к предшествующему периоду и построенное на месте гостинного двора.

В сообщениях об основании Ниеншанца в 1611 г. говорится, что он был построен на месте более раннего укрепления, сооруженного шведами в ходе военных действий. Этот шанец служил для хранения военных припасов (Гиппинг, 1909, т. 2: 258). Однако целый ряд фактов говорит о том, что и укрепления на мысу при впадении Охты в Неву существуют также еще со времен российской юрисдикции над этой территорией. В первую очередь об этом свидетельствует наименование Невский городок, известное с рубежа XVI—XVII вв. К вышеприведенным упоминаниям русского города на Неве в шведских документах XVI в. добавляется еще и сообщение 1610 г., когда с началом русско-шведской войны шведы захватили в Неве два русских судна и несколько бочек соли в «городе». В том же 1610 г. взбунтовавшиеся наемники Делагарди, командовавшие шведскими войсками, предприняли попытку овладеть городом Ниен, однако защищавший его гарнизон отбил это нападение. Городом или городком, как известно, назывались обычно укрепленные поселения.

Планиграфия первоначальных укреплений на мысу (карта 1643 г.) в виде вытянутого многоугольника с тремя бастионами также напоминает скорее традиционные русские, чем шведские, приемы фортификации. С другой стороны, такой факт, как сооружение новой крепости, не мог бы остаться неотраженным в русских документах того времени.

В таком случае можно предполагать, что укрепления Ландскроны не были с nivelированы полностью и время от времени использовались на протяжении всего позднесредневекового времени, возобновляясь от случая к случаю.

К 1593 г. относятся первые сведения о Спасском селе с церковью, располагавшемся в районе Смольного и связанном с поселением в устье Охты паромной переправой, которые приведены в Разрядной книге 1475—1605 гг. (рис. 2, 3). Во время русско-шведской войны, когда русские войска стояли в Ямском уезде, «...послали воеводы ко Спасу на Неву на Устье князя Петра Ахамошукевича Черкасского да князя Михаила Быка Путятина, а с ними посланы казаки да татаровья...».

На левобережье Невы — напротив устья — также был обнаружен культурный слой позднесредневекового времени, позволяющий уточнить местоположение Спасского села. Судя по обнаруженной позднесредневековой керамике XV—XVI вв., село располагалось напротив центрального каре Смольного монастыря. Вероятно, появление его относится к более раннему времени, так как храмы сооружались обычно в крупных населенных пунктах и они не возникали спонтанно, в одночасье. Для освоения территории требовалось продолжительное время. Вероятно, до строительства здесь храма этот населенный пункт имел другое название, поэтому Спасское и не упоминается в Писцовых книгах XVI столетия (Сорокин, 1995: 288—290).

По предположению А. А. Селина, первоначально это была «выставка» Ненела в волости Калганицах Городецкого погоста, с которой связывается церковь Преображения на Неве, упоминаемая уже в 1577—1589 гг. (Селин, 1998: 270).

Таким образом, в XVI столетии в районе устья реки Охты и современного Смольного монастыря, на некотором удалении от устья Невы, что защищало от внезапных нападений с моря, в зоне, недоступной для затоплений в периоды наводнений, начинает развиваться поселение с чертами городского центра. Однако войны России со Швецией и опричное разорение второй половины XVI в. не позволили ему окончательно сформироваться. Этот процесс получает свое завершение только в следующем столетии, уже под властью шведской короны.

Археологическое изучение территории в устье реки Охты было начато в 1992 году Северо-Западным филиалом российского НИИ культурного и природного наследия. Первоначально была проведена археологическая шурфовка на этой территории. Позднее, в процессе наблюдений за земляными работами, изучение археологических культурных отложений здесь продолжалось. Совмещение плана Мее-ра 1698 г. с современной топоосновой позволило определить границы шведского города и местоположение отдельных его объектов на современной территории. Согласно этому плану, его центральная часть попадает в пределы квартала между Большоохтинским, Среднеохтинским проспектами, улицей Конторской и Красногвардейской площадью. На этой территории размещались: два храма, школа и городская ратуша. Цитадель крепости Нненшанц размещалась на месте современного Петрозавода, не выходя за пределы Красногвардейской площади.

Проведенные здесь разведочные археологические раскопки позволили говорить о неплохой сохранности археологического культурного слоя, насколько это возможно в условиях большого города, с его разветвленной сетью подземных коммуникаций. Мощности культурных напластований составляет около 2 м. Хорошая увлажненность нижней их части способствует сохранности изделий из органических материалов: дерева, коры, кожи.

Учитывая тот факт, что в настоящее время на Охте отсутствуют не только следы исторических памятников предшествующих эпох, но и какое-либо напоминание о них, СЗФ РНИИ Наследия была разработана программа изучения, сохранения и использования памятников археологического наследия в устье реки Охты. В 1998 году Санкт-Петербургской археологической экспедицией была подготовлена первичная учетная документация по территории в границах названных улиц. В результате на государственную охрану были поставлены два памятника археологии — «Центр города Ниена» и «Крепость Ниеншанц».

Следующим этапом программы является сооружение двух памятных знаков для обозначения названных памятников археологии в городской среде. Памятный знак в честь крепости Ниеншанц предполагается установить на месте одного из ее бастионов — Гельмфельтова — на берегу Невы, у Большеохтинского моста. По существующему проекту он будет иметь форму бастиона, на котором будут уложены чугунные шведские орудия XVII в. из крепости Ниеншанц. На специальном камне будет выбита информация по истории поселений в устье реки Охты.

Памятный знак в память города Ниена предполагается воздвигнуть в центре Красногвардейской площади. Гранитная стела высотой 6,5 м будет увенчана резным изображением фронтона шведского дома в стиле северного барокко. В центральной части на ней будут выгравированы герб города Ниена и информация о времени его существования здесь. Площадка под памятник будет сделана в форме плана шведского храма, располагавшегося вблизи от этого места в XVII столетии.

В городскую топонимическую комиссию были направлены предложения о переименовании Красногвардейской площади в площадь Ниеншанц, части Малоохтинского проспекта (перед Петрозаводом) в набережную Ландскроны и части Свердловской набережной, примыкающей к устью Охты, в набережную города Ниена.

Все эти мероприятия, как и создание на Охте музейной экспозиции, посвященной историческим памятникам допетровской эпохи, призваны включить их в городскую историко-культурную среду и повысить туристическую привлекательность этого района Санкт-Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА

- Бережков М.*, 1879. О торговле Руси с Ганзой. СПб.
ГВНП, 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.
Гиппинг А. И., 1909. Нева и Ниеншанц, т. 1, 2. СПб.
Куник А. А., 1862. Писцовые книги Ижорской земли. СПб.
Ланно-Данилевский А. С., 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.
Моора Х., Лиги Х., 1969. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин.
Сакса А. П., Тюленев В. А., 1990. Корсела. Финны в Европе. Вып. 2. М. С. 68—82.
ВМОИДР, 1851. Временник общества и древностей российских. Кн. 11. Перенесенная окладная книга по Новгороду Вотьской пятны 7008 г. М.
Кирпичников А. П., 1980. Древний Орешек. Л.
Селин А. А., 1998. К исторической топографии Невского устья: Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 269—272.
Сорокин П. Е., 1994. Археологические исследования в устье реки Охты: Петербургские чтения. СПб. С. 107—111.
Сорокин П. Е., 1995. Археологические исследования 1994 г. в районе Смольного монастыря: Петербургские чтения. СПб. С. 288—290.
Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Археология Петербурга. Вып. 1. СПб. С. 20—47.
Сорокин П. Е., 1997. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси: Древности Поволховья. СПб. С. 42—57.
Ходаковский З., 1838. Историческая система Ходаковского. РИС, кн. 3. М. С. 3—109.
Bonsdorff C., 1891. Nyen och Nyenskans. Helsingfors.
Goetz K., 1922. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. L.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ШКУРИНА ГОРКА (Волховский район Ленинградской области)

Поселение Шкурина Горка было открыто в 1997 г. разведкой С. Л. Кузьмина.*

Поселение расположено в пределах совр. дер. Шкурина Горка, на южной окраине г. Волхова. Памятник находится на 5—6-метровой террасе левого берега р. Волхов, в месте, где террасу пререзает глубокая балка — остаток русла впадавшего в р. Волхов притока на правом, юго-западном берегу балки, близ устья древнего водотока. По дну балки в настоящее время течет небольшой ручей. С севера, юга и востока прилегающие к этому участку площади заняты усадьбами деревни. На смежном участке известны остатки средневекового селшца. В 1998 г. на площадке террасы, включая участок ее края, понижающегося в северном и северо-западном направлениях, был заложен раскоп 36 кв. м, ориентированный по странам света. Шурф 1997 г. был включен в общую квадратную сетку.

Раскоп выявил сложную стратиграфию. Задернованный суглинистый слой с признаками многолетней распашки достигал мощности 30—50 см. Ниже пахотного слоя на большей части раскопа (за исключением отдельных участков в южной части вскрытой площади) залегал слой коричневатого-серого опесчаненного суглинка. В северо-западной и северной частях раскопа площади в направлении вниз по склону берега балки мощность слоя закономерно возрастала, достигая 70 см, в южном направлении, вверх по склону, мощность его уменьшалась: здесь большая часть слоя разрушена пахотой, а на отдельных участках слой суглинка был распашан полностью. В юго-восточной части раскопа ниже коричневатого-серого суглинка прослеживалась тонкая прослойка глины светло-желтого

* Благодарю С. Л. Кузьмина за возможность проведения исследований 1998 г. и привлечения материалов, полученных в 1997 г.

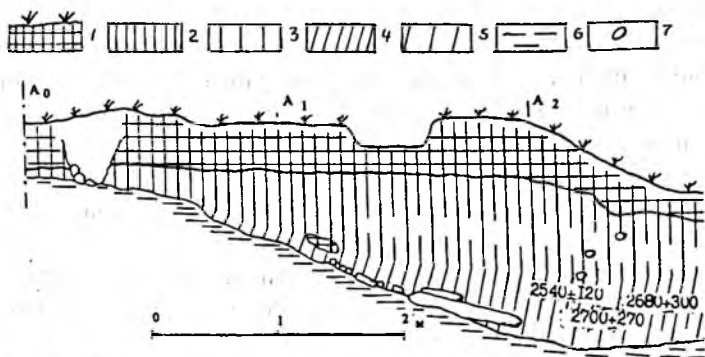

Рис. 1. Шкурина Горка. Стратиграфия западной стенки раскопа и положение датированных по С-14 образцов.

Условные обозначения: 1 — задернованный пахотный слой с отдельными находками средневековой керамики; 2 — коричневато-серый суглинок; 3 — серый суглинок; 4 — суглинок темного, до черного, цвета с включениями углистых и золотистых частиц (культурный слой эпохи раннего металла); 5 — суглинок темно-серый, с зеленоватым оттенком; 6 — верх толщи известняка; 7 — камни.

цвета мощностью 1—3 см, на отдельных участках до 5 см. Ниже залегал материковый известняк, подстилающий суглинистые отложения в долине р. Волхов. В северо-западной части раскопа в пределах толщи коричневато-серого суглинка на ограниченной площади прослеживался прослой или линза суглинка несколько более светлой, сероватой окраски, мощностью до 10—15 см. Границы изменения цветности суглинка были пестрыми. Стратиграфически ниже коричневато-серого суглинка здесь залегал слой суглинка темного, до черного, цвета, с многочисленными включениями углистых и золотистых частиц, насыщенный находками, относящимися к эпохе раннего металла и представляющий собой собственно культурный слой поселения этого времени. Мощность слоя составляла до 40—45 см в западной стенке раскопа, в южном и восточном направлениях он утоньшался и выклинивался. В С-З части вскрытой площади, где мощность и глубина залегания культурного слоя были максимальны, он подстилался тонким прослоем темно-серого с зеленоватым оттенком суглинка, залегающим на известняковой толще (рис. 1). Стратиграфически выраженный культурный слой залегал лишь в северо-западной части раскопа, на площади около 13—14 кв. м (включая часть шурфа 1997 г. и законсервированный участок в 4 кв. м).

На участке, вскрытом в 1998 г., культурный слой был разобран пятью тонкими горизонтами смятия (гор. III—VII) с индивидуальной фиксацией находок и получением большого количества шнеллировочных отметок. Разборка производилась пожарами и мастерками. Единичный фрагмент средневекового сосуда был отмечен лишь в верхнем (III) горизонте, нижележащие гор. IV—VII дали чистый комплекс находок керамики эпохи раннего металла, изделия из кремня и кости, фаунистические остатки.

После разборки стратиграфически выраженного культурного слоя (включая шурф 1997 г.) на площади около 5—6 кв. м открылись остатки искусственной конструкции. На уровне материка непосредственно выше известняковой толщи располагалась ровная, слабо покатая в направлении склона площадка (древняя дневная поверхность). Поверхность ее сложена суглинком, заполнившим пустоты и неровности подстилающей известняковой толщи. С востока-юго-востока площадка обрамлена выходами известняка: известняковая поверхность образует довольно крутой уступ, располагаясь как бы «стеной», окаймляющей ровную площадку. Поверхность площадки и прилегающих участков известняковой «стены» имела слабый светло-желтый цвет от окрашивающих ее глинистых частиц. На данном участке были обнаружены четыре ямки, возможно столбового характера, диаметром 10—16 см, глубиной до 10—12 см, выбитых в известняке. Можно предположить, что здесь вскрыта часть углубленного (?) жилища.¹

При раскопках собрано около 630 фрагментов сосудов эпохи раннего металла (примерно от 35—40 сосудов). Характерно добавление в глиняное тесто минеральной примеси (песок, толченый гранит-дресва, встречаются частицы слюды), количество минеральной примеси варьирует. Примесь шамота встречается редко. В тесто многих сосудов добавлена и органическая примесь, хорошо заметная по темной полосе в изломе фрагментов. Глиняное тесто хорошо промешано, частицы минеральной примеси почти не выступают на поверхности сосудов. Фактура фрагментов обычно плотная, компактная. Толщина стенок варьирует в пределах 0,4—0,5 и 1—1,2 см, преобладает 0,6—0,9 см. Поверхность сосудов часто со следами штриховки, глубокой, отчетливо заметной или заглаженной. Прием

¹ Обнаруженная конструкция уходит в западную стенку раскопа и в неразобранный участок, законсервированный в связи с неблагоприятными для расчистки объекта погодными условиями. Исследование этого объекта необходимо продолжить.

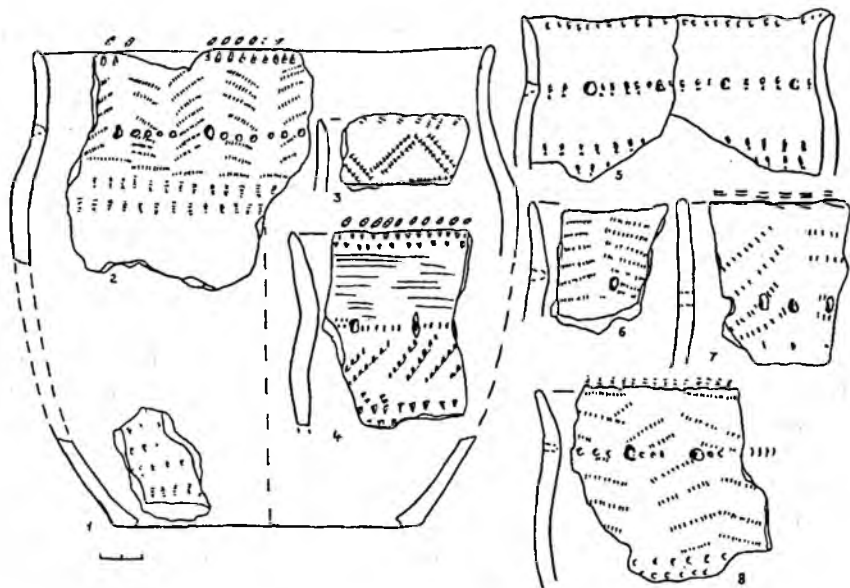

Рис. 2. Шкуриня Горка. Фрагменты сосудов эпохи раннего металла, реконструкция сосуда (1—8).

выравнивания поверхности сосуда с использованием пучка травы или подобных естественных материалов нехарактерен. Штриховка обычно нанесена инструментом с широкими (до 3 мм), реже острыми зубцами. Направление штрихов чаще параллельно краю венчика сосуда, редко под углом к нему. Лишь на нескольких фрагментах стенок от одного-двух сосудов слабо заметны отпечатки ткани. В целом текстильная обработка поверхности для керамического комплекса нехарактерна. Фрагменты принадлежат профилированным сосудам с выделенным венчиком, выпуклым туловом и плоским дном. Сосуды имели, видимо, приземистые пропорции (рис. 2, 1, 2). Край венчика слабо отогнут или почти прямой. Лишь один сосуд имел «закрытый» верх. Диаметр поддающихся измерению экземпляров варьирует от 15 до 25 см, дно широкое, часто близкое по диаметру венчику. Характерно простое плоское дно (12 сосудов), лишь в 2—3 случаях встречены днища с закраинами. Для венчиков типичен узкий, почти заостренный к срезу край, украшенный по срезу или по прилегающему к нему участку внутренней поверхности

оттисками «веревочки, намотанной на палочку», насечками или ямчатыми вдавлениями (рис. 4, А).

Сосуды украшались обычно по всей или большей части поверхности тулова, крупные неорнаментированные фрагменты единичны. Характерно зональное построение орнамента. Для орнаментации верхней части сосуда чаще всего наносились пояса оттисков «веревочки, намотанной на палочку», обычно удлиненных, по ширине варьирующих, образующих узор в виде горизонтального зигзага или «елочки», горизонтальных рядов или рядов оттисков, поставленных под углом к краю сосуда (рис. 4, Б, — мотивы орнаментации сосудов по верхней, прилегающей к венчику части). В некоторых случаях, видимо, имела место имитация веревочного штампа — нанесение по проведенной линии коротких параллельных штрихов. Подобное явление отмечалось в орнаментации керамики эпохи раннего металла Приладжья (Гурина, 1961: 496). Занимающие основное горизонтальное поле в верхней части сосуда длинные оттиски «веревочки, намотанной на палочку», изредка сочетаются с мелкими отпечатками «веревочки» или с мелкими ямчатыми вдавлениями, расположенными близ края венчика или при переходе к выпуклому тулову. Единичные сосуды были украшены поверху только ямчатыми вдавлениями или вдавлениями, напоминающими оттиски двузубого штампа (рис. 4, Б, 19—24). Очень характерным элементом орнаментального поля является поясok редких глубоких ямок (иногда сочетающихся со сквозными отверстиями), поставленных под венчиком, часто при переходе к тулову. Для украшения основной поверхности тулова сосуда характерны горизонтальные ряды различной формы неглубоких ямчатых вдавлений, иногда напоминающих оттиски двузубого штампа, оттиски штампа треугольной формы, а также короткие и широкие оттиски «веревочки», расположенные горизонтальными рядами по всей или большей части поверхности тулова и по придонной части (рис. 3, 5—8). Длинные оттиски «веревочки» встречаются на фрагментах тулова в редких случаях. На поверхность дна орнамент наносился, видимо, редко (рис. 4, 2). Встречены фрагменты двух или трех сосудов с пояском оттисков «веревочки» или насечек на внутренней поверхности тулова (рис. 2, 8).

Среди находок представлено около 120 предметов из кремня, включая мельчайшие чешуйки, полученные промывкой. Характерен кремень серый, низкого качества, редко темных и красных тонов.

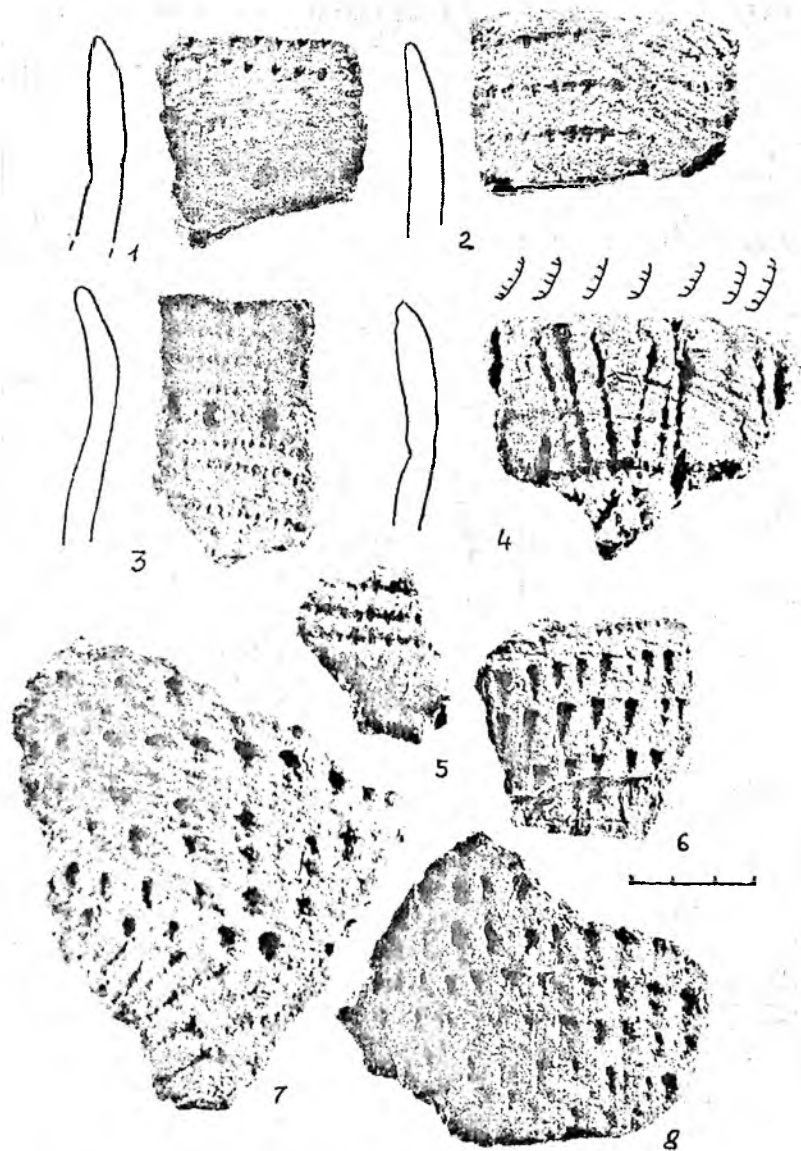

Рис. 3. Шкуринна Горка. Фрагменти сосудов епохи раннього металу (1—8).

Рис. 4. Шкурина Горка:

А — орнаментация среза края и прилегающего участка внутренней поверхности сосудов (1—11); Б — основные мотивы орнаментации верхней части сосудов (1—24); В — фрагменты донн сосудов (1—4).

Изделий с вторичной обработкой около пятнадцати, наиболее выразительны скребки на отщепах. На поселении существовали, очевидно, и шлифованные сланцевые орудия — на это указывают находки шлифовальных плиток и отщепов с поверхности шлифованных предметов из сланца.

При разборке культурного слоя в его средней и нижней части (гор. IV—VI) обнаружено около 20 костяных предметов со следами обработки, в том числе выразительные орудия (наконечник стрелы и фрагменты двух наконечников, игла, фрагменты проколов из трубчатых костей, костяные обкладки, фрагмент рукоятки небольшого орудия, предметы со следами ornamentации (рис. 5). Отметим находку мелкой бронзовой иглы (рис. 5, 7), залегавшей в верхней части культурного слоя (гор. III).

Большой интерес представляет значительная коллекция фаунистических остатков, происходящая из стратиграфически «чистого» культурного слоя эпохи раннего металла. По определению А. К. Каспарова (ИИМК РАН), наряду с остатками лесной фауны (лось, бобр, кабан, заяц, лиса), имеются кости крупного рогатого скота (характерны особи мелких размеров), лошади (очевидно, домашней), а также собаки. Промывкой культурного слоя получено очень значительное количество костей рыб. Очевидно, рыболовство занимало важное место в хозяйственной деятельности населения. Следует отметить, что Шкуринна Горка является первым поселением эпохи раннего металла в Приладожье и на прилегающих территориях, сохранившим в культурном слое фаунистические материалы и изделия из кости.

Для хронологии поселения существенны радиоуглеродные даты, полученные в лаборатории ИИМК РАН по образцам из тонких линзочек древесного угля в кв. А2: гор. VI — 2700 ± 270 лет тому назад (Je-5476), гор. V — 2690 ± 300 л. т. н. (Je-5475), гор. IV — 2500 ± 120 л. т. н. (Je-5474). Значения календарного (калиброванного) возраста по программе калибровки Cal 20 (Van der Plicht, 1993) с одинарной величиной стандартного отклонения: Je-5474 — 790—510, 440—420 л. до н. э., Je-5475 — 1200—1190, 1160—1140, 1130—410 л. до н. э., Je-5476 — 1200—1190, 1160—1145, 1130—490, 450—420 л. до н. э. Наиболее вероятным временем существования поселения по этим данным можно считать интервал VIII—V вв. до н. э. Керамика поселения находит типологически и территориально ближайšie аналогии в таких поселениях Приладожья, как Изсады, Изсады 2, а также Юшково (Гуринна, 1961: 484—509). На

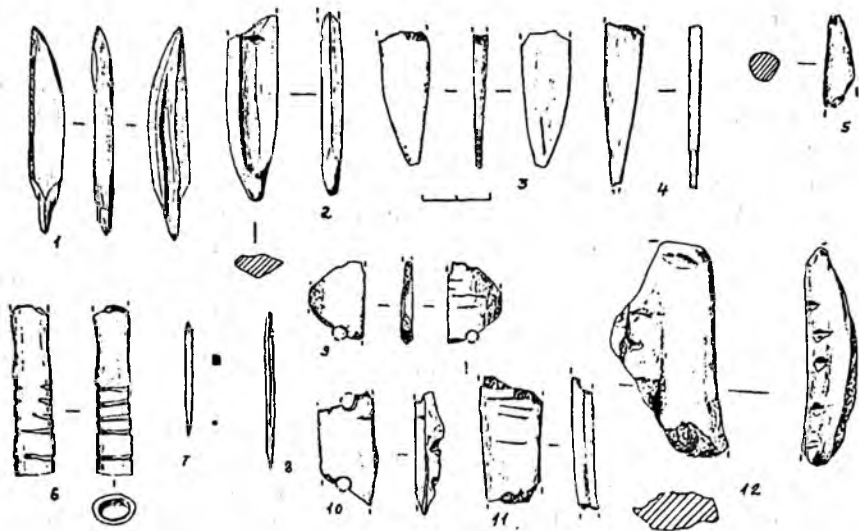

Рис. 5. Шкурина Горка. Изделия из кости и их фрагменты (1—12).

этих памятниках, наряду с текстильной керамикой, практически отсутствующей в материалах Шкуриной Горки, встречается группа керамики, названная автором раскопок гребенчатой (Гурина, 1961: рис. 198, 2, 3, рис. 199, 9, 14, рис. 200, 3, 7, 8, рис. 203, 17). Мотивы орнамента и, видимо, способ его нанесения (Гурина, 1961: 496), так же как и технологические признаки, очень близки материалам Шкуриной Горки. Видимо, публикуемые материалы свидетельствуют о необходимости разделения комплексов Изсады и Юшково, в частности, на более ранний, с текстильной керамикой, и более поздний, с керамикой, которую можно назвать керамикой типа Шкурина Горка. Последняя группа может быть отнесена к финалу эпохи бронзы, времени, когда текстильная керамика на значительной части территории Северо-Запада уже практически выходит из употребления.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н. П., 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА 87. М.; Л.
 Van der Plicht, 1993. The Groningen radiocarbon calibration program // Radiocarbon. V. 36. No. 1. P. 231—237.

КЕРАМИКА СЯРЯЙСНИЕМИ I В РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЕВЕРНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

1. Появление керамики

Мезолитические общества восточно-европейской лесной зоны не начали применять керамику на стадии развития как бы без ее начальной фазы. Распространение нововведения произошло путем диффузии: появление керамики, вероятно, означало перемену и в составе населения. Применительно к Финляндии кажется, что население не пришло издалека, а мигрировало либо из Карелии (под Карелией в данном докладе подразумевается территория Республики Карелия), либо из верховьев Волги (Meinander, 1984; Carpelan, 1999).

Применение керамики мезолитическими обществами лесной зоны скорее всего не вызвало большого изменения в жизни людей, так как земледелие и скотоводство — оба существенные признаки экономики неолитического общества — не появились одновременно с керамикой, культуру можно назвать «субнеолитической» (см., например: Carpelan, 1999). Несмотря на то что связь между распространением керамики и распространением земледелия выглядит странной, она, однако, не является случайной, зачастую было так, что керамика распространялась еще до появления земледелия (Bigket-Smith, 1951: 99).

На основании новейших исследований можно описать процесс распространения керамики в лесной зоне Северо-Восточной Европы. Навыки изготовления керамики в Европе распространялись по направлению от юго-востока на северо-запад. Последними ее начали применять жители Британских островов, Средней и Северной Скандинавии. Умение производить керамику распространилось с юга на Верхнюю Волгу уже около 7000 лет до н. э. В Карелии ее усвоили приблизительно 6500 лет до н. э. Приблизительно около 6100 г.

до н. э. изготовление посуды освоили на территории Финляндии (здесь и в последующем все финские радиоуглеродные датировки будут упомянуты некалиброванными.) Древнейшая керамика Карелии и Финляндии Сперринге I и включенная в нее в качестве подгруппы керамика Сярайсьеннеми I (= Сяр I, которую считают северным вариантом керамики Сперринге I), вероятнее всего, являлись производными от ранней керамики Верхней Волги (Meinander, 1984; Timofeev & Zaitseva, 1997; Carpelan, 1999).

На основании новейших исследований можно, однако, констатировать, что керамика Сяр I не является северным вариантом керамики Сперринге I и что эти группы не являются родственными друг другу. Общая ситуация и новые радиоуглеродные датировки доказывают теорию о временной и региональной параллельности этого расходящегося развития (Torvinen, 1999).

На севере, точнее на северо-востоке от территории распространения керамики Сперринге I, появилась керамика Сяр I, или керамика на этой территории через довольно краткий промежуток времени превратилась в керамику Сяр I. В Финляндии она фиксируется на территории реки Оулуйоки и озера Оулуярви приблизительно в 6100 г. до н. э., на реке Кшминкйюки немного позже, около 6000 г. до н. э., и распространилась далее на территорию Рованиеми-Кемиярви приблизительно на 200 лет позже. В Инари — и, возможно, на территории Варангер-фьорда — керамика Сяр I появилась примерно в то же время, приблизительно 5800 лет до н. э. На Кольский полуостров она, вероятно, попала позже всего, согласно радиоуглеродной датировке приблизительно 5700—5500 гг. до н. э. (Olsen, 1994; Gurina, 1997; Torvinen, 1999).

Общества охотников начали применять керамику и усвоили ее производство скорее всего благодаря тому, что пользование керамикой имело кроме практической функции еще и социальную. Тип керамики обозначал собой определенную этноструктуру и связанное с ней мышление.

Допустим, что производство керамики было женской работой. Из этого следует, что археологическая культура, которую, например, представляет определенный тип керамики, сформировалась путем ее производства женщинами, использующими одну и ту же основную модель ее изготовления. Таким образом, археологическая культура может свидетельствовать о некоем «брачном поле», в рамках которого женщины нашли своих супругов и рожали детей (Carpelan, 1999).

2. История исследований

Керамика Сяр I является первой прединдустриальной керамикой, которую исследовали в Финляндии. История ее исследования в Финляндии началась в 1909 г. (Ailio). В Северной Норвегии Сяр I является на практике единственным типом керамики каменного века. Первое определение для керамики Сяр I создали на основании северо-норвежского материала (Simonsen, 1957). До этих пор определение было единственным, и его применяли к финскому и другому материалу Сяр I. На основании накопленного материала финского Сяр I создали определение, которое лучше соответствует современным требованиям (Torvinen, 1999).

3. Некоторые черты керамики Сяр I

Несмотря на то что Сяр I представляет те же керамические традиции, что и Сперринге I, группа Сяр I отличается от группы Сперринге I своими многосторонними вариантами элементов украшений и многими уникальными чертами орнаментации. Керамическая посуда Сяр I, как и другая ранняя керамика лесной зоны Северо-Восточной Европы, имеет острое или круглое дно, прямые стенки и горло диаметром в среднем от 25 до 30 см. Ассортимент орнаментов очень широк: есть и отпечатки искусственных штампов, и «природные отпечатки». Популярными являются разные зубчатые отпечатки, орнамент из оттисков веревочки, намотанной на палочку, и длинные отпечатки, на дне которых видна клетчатая или сетчатая фигура. Природными отпечатками являются, по крайней мере, суставные концы плечевой кости (*humerus*) птиц и орнаменты из оттисков рыбных позвонков.

Узоры бывают насыщенными и строго горизонтальными. Орнамент всегда содержит глубокие ямки. Спецификой орнаментации является то, что ямки, оттиснутые суставами, используют в качестве «модулятора» — единицы украшений, с помощью которой создавали орнамент (см., например: Torvinen, 1997: рис. 2).

4. Распространенность

Керамику Сяр I нашли в Карелии, на Кольском полуострове, в Северной и Восточной Финляндии, в Северной Норвегии и Швеции, всего в 157 пунктах (Torvinen, 1999).

Первую карту распространения данной керамики в Карелии опубликовали в 1997 г. (Герман: 1997, рис. 2). Карту распространения этой керамики на Кольском полуострове опубликовали в следующем году, в то же время придали современный облик и карте ее распространения в Финляндии (Торвинен, 1998: 39; 1999: Приложение 11:1). В Норвегии карты распространения практически не изменились после 1963 г. (Simonsen; см. также Olsen, 1994: 43). На западе нашли еще территорию, на которую распространилась керамика Сяр I, — река Каликс (Каннууйоки) в Швеции (Halen 1994).

На основании карты можно констатировать, что распространённость керамики Сяр I формирует относительно единую территорию. Керамику этой территории можно определить как самую северо-западную группу ранней северной керамики. При этом обнаруживаются некоторые места, где особенно много данной керамики: Кайну и окрестные озера Оулуярви, средняя часть реки Кемийоки, область Инари-Паатсйоки и южный Варангер-фьорд. Центральные части Карелии, очевидно, имеют связь с Кайну. Кольский полуостров — отдельная от других территория.

В средней и северной частях Карелии керамику Сяр I нашли в 53 местах, начиная с северного побережья Онежского озера до реки Нива и Кандалакше (на севере). На Кольском полуострове керамику Сяр I нашли в 17 местах. Внутри России керамику Сяр I нашли в окрестностях Ловозера и на побережьях Белого моря и Северного Ледовитого океана, в устьях больших рек. Керамику Сяр I нашли и на востоке, в Мезенской области (Столос и др., 1984; Torvinen, 1999: 108).

В Норвегии раннюю керамику (=Сяр I) нашли в 11 местах, но только на южном побережье самого конца Варангер-фьорда и в долине реки Паатсйоки. Следует отметить, что ранняя керамика реки Паатсйоки в Норвегии уже в 1950-е г. образует самое большое скандинавское собрание керамики каменного века на севере от Рованиеми (Simonsen, 1957: 238).

В Финляндии керамику Сяр I нашли в 75 местах, если принимать во внимание край Салмиярви в Печенге, который перешел к Советскому Союзу. 70 из этих мест находятся в губерниях Оулу и в Лапландии. Больше всего данной керамики найдено в Кайну, в верхнем течении реки Оулойоки, на древнем архипелаге дельты реки Киимишкийоки, в районе Рованиеми-Кемиярви и в Инари.

5. Датирование

Долго господствовало представление о том, что керамика Сяр I является северным вариантом ранней гребенчатой керамики (= керамика Сперринге I), по современницею типичной гребенчатой керамики (гребенчато-ямочной керамики), другими словами, некой задержкой развития культуры (Solberg, 1918; Nummedal, 1937; Sjessing, 1942; Simonsen, 1957). Позже датирование стало более точным (Siirainen, 1971; Huurre, 1983: 141—142) и уточнилось на основании новейших радиоуглеродных датировок и дат, связанных с изменениями береговой черты (Torgvinen, 1997; 1998; 1999). Согласно им керамика Сяр I является современной керамике Сперринге I и датируется, особенно на основании финских радиоуглеродных исследований и хронологии передвижения берега — промежуток времени приблизительно 6100—5500 лет до н. э.

6. Керамика Сяр I в раннеолитическом контексте

В Финляндии, как и в Карелии, керамика Сяр I занимает господствующую позицию в северной и северо-восточной раннее керамической культуре (рис. 1). На юго-западной стороне границы господствовала керамика Сяр I. Эта граница в направлении с юго-востока на северо-запад протянулась от северной части Онежского озера и линии Беломорск—Аонлахти до озера Оулуярви или немного на юг от него. В контактной полосе приграничной территории (на юго-западе) обнаружили и керамику Сперринге I, и керамику Сяр I. Керамика Сперринге I появляется на территории распространения Сяр I в Финляндии в Кайну и на побережье в дельте рек Кииминкйюки, Иийюки и Симойюки. Поселение на реке Симойюки, где есть и могильник, является самым северным и значительным поселением каменного века, где нашли керамику Сперринге I в Финляндии.

На основании вышесказанного можно констатировать, что, несмотря на то, что керамика Сперринге I и керамика Сяр I имеют общие корни и являются производными от одной и той же керамической традиции, в контексте раннекерамической культуры сформировалась четко определенная граница. Это, в свою очередь, объясняется тем, что общества, которые усвоили эти разные стили керамики, происходили от разных позднемезолитических групп населения (Герман, 1997). Другими словами, эта археологическая граница имела и этническое содержание.

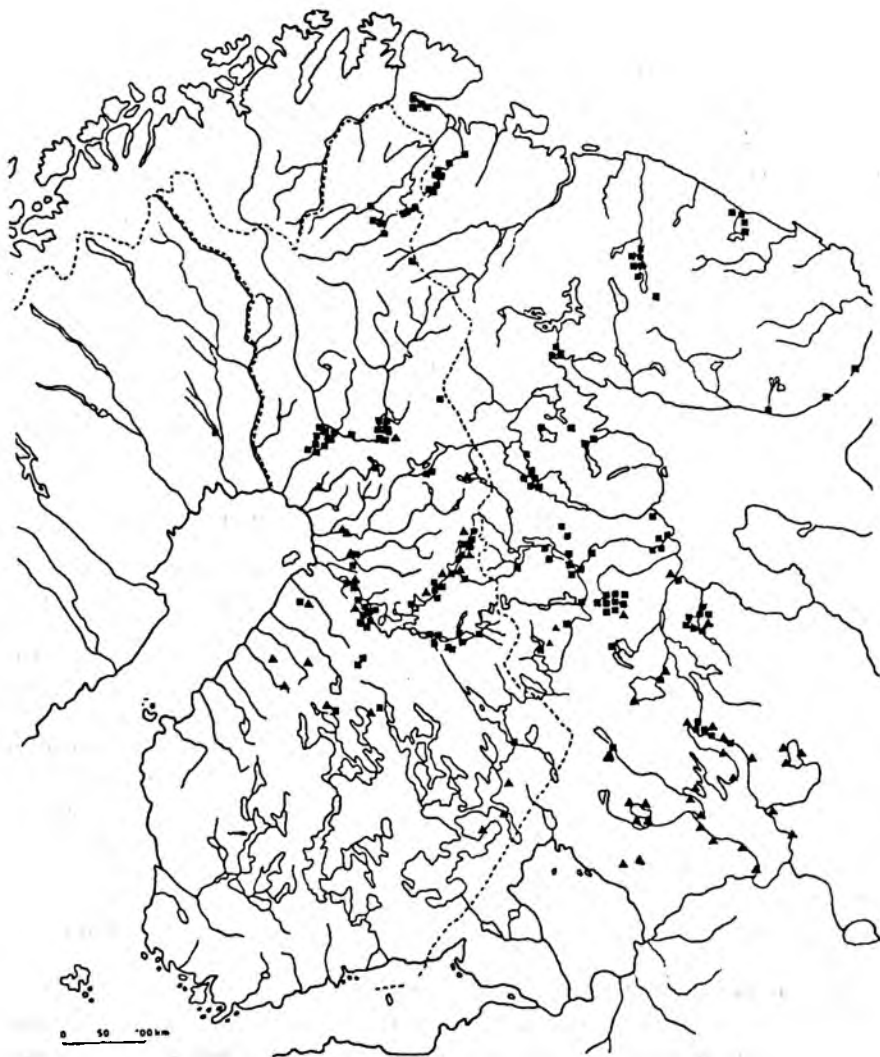

Рис. 1. Распространение керамики Сяр 1 и керамики Сперринге 1 на пограничной территории распространения вышеуказанных групп керамики и чередование групп в контактной полосе на данной пограничной территории (ситуация в конце 1998 года).

Квадрат Сяр 1, треугольник Сперринге 1 (по М. Торвинен, 1999, Приложение 11:5).

Новейшие генетические исследования подтверждают вышеназванную гипотезу. Констатировалось также, что рождение и формирование керамики Сяр I связаны с рождением племени саамов (Huurte, 1983: 411; 1991: 61; Gurina, 1987). Археологически определяемый момент начала этого процесса расхождения в изготовлении главных форм посуды, скорее всего, датируется переходным периодом между мезолитической и неолитической эпохами или соответствует самому началу неолитической эры. Распространенность керамики Сяр I охватывает территорию, которую позже считали местом жительства саамов. Часто обоснованно констатировали, что керамика Сяр I соответствует началу того развития, которое позже совпало с появлением саамского племени (Huurte, 1983: 411; Gurina, 1987).

ЛИТЕРАТУРА

- Ailio Julius*, 1909. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I, II. Helsinki.
- Birket-Smith Kaj*, 1951. Kulttuurin tiet. Porvoo.
- Carpelan Christian*, 1999. Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100...1000 eKr. Maanrakennus.
- Europaeus-Ayräpää Aarne*, 1930. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I. Acta Archaeologica I.
- Gjessing Gutorm*, 1942. Yngre steinalder i Nord-Norge. Institutet for sammenlignende kulturforskning B, XXXIX.
- Gurina N. N.*, 1987. Main stages in the cultural development of the ancient population of the Kola peninsula. Fennoscandia Archaeologica IV.
- Gurina N. N.*, 1997. The history of the culture of the Kola peninsula ancient population. (V. I. Timofeev, ed.). Russian academy of Sciences. The Institute of the Material Culture History. Archaeological studies, 32. St. Petersburg.
- Halen Ole*, 1994. Sedentariness During the Stone Age of Northern Sweden. Acta Archaeologica Lundensia Series in 4: o 20.
- Huurte Matti*, 1983. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin esihistoria. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia I. Kuusamo.
- Huurte Matti*, 1991. Oulujokilaakson esihistoria. Oulujokilaakson historia. Kivikaudelta vuoteen 1865. Oulu.
- Meinander C. F.*, 1984. Kivikautemme väestöhistoria. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. H. 131. (Suomen väestön esihistorialliset juuret. Tvärminnen-symposiumi 17.—19.1.1980, toim. S.-E. Astrom).
- Nunmedal Anders*, 1937. Yngre steinaldersfunn fra Nyelven og Karlebotn i Østfinmark. Universitetets Oldsamlings Arbok 1935—36.
- Olsen Bjørnar*, 1994. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. 2. opplag. Oslo.

Sirriäinen Ari, 1971. Shoreline Dating of the Säräisniemi I-Ceramics in Finland. Suomen Museo.

Simonsen Poul, 1957. Bopladserne ved Noatun i Pasvikdalen. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen. Aikakauskirja 58.

Simonsen Poul, 1963. Varanger-funnene III. Fund og utgravninger i Pasvikdalen og ved den østlige fjordstrand. Tromsø Museums Skrifter. Vol. VII. hefte III.

Solberg O., 1918. Mennikafundet. En stenaldersboplads ved Pasvikelven i Sydvaranger. Olliden. Bind VII.

Timofeev et al., 1997. Timofeev V. I., Zaitseva G. I. Some aspects on the radiocarbon chronology of the Neolithic cultures in the forest zone of the European part of Russia. Iskos II. (Proceedings of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology, ed by H. Jungner and M. Lavento).

Torvinen Markku, 1997. Sär 1 — comb Ware of the Säräisniemi style. Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.

Torvinen Markku, 1998. Sär 1 — keramikkaa käyttänyt väestö — etnisiä kysymyksiä. Muinaistutkija 4.

Torvinen Markku, 1998. Sär 1 — tutkielma luoteisen varhaiskeramiikan alalta. Licensaatintutkimus. Käsikirjoitus. Helsingin yliopisto. Kulttuurien tutkimuksen laitos. Arkeologian oppiaine.

Герман, К. Е., 1997. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сярйёиниеми I). Археология Севера. Сборник научных статей, выпуск I. Петрозаводск.

Стоколос В. С., Королев К. С., 1984. Археологическая карта Коми АССР. Москва.

О СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Я заинтересовалась предметом данного доклада весной 1997 года, когда слушала серию лекций об истории русского языка доцента Кари Луукконена в университете города Хельсинки. Заимствованные слова славянского происхождения в финском языке уже давно были предметом интереса исследователей. На основании вышеназванных лекций я и заинтересовалась центральными с точки зрения археологического и языковедческого исследования вопросами: (1) Как предложенное славистами время заимствования самых древних славянских слов совпадает с тем представлением, которое дает нам рассказывающий о финско-славянских контактах археологический материал? (2) Как мысленное содержание и понятия заимствованных слов свидетельствуют о характере контактов и можно ли их сопоставить с археологическим материалом?

Кроме этой подчеркнута археологической тематики следует исследовать, как прибалтийско-финские и славянские контакты проявляются в том языке, из которого слова были заимствованы. Так как я не являюсь филологом, то не буду рассматривать лингвистические отражения, вызываемые «соприкосновением разных языков» (см.: Sarhimaа, 1995), а буду рассматривать только самые древние заимствованные слова финского языка.

В истории русского языка самый старый уровень реконструкции — праславянская фаза (праславянский язык). Считается, что эта фаза закончилась около 600 г. н. э. Следующую фазу в русском языке исследователи называют общеславянской фазой (общеславянский язык). Финские же слависты называют данную фазу «пра-русским языком» (=esivenäjä, kantavenäjä). Этот уровень истории языка обычно считается существовавшим в период 600—1050 гг. н. э. За фазой общеславянского языка не позднее середины XI века по-

следовала древнерусская фаза (древнерусский язык), которая закончилась в XIV веке.

Контакты между населением, говорящем на разных языках, сначала всегда проявляются на языковом уровне в лексике. Слова употребляют, чтобы описывать новые понятия (так называемые «культурные заимствования»). Когда контакты являются оживленными, заимствуют и другие, связанные с бытовой жизнью слова, для которых уже есть эквивалент и в собственном языке (Savijärvi, 1994: 102; Sarhimaа, 1995: 214—215). Запас заимствованных слов славянского происхождения является общим для всех прибалтийско-финских языков. Раньше считали, что материал сначала стал частью общего прафинского языка (см., в частности: Kalima, 1952: 27—28; Nissilä, 1956: 49). Позже стало господствовать представление о том, что даже самые древние слова славянского происхождения стали составляющими разных прибалтийско-финских языков (Savijärvi, 1994: 95).

Заимствованные слова славянского происхождения в финском языке перечислены в последнем, весьма обширном, исследовании в количестве 352 (Plöger, 1973). Большинство их заимствованы в течение исторической эры, и они включают в себя и спорные с этимологической точки зрения слова. Кроме немки Анжелы Плэгер над темой работали и многие финские лингвисты (Mikkola, 1894; Kalima, 1952; 1956; Kiparsky, 1956; Posti, 1975, и т. д.). Российским пионером данной тематики следует назвать эстонца Михкеля Веске (1890), который работал профессором университета Казани в конце XIX века.

Согласно Плэгер (Plöger, 1973: 289—290), в финском языке имеется 70 слов, которые с уверенностью можно считать имеющими славянское происхождение; эти слова заимствованы уже в период общеславянского языка. Если принимать во внимание и слова, вызывающие сомнения, число увеличивается до 80. 70 слов, которые с уверенностью можно считать заимствованными из славянских языков, сгруппированы по предметам в приложении к данному докладу. Некоторые слова являются диалектными или настолько устаревшими, что их больше не употребляют. Их значение в отношении к славянскому языку, может быть, даже немного изменилось. Русские слова транслитерированы по формам современного русского языка согласно Плэгер.

Трудность с определением времени, когда были заимствованы древнейшие слова славянского происхождения в финском языке,

отчасти связана со спорными вопросами о местах древних поселений славян, об обширности географической экспансии славян и о времени предполагаемого переселения. Какая географическая территория была местом начала контактов славян и прибалтийско-финского населения? Стали ли восточные славяне соседями прибалтийско-финского населения уже около 500—700 гг. н. э. (Седов, 1982), или славяне сформировали большинство населения на южной стороне Ладожского озера только в 800—900 гг. н. э. (Selirand, 1992; 530—539; Ligi, 1993; 1994)? Трудности вызывает и то, что относительно некоторых слов трудно решить, являются ли они славянского или балтского происхождения.

Этнограф Кустав Вилкуня попытался уже в 1940-е годы объединить данные, касающиеся старых славянских заимствований, с результатами археологических исследований и предположил, что самые древние заимствованные слова в финском языке появились уже в соприкосновении с древними славянами, которые говорили на праславянском языке (Vilkuna, 1948: 252—253, 290). Позднейшие исследования этого мнения не подтверждают (Kiparsky, 1956: 81; Häkkinen, 1996: 164). Археологический материал также не доказывает наличия контактов между финнами и славянами в течение первых веков нашей эры.

Согласно самому современному представлению, древнейшие из заимствованных из славянских языков слова финского языка были присвоены в течение общеславянского периода (Plöger, 1976: 26, 34), другими словами, в эпоху меровингов и викингов (600—1050 гг. н. э.), не позднее 1100 г. н. э. (Kalima, 1952: 26, 195; Kiparsky, 1956: 74—75, 82; Nissilä, 1956: 52; Sammallahti, 1977: 133; Itkonen, 1983: 212; Ojanen, 1983; Savijärvi, 1994: 95). То, что заимствования относятся к VII и VIII вв. н. э., доказывает, в частности, восточно-славянское *полногласие* (например, праславянский **долто*, после полногласия *долото*), которое датируют временем около 800 г. н. э. Заимствование некоторых слов должно было случиться и до этого, так как заимствованное в финском языке слово *tallta* ближе к форме праславянского языка.

Финский язык сохранил некоторые черты общеславянского языка неприкосновенными. Заимствованные славянские слова в финском языке являются важным материалом при определении изменений звуков общеславянского языка в период этих изменений. С помощью заимствованных слов можно констатировать, в частно-

сти, какая была система гласных (11 гласных) в общеславянском языке в период 600—1050 гг. н. э. Например гласный *o* общеславянского языка был более открытым и акустически близким к гласному *a* (Mikkola, 1894: 36—39).

Языковые и культурные контакты являются обычно двусторонними. Уже во время относительно ранних контактов (около 1300—1500 гг. н. э.) русский язык заимствовал слова прибалтийско-финского происхождения (Ojanen, 1983: 40). Многие слова связаны с рыболовством или природными обстоятельствами. Прибалтийско-финскими названиями рыб в русском языке являются, в частности, слова *си́г* («*siika*») и *таймен* («*taimen*»). Означающее маленькую лодку слово *ушкунь* («*uisko*») также прибалтийско-финского происхождения. В русских летописях есть и связанные с религиозной жизнью слова прибалтийско-финского происхождения (которые позже исчезли из языка), в частности, *арбу́й* — жрец («*agroja*») и *коломище* («*kalmisto*») (Kalima, 1919: 79, 125; Posti, 1975: 175; Savijärvi, 1994: 97). И явление *чоканья* в древнерусском языке, другими словами, чередование графем *ц* и *ч*, очевидно, является прибалтийско-финским субстратом (см.: лекции доцента Юхана Нуорлуото о новгородских берестяных грамотах весной 1996 года в университете города Хельсинки).

Большинство заимствованных слов славянского происхождения — это так называемые «культурные слова», которые отражают характер контактов (Kalima, 1952: 196—197; Plöger, 1973: 306—308). Интерес вызывают прежде всего заимствованные слова, связанные с ткачеством, строительством, торговлей, земледелием, продовольственными продуктами, инструментами и религией. Слов, связанных с рыболовством, мало, а слов, связанных с охотой, среди древнейших слов славянского происхождения не обнаружено вовсе.

Согласно Хейкки Лескинепу (Leskinen, 1990: 78, 80), в развитии древнекарельского языка материал славянского происхождения играет значительную роль в период 900—1200 гг. н. э. Так как слова славянского происхождения встречаются даже в диалектах Юго-Западной Финляндии, а не только в восточных прибалтийско-финских языках (Vilkuna, 1948: 251—252), возникает вопрос: как эти слова вошли в употребление так далеко на западе? Было ли причиной заимствования слов переселение из Юго-Западной Финляндии в Карелию (под Карелией в настоящем докладе подразумевается Карельский перешеек и северо-западное побережье Ладожского озера) и

в противоположную сторону, которое началось в середине VIII в. и продолжалось до XI в.?

Этноконтакты, вероятно, происходили в окрестностях Ладожского озера. Пиркко-Линса Лехтосало-Хиландер убеждена в том, что финны участвовали в восточных походах скандинавов; это доказывается археологическими находками из могильника эпохи викингов в Луистари-Эура (см., в частности: Lehtosalo-Hilander, 1990: 55—72). По археологическому материалу можно констатировать, что в то же время западно-финское население активно действовало на Карельском перешейке и на северо-западном побережье Ладожского озера. Принимая во внимание восточные связи Тавастландии в эпоху крестовых походов, можно сказать, что кроме прямых контактов Западная Финляндия, вероятно, испытывала славянское влияние через Карелию и, в конечном итоге, через территорию, занятую посетителями тавастландской культуры (Masonen 1989, 164; Taavitsainen 1990).

Благодаря географической близости, предметом особого интереса было влияние славянской культуры на Карельском перешейке и на северо-западном побережье Ладожского озера (Era-Esko, 1978: 5—12; Кочуркина, 1982; Uino, 1997: 186—195; Saksä, 1998: 207—209). Древнейшие контакты со славянами скорее всего осуществились именно на этой территории. О роли древнекарельского языка в качестве посредника, однако, достоверной научной информации нет. То, что восточная часть Карельского перешейка, начиная со средних веков, была частью владений Новгорода и таким образом входила в сферу влияния православной церкви, в свою очередь, было причиной того, что среди карельских названий местностей очень много более позднего славянского материала (Nissila, 1956; 1968; 1975: 188—210).

Славянскими инновациями в кругу карельской культуры являются прежде всего новый тип серпа (*serpi*), гончарная керамика, некоторые металлотехнические решения и предметы христианского культа. Эти явления относятся, однако, только к периоду 1000—1400 гг. нашей эры. От того же периода имеются первые исторические документы (летописи, берестяные грамоты), доказывающие контакты между финнами, карелами и Новгородом. Принимая во внимание то, что определить этническое происхождение вещей нередко затруднительно, не всегда удается вычлениить карельские предметы славянского происхождения XI в. или более позднего времени.

Места их находки — древние крепости и городища (крепость Корела, городища Тиверск в Ряйсяля и Паасо в Сортавале) и могильники (в частности, Кекомьяки в Каукола) (Uino, 1997).

На основании археологического материала практически невозможно обосновать славянские контакты до VIII в. Торговые пути на восток через Финляндию были открыты только в VIII в. Многоэтничный центр Старая Ладога появился тоже в середине VIII в., и только, начиная с этого периода, на юг от Ладожского озера жили среди прибалтийско-финского населения и скандинавы, и славяне (Uino, 1989). Вероятно, большинство тех славянских слов, которые были присвоены тогдашним финским языком, заимствованы в течение очень короткого периода во второй половине VIII в., так как на основании исторической фонетики можно сказать, что их заимствование было уже невозможно после 800 г. н. э.

На основании финского и карельского археологического материала трудно найти доказательства контактов со славянами еще в эпоху викингов. Чисто славянского материала среди находок до XI в. нет. Отчасти причиной этого является свойственная материалу эпохи викингов международность. Среди материала много так называемых «многонациональных предметов роскоши», которыми широко торговали на обширной географической территории.

Надо было бы рассматривать характер контактов и с точки зрения славян; другими словами, надо было бы узнать, есть ли на обитаемых славянами территориях предметы финского/карельского стиля? О таких ранних контактах говорят, в частности, распространённые в Юго-Восточном Приладожье подковообразные фибулы с головками, снабженными шипами (Lehtosalo-Hilander, 1979; Lehtosalo-Hilander, 1982).

Также вопрос о самом раннем христианстве в Финляндии и о месте его происхождения затрагивает предмет нашего доклада (см.: Salo, 1987; 1989; 1995; 1997; Purhonen, 1998), ведь центральная часть христианской лексики имеет славянское происхождение. Крестовидные подвески могил эпохи крестовых походов в Карелии являются по происхождению русско-византийскими (Purhonen, 1998), но, согласно Унто Сало, уже в орнаментике эпохи викингов проявляется христианская тематика. Христианское влияние и церковные предметы, вероятнее всего, приносились, по крайней мере в Карелию, через центры Поволжья, другими словами, через Старую Ладогу и Новгород. Так как все слова, описывающие понятия христианства, заимствованы из общеславянского языка, их могли бы

употреблять уже до того, как Русь «официально» перешла к христианству (988 г. н. э.) (Kalima, 1952: 195). Некоторые шаги в отношении христианства были, очевидно, совершены уже в VII и VIII вв. (Korpela, 1996: 85—89).

Некоторые названия местностей в окрестностях города Турку считают топонимами славянского происхождения (Turku — *торг*, Raaskunta — *погост*, Kupittaa — *купец*, Koroinen — *город*) и иногда полагают, что они доказывают торговые связи долины реки Аура с Новгородом (см.: Posti, 1950: 128—135; Shaskolski, 1980; Salo, 1982: 88—92). Предполагается, что в Турку жили новгородские купцы, как и на Готланде в XII в. (Salo, 1987; 1997). Это, однако, трудно доказать на основании археологического материала. Кроме того, только слово *turku* можно с уверенностью считать общеславянским заимствованием; другие слова спорные (Nissila, 1956: 52—53; Lind, 1981: 162—165). Линд (Lind, 1981: 164—165) замечает, что заимствование слова *Turku* из-за относящихся к истории языка причин должно было произойти до 1050 г. н. э. Также он считает, что Юго-Западная Финляндия, подобно Руси, была частью торговой системы варягов, в эпоху викингов. Таким образом, слово *turku* было бы функциональным термином на территории торгового пути варягов, и заимствование этого слова нельзя считать доказательством влияния новгородцев на данной территории в XII в.

В обществе эпохи викингов торговля была обширной и затрагивала всю Южную Финляндию — от ее западного побережья до западного побережья Ладожского озера. Эти контакты, однако, на уровне заимствования слов (существительные); на структуру языка ранние контакты влияния не имели. Живущее рядом со славянами прибалтийско-финское население стало употреблять древнерусский язык, который был языком-субстратом. Это развитие привело к ассимиляции прибалтийско-финского населения и к перемене языка.

Экономическое развитие Юго-Западной Финляндии является частью исторического фона для заимствованных слов славянского происхождения. Славянское происхождение некоторых слов финского языка поддерживает гипотезу об активной роли финнов (и карелов) в торговых центрах восточного торгового пути варягов. Большая часть слов относится к таким, которые могли бы быть заимствованы в связи с торговлей или другой связанной с торговлей деятельностью. Так как основная часть предметов торговли с археологической точки зрения «шеуловимые», например, меха, продовольственные продукты, тесные контакты фиксируются только в виде заимствованных слов.

PRILOZENIE

Общество:

aprakka (vero) — obrók
leima — klejmó
raja — kraj
suntio (tuomari) — sudь já
vapaa — svobodnyj

Инструменты и др.:

kapusta (kaali, kaulha) — kapusta
lusikka — lóžka
massi — mošná
tallta — dolotó
lappara — loporь
vasta — chvostь

Земледелие:

kassara — kosárь
kuonina (puimahuone) — gumnó
naatti — nálina
sirppi — serp
virpa — vérba

Рыболовство:

ahrain — ostrogá
katiska — kotcý

Продовольственные продукты:

kiisseli — kisélь
papu — bob
piirakka — piróg
ravita — travítь
talkkuna — tolokno

Торговля:

laatu — lad
määrä — méra
tavara — továr
turku (tori, kaupapaikka) — torg

Здания:

akkuna — oknó
lavitsa — lávica
läävä — chlev
pirtti — pertь
pátsi — pečь
veräjä — verejá

Ткаць:

kuontalo — kúdelь
kuosali — küzelь

käämi — cévka
palltina — polotnó
pasma — päsmo
pirta — b'ordo
päistär — päzderь e
varllina — veretenó

Одежды:

kaatiol — gáči
saapas — sapóg
viilla — svíla
virsu — vérzni

Часту мела:

kassa (hiusletti) — kosá

Христианство, мифология:

kuoma (kummi) — kum
pakana — pogányj
pappi — pop
räämattu (kirjoitukset) — grámota
risti — krest
räähkä (synti) — grech
velho — volchv

Путешествие:

saani (reki) — sáni
tarakka — toroká
virsta — verstá

Животные:

hurttu — chort
siivatta — živótь
tuhkuri, tihkuri — chory
varpunen — vorobej

Абстрактные слова:

apea — obida
muokka (karsimys, vaiva) — múka
säälí — žalь
tuska — toská
täsmä — tesmä

Другие существительные:

kalkkara — kólokol
luokki — luk

Другие глаголы:

laatia — láditь
pajattaa — bájatь
raaskia — račítь

- Erä-Esko Aarni*, 1978. 9.—13. vuosisadan slaavilaiskarjalaisista kulttuurisuhteista. Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 3. Helsinki.
- Häkkinen Kaisa*, 1996. Suomalaisen esihistoria kielitieteen valossa. Tietoliikenne 147. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki.
- Ilkonen Terho*, 1983. Välikatsaus suomen kielen juuriin. Virittäjä 2—3/1983.
- Kalima Jalo*, 1919. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia XLIV. Helsinki.
- Kalima Jalo*, 1952. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisien kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 243. Helsinki.
- Kalima Jalo*, 1956. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin.
- Kiparsky V.*, 1956. Suomalais-slaavilaisten kosketuksien ajoituksesta. Virittäjä 1956.
- Korpela Jukka*, 1996. Kiovan Rusj. Keskiajan eurooppalainen suurvalta Hämeenlinna.
- Lehtosalo-Hilander Pirkko-Liisa*, 1982. Luistari II. The Artefacts. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 82 : 2. Helsinki.
- Lehtosalo-Hilander Pirkko-Liisa*, 1990 (1991). Le Viking finnois. Finkki Museum, 1990.
- Leskinen Heikki*, 1990. Vepsän, karjalan ja inkeröisen asemasta kolmen äännepiirteen valossa. Itämerensuomalaiset kielikontaktit. Läänemeresoome keelekontaktit. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 61. Helsinki.
- Ligi Priit*, 1993. National Romanticism in Archaeology: the Paradigm of Slavic Colonization in North-West Russia. Fennoscandia Archaeologica X.
- Ligi Priit*, 1994. «Active Slavs» and «Passive Finns»: A reply. Fennoscandia Archaeologica XI.
- Lind John*, 1981. Varäger, nemeer og novgoroder år 1188. Hvor var Choržek og Novotoržec? Historisk Tidsdrift för Finland 1981:2.
- Masonen Jaakko*, 1989. Hämeen Härkätie. Synty ja varhaisvaiheet. Tiemuseon julkaisuja 4. Helsinki.
- Mikkola Joos*, 1894. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia XLIV. Helsingfors.
- Nissilä Viljo*, 1956. Slaavilaisia aineksia nimistössämme. Virittäjä 1956.
- Nissilä Viljo*, 1968. Karjalan kannaksen asutushistoriaa nimistön valossa. Etelä-Karjala tänään. Kaukomieli X. Lappeenranta.
- Nissilä Viljo*, 1975. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu.
- Ojanen Muusa*, 1983. Marjojen nimet venäläis-suomalaisissa lainakosketuksissa. Rusistica I. Joensuun korkeakoulu. Kielten osaston julkaisuja N: o 9. Joensuu.
- Plöger Angela*, 1973. Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache. Veröffentlichungen der Societas Uralo-altaica. Band 8. Wiesbaden.
- Posti Lauri*, 1950. Kaarinan Paaskunta ja Aurajoen suun muinainen kauppa. Kalevalaseuran vuosikirja 30. Helsinki.
- Posti Lauri*, 1975. Venäläis-suomalaiset kielelliset kosketukset ja niiden tutkimuksen merkitys. Castrenianumin toimittuuta 13. Suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen merkitys.

muksen symposiumi Petroskoissa 26.—27.3.1974. (Eds. Pertti Virtaranta & Esko Koivusalo). Helsinki.

Purhonen Paula, 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 106. Helsinki.

Saksa Aleksandr, 1998. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. *Studia Carelica Humanistica* 11. Joensuu.

Salo Unto, 1982. Suomen kaupunkilaitoksen syntyjuuria ja varhaisvaiheita. *Historiallinen Arkisto* 78.

Salo Unto, 1987. Suomen kristillistymisen varhaisvaiheista. *Studia Historica in honorem Viljo Niitemaa*. Turun Historiallinen Arkisto 42.

Salo Unto, 1989. The early stage of Finland's conversion to christianity. Byzantium and the North. *Acta Byzantina Fennica*. Vol. IV. 1988—1989. Helsinki.

Salo Unto, 1995. Kristinuskko ennen kristinuskoa Suomessa. *Historiallinen Aikakauskirja* 1/1995. Helsinki.

Salo Unto, 1997. Früher christlicher Einfluss in Finnland. Rom und Byzanz im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts. Mission und Glaube Wechsel im Ostseeraum während des 8.—14. Jahrhunderts. Band 1. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz.

Sammallahti Pekka, 1977. Suomalaisten esihistorian kysymyksiä. *Virittäjä* /1977.

Sarhimaa Anneli, 1995. Karjalan kansat ja kielet kontakteissa. *Virittäjä* 2/1995.

Savijärvi Muusa, 1994. Itämerensuomalaiset sanalainat venäjän kielessä. Tieteen tahtoen. *Studia Carelica Humanistica* 3. Joensuu.

Selirand Jüri, 1992. Itämerensuomalaiset ja itäslaavilaiset. Suomen varhaishistoria. *Studia Historica Septentrionalia* 21. Rovaniemi.

Shaskolski I. P., 1980. Suomen lounaisrannikon suhteista Venäjään 1100-luvulla. Turun Historiallinen Arkisto 34.

Taavitsainen J.-P., 1990. Ancient Hillforts of Finland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 94. Helsinki.

Uino Pirjo, 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies. — Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 104. Helsinki.

Vilkuna Kustaa, 1948. Vanhimmat suomalais-slaavilaiset kosketukset ja suomalaisten esihistoriaa Itämeren partailla. Kalevalaseuran vuosikirja 27—28/1947—48.

Веске Михел, 1890. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Изв. общ. арх., эт. и этногр. при Имп. Каз. ун-в.

Кожуркина С. И., 1982. Древняя Карелия. Петрозаводск.

Лехтосало-Хиландер Пирько-Лиуса, 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов. Финно-угры и славяне. Ленинград.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. Москва.

УЕЗД ВОРОНИЧА (о формировании территории)*

Уезд одного из древнейших городов Псковской земли — Ворони́ча — известен с конца XVI в. По писцовым и переписным книгам XVI—XVII вв. достаточно подробно восстанавливается территория, которую он занимал.

От Велейского уезда Вороничский был отделен р. Великой. На севере в районе р. Щеглынь Вороничский уезд граничил с Вревским, на северо-востоке (севернее р. Сороти) — с Выборским, на юге — с Опочецким. Юго-западная граница с Опочецким уездом проходила по р. Великой и нижнему течению ее правого притока — р. Кудке; южная — шла от р. Кудки в восточном направлении к среднему течению притока р. Шесть — р. Гвоздницы (совр. Гвоздпи) и далее вверх по ее течению. Восточным соседом Вороничского был, как известно, уезд Ржевы Пустой. Граница с Пусторжевским уездом проходила вверх по течению р. Корузы (южного притока р. Сороти), затем по притоку р. Корузы — р. Лабуше — к Столбушинскому оз. (рис. 1).

В XVI в. и в более позднее время Вороничский уезд в административном плане делился на 9 губ: Егорьевскую, Спасскую, Михайловскую, Богородицкую, Ильинскую, Заклинскую, Полянскую, Терebeneckую и Богородицкий Утреток. Территории губ также хорошо прослеживаются по письменным материалам XVI—XVII вв.

В настоящее время для реконструкции территориального деления Вороничского уезда привлечены писцовые книги 1585—1587 гг. (№ 355 и 827 по РГАДА), переписная книга дворцовых крестьян 1646 г. (№ 8497 по РГАДА), атласы Генерального межевания XVIII в., топографические карты Генерального штаба 1913—1918 гг. (РГВИА, ф. ВУА), современные топографические карты и планы землеустройства.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 97-01-00365).

Как и для других уездов Псковской земли, наилучшие результаты картографирования были получены при сравнении топонимики источников XVI—XVII вв. с картами Генерального штаба. Другие картографические материалы носят вспомогательный характер. Прделанная работа позволила очертить границы губ Вороничского уезда следующим образом.

Егорьевская губа начиналась на северо-западе уезда, от устья р. Щеглынь, и простиралась по правому берегу р. Великой до устья р. Сороти и северо-восточного берега оз. Каменец. Далее территория губы узкой полосой тянулась в юго-восточном направлении, включая монастырь на Спиччьих горах, и доходила до р. Шомки, а возможно, и до р. Настцинки.

Южная часть Егорьевской губы была отделена от правого берега р. Великой территорией Ильинской губы. Она начиналась на севере от оз. Каменец и простиралась на юг до нижнего течения р. Шести и устья р. Вересовки. На востоке деревни Ильинской губы находились в районе устья р. Настцинки, по обе стороны Шести.

Северо-восточную часть уезда занимала Спасская губа, на западе граничившая с Егорьевской. Граница между ними севернее Воронича, вероятно, проходила по старой Псковской дороге, начинавшейся на Козмодемьянском посаде Воронича. Южной границей Спасской губы, отделявшей ее от Михайловской, была р. Сороть.

Междуречье р. Сороть и ее южного притока — р. Корузы — занимали Михайловская и Богородицкая губы. Граница между ними проходила южнее оз. Бологуль и, огибая лесной массив севернее Бугрово, выходила к Вороничу таким образом, что Савкино оставалось в составе Михайловской губы.

Заклинская губа локализуется на пространстве между правым берегом р. Шесть, ее северным притоком — р. Настцынкой — и западным берегом Столбушинского оз. Последнее, так же как оз. Издрано, р. Лабуша и р. Волостенка, являлось пограничным с Пусторжевским уездом.

Левый берег р. Шесть выше устья р. Гвоздичи и правый берег последней входили в состав Теребенской губы. Южная граница Теребенской губы и соответственно Вороничского уезда проходила по водоразделу рек Шесть и Изгожка.

Левый берег р. Шесть ниже устья р. Гвоздичи относился к Полянской губе, которая, однако, была отсечена от р. Великой Ильинской губой и Богородицким Утретком.

Рис. 1. Уезд Воронича по данным писцовых и переписных книг XVI—XVII вв.:
 1 — погост; 2 — село, деревня, пустошь и пр.; 3 — границы уездов Псковской земли;
 4 — границы губ.

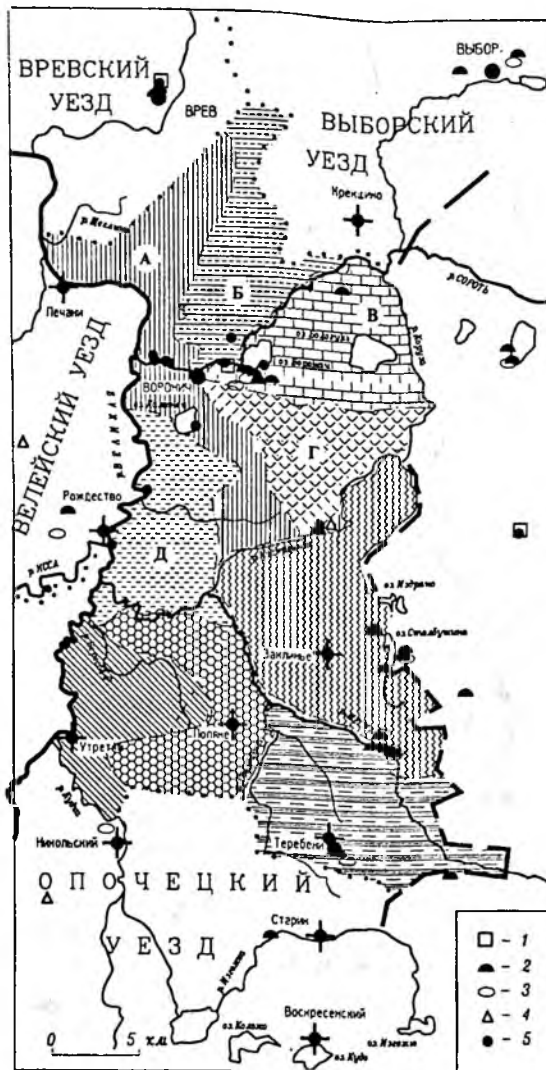

Рис. 2. Размещение археологических памятников 2-й половины 1-го тыс. н. э.—
 первых веков 2-го тыс. н. э. в губах Воронического уезда:

А — Егорьевская губа; Б — Сласская губа; В — Михайловская губа; Г — Богородицкая губа;
 Д — Ильинская губа.

1 — городище; 2 — могильники с полусферическими курганами; 3 — могильники
 с длинными курганами; 4 — сонка; 5 — селище.

Наконец, села и деревни Богородицкого Утретка локализируются в устье р. Кудки, на правом ее берегу, и на востоке как бы вклиниваются в Полянскую губу.

Как правило, в Псковской земле административными и культурными центрами губ были погосты-места. Однако в ряде уездов, в том числе и в Вороничском, функции погостов некоторых губ выполняли сами пригороды, в которых находились их приходские храмы. Это касается пяти из девяти губ Вороничского уезда, к которым относилась Егорьевская из Воронича, Спасская «с Чпчаковой горы», Михайловская «из Михайловского монастыря из Воронича с городища» и Ильинская церкви (МАМЮ. С. 350—352). Губским храмом Богородицкой губы, вероятно, являлась церковь Успения Богородицы Успенского монастыря с Горки в Ворониче (МАМЮ. С. 353).

Собственно сельские погосты-места в Вороничском уезде были только в южной его части, а именно: в Заклинской, Теребенской, Полянской губах и в Богородицком Утретке.

Обстоятельства формирования такой структуры Вороничского уезда XVI в. отчасти проявляются при анализе размещения археологических памятников периода раннего средневековья в бассейнах восточных притоков р. Великой — рек Сороть и Шесть (рис 2).

Подробную характеристику расселения в нижнем течении р. Сороть (т. е. северной части Вороничского уезда), основываясь на результатах собственных полевых исследований и исследований предшественников, дал С. В. Белецкий (Белецкий С. В., 1998. С. 54—77). Он выделил пять этапов заселения Нижнего Посоротья — от эпохи камня до XV—XVII вв. — и пришел к выводу, что стабильное освоение микрорайона начинается только к середине I тыс. н. э. (Белецкий С. В., 1998. С. 75). С конца I тыс. н. э. до XIII в. роль центра округи выполняло укрепленное поселение на городище Савкино, однако исследователь подчеркнул, что археологические памятники этого периода в округе городища изучены недостаточно. С XIV в., судя по археологическим материалам, собранным с селищ, прослеживается формирование сельской округи преемника поселения Савкино — города Воронич (Белецкий С. В., 1998. С. 76).

Для анализа системы расселения в южной части Вороничского уезда можно обратиться к археологическим материалам этого микрорайона. Однако прежде хотелось бы обратить внимание на некото-

рые особенности псковских губ как административно-территориальных единиц. Изучение письменных источников и археологических материалов Северного региона Псковской земли позволило мне прийти к заключению, что губы XV в. по своему статусу — это волости, известные по псковским летописям, т. е. территории сельских общин. Некоторые из них оставались неизменными в своих размерах на протяжении веков, другие развивались, дробясь на более мелкие территории, третьи возникали по мере земледельческой колонизации территории (Харлашов Б. Н., 1991. С. 21—27; 1997. С. 101, 103, 104). Для южных губ Вороничского уезда также можно попытаться выявить гнезда раннего расселения, на основе которых в дальнейшем развились волости — губы.

В Теребенской губе, если ее воспринимать в границах XVI в., гнездо раннего расселения образуют археологические памятники близ погоста Теребени.

Это курганная группа 1, известная по раскопкам помещика, князя Львова, в первые годы нынешнего столетия (Исполатов Е. И., 1928. № 49). В настоящее время в группе, которая в 1975 г. обследовалась Л. А. Царьковой (Царькова Л. А., 1975), а в 1989 г. в втором настоящей статьи, насчитываются остатки 17 крупных погусферических насыпей диаметром до 12 м при высоте 1,2—3,2 м.

В непосредственной близости от погоста находится курганная группа 2, состоящая не менее чем из 20 небольших плоских полусферических курганов, занимающих компактный участок размерами 60 × 45 м. Их размеры от 3 × 3 м до 12,5 до 9,5 м при высоте 0,5—1,87 м (Харлашов Б. Н., 1989. С. 40—44).

Поселение, синхронное, по крайней мере, 2-му курганному могильнику, находилось на селище 3 близ Теребеней и имело площадь 6086 кв. м (Харлашов Б. Н., 1989. С. 39). Мощность культурного слоя, распространенного по левому берегу руч. Теребенка, достигает 0,65—0,7 м. Однако при сборе подъемного материала на селище было найдено лишь несколько стенок лепных сосудов 2-й половины 1-го тыс. н. э., стенки гончарной керамики, сходной по структуре обжига с древнерусской, и фрагменты горшков XV—XVI вв.

Селище 1, относящееся к погосту (МАМЮ. С. 347), площадью 6900 кв. м примыкает к церкви Воскресения с севера. С его территории происходят типологически трудноопределимые фрагменты гончарной керамики XVI—XVII вв. (Харлашов Б. Н., 1989. С. 39).

Восточнее церкви, на погостском кладбище, находятся 16 средневековых крестов, изготовленных из гранита.

Близ погоста, в 95 м к юго-западу от него, в ходе разведки выявлено селище II площадью 7074 кв. м с керамикой XVI—XVII вв. В период функционирования погоста на селищах 2 и 3, по-видимому, размещались малодворные деревни Теребенской губы, названия которых пока не установлены.

В Заклинской губе во время наших работ по инвентаризации археологических памятников Новоржевского р-на в 1993 г. был выявлен крупный археологический комплекс. На правом берегу р. Шесть, близ д. Исаково, в лесу, на участке протяженностью около 1 км, находятся не менее 5 курганных групп и 4 одиночных кургана.

В обследованных группах число насыпей не превышало 6. В группе 7, обследование которой не завершено, насчитано не менее 15 курганов. Среди курганов присутствуют комбинированные насыпи длиной до 49 м, длинные валообразные насыпи, круглые плоские, а также высокие (до 2,7 м). В группе 3 отмечен курган, имеющий в плане форму квадрата.

Данный погребальный комплекс — крупнейший в бассейне р. Шесть, — по-видимому, в целом относится к культуре длинных курганов. Поселение или группа поселений, которые могли бы соответствовать могильникам, пока не найдены.

В районе Столбушинского оз. (на границе Вороничского и Пусторжевского уездов) также прослеживается концентрация археологических памятников. На восточном берегу озера, к западу от д. Жуково, находится курганная группа из 10 полусферических и длинных насыпей (Царькова Л. А., 1977. С. 4, 5) и одиночный полусферический курган.

Еще одна группа из 25 насыпей (в числе которых длинные, круглые и комбинированные) обнаружена на южном берегу Столбушинского оз. в ур. «Шесты» (Пронин Г. Н., Раев Б. А., 1986. С. 22).

Наконец, 6 плоских круглых курганов диаметром 6—10 м при выс. 0,7—1,6 м известны на северо-западном берегу Столбушинского оз., близ д. Извоз (Царькова Л. А., 1977. С. 2, 3).

Комплексу археологических памятников древнерусского времени был выявлен археологическими разведками и частично при раскопках на водоразделе рек Шесть и Сороть, близ оз. Заозерское.

На южном берегу озера, близ совр. д. Загоски в 1984 г. Г. Н. Прониным было открыто селище размерами 70 × 45 м, содержащее в культурном слое мелкие фрагменты лепной и орнамен-

тированной линейно-волнистым орнаментом гончарной керамики (Пронин Г. Н., 1984. С. 6, 7).

В 1,2 км к югу от д. Загоски, по направлению к д. Извоз, в лесу, находится курганная группа из 8 полусферических насыпей диаметром от 6 до 16,5 м, высотой до 1,6 м (Пронин Г. Н., 1984. С. 7, 8). В ней в 1900 г. раскопки 3 курганов проводил В. Н. Глазов, однако погребения найдены не были (Глазов В. Н., 1900. Л. 35).

Из погребальных памятников раннего периода на северо-восточном берегу Заозерского оз. известна сопка диаметром около 21 м при высоте 2,1—2,4 м (Пронин Г. Н., 1984. С. 6).

В 1 км восточнее озера, близ д. Арапово, расположен жалыничный могильник. Раскопки могильника в 1900 г. В. Н. Глазовым дали возможность получить довольно обильный погребальный инвентарь (медный бубенчик, ложковитые перстни, серебряное многобусинное височное кольцо, витые проволочные, а также пластинчатые браслеты и пр.), справедливо позволивший исследователю отнести захоронения к XIII—XIV вв. (Глазов В. Н., 1900. Л. 34, 35).

На погосте Заклинье, расположенном в 3 км западнее Столбушинского оз., имеется лишь селище, соответствующее погосту.

Заклинье находилось в равнинной местности, на краю чуть заболоченной низины. Селище площадью 5200 кв. м с юго-запада и северо-востока примыкает к старому кладбищу, на котором сохранился фундамент церкви Николая (МАМЮ. С. 349). В 80-е гг. XVI в. на погосте было всего 2 двора, принадлежавшие попу и церковному дьячку (РГАДА, ф. 1209. № 827. Л. 1067). По находкам в культурном слое фрагментов гончарных горшков начальный период функционирования погоста может быть отнесен к XV в. К этому же времени или чуть позднее относятся обломки 2 каменных крестов, обнаруженных на кладбище близ остатков церкви (Харлашов Б. Н., 1988. С. 41).

В Полянской и Утретской губах, занимавших юго-западную часть Вороничского уезда, сколь-нибудь ярко выраженные памятники 2-й половины I-го тыс. н. э. и XI—XIII вв. неизвестны. В этом микрорайоне разведками обследованы поселения на погостах и зафиксированы позднесредневековые грунтовые могильники в их округах.

Погост Поляне занимал всхолмление на берегу ручья (Харлашов Б. Н., 1988. С. 42, 43). Селище площадью 5000 кв. м примыкает с запада к погостской церкви Покрова (МАМЮ. С. 348) и

ограничено с двух сторон ручьем и протокой к нему. Содержащиеся в культурном слое фрагменты горшков, в т. ч. с простой линейной орнаментацией, позволяют говорить о его функционировании в XV—XVII вв.

Погост Утретки располагался на левом берегу р. Великой, неподалеку от места впадения в нее р. Кудки (Харлашов Б. Н., 1989. С. 43, 44). Селище площадью 6800 кв. м занимает ровную площадку на 6-метровой высоте береговой террасе в нескольких десятках метров к юго-востоку от руины погостской церкви Введения Богородицы, окруженной кладбищем (МАМЮ. С. 349). В 60 м северо-восточнее селища находится еще одно кладбище, на котором обнаружен каменный крест. Однако, учитывая расположение церкви, относящейся к первоначальному погосту все же следует считать первое кладбище. Из культурного слоя селища происходят (среди прочих неопределимых) фрагменты горшков XVI—XVII вв., иногда с простой орнаментацией в виде однорядной волны. В конце XVI в. на погосте располагались пустые дворы, 4 из которых принадлежали попу и причту, 2 — крестьянам, 2 — бобылям (РГАДА, ф. 1209. № 827. Л. 1080 об.).

Подводя итоги размещению археологических памятников в южной части Вороничского уезда, отмечу следующее.

В бассейне среднего течения р. Шесть и Столбушинского оз. во 2-й половине 1-го тыс. н. э., так же как и в Нижнем Посоротье сформировалось довольно крупное поселенческое ядро. Наиболее ранние памятники представлены могильниками культуры длинных курганов. Несколько более поздние — крупными сопковидными курганами.

Археологические памятники XI—XIII вв. прослеживаются лишь в одном случае. Вряд ли это обстоятельство свидетельствует о запустении территории в первые века нашего тысячелетия. Скорее, дело в изученности памятников. Древнерусские сельские поселения по-прежнему остаются невыявленными. Также, на наш взгляд, остается неизученным древнерусский пласт захоронений в курганных могильниках, возникших во 2-й половине 1-го тыс. н. э.

Возвращаясь к вопросу о сложении территории Вороничского уезда XVI в., хотелось бы обратить внимание на следующее.

Как в Теребенской, так и в Заклинской губах, выделяются гнезда расселения 2-й половины 1-го тыс. н. э., получившие развитие в первые века 2-го тыс. н. э. В Теребенской губе это — комплекс памят-

пиков вблизи погоста. В Заклинской губе — памятники на правом берегу р. Шесть и в окрестностях Столбушинского оз.

В качестве предположения можно говорить о том, что первоначальным ядром расселения для обоих микрорайонов послужило правобережье р. Шесть (близ д. Исаково), где обнаруживаются, на наш взгляд, наиболее архаичные формы культуры длинных курганов.

В древнерусский период поселенческие структуры на территории будущего Вороничского уезда сложились окончательно. Центром микрорайона расселения в низовьях р. Сороть являлось поселение на городище Савкино — древнейший Воронич. На юге уезда оформились ядра Терebenской и Заклинской волостей — губ. В настоящее время сложно говорить о взаимозависимости северных и южных волостей будущего Вороничского уезда, но представляется, что таковая была, поскольку Савкино, несомненно, являлось ремесленным, торговым и военным центром, притягивавшим к себе достаточно обширную округу.

Собственная же округа Воронича даже в XVI в. очень хорошо прослеживается по 5 тяготевшим к нему губам: от р. Щеглынь на севере до устья р. Шесть и ее левого притока — р. Пастычки — на юге. По-видимому, первоначально эта территория представляла собой единую волость с центром в Савкино, заселенную в процессе земледельческой колонизации. Разделение же на губы, радиально расходящиеся от центра, выглядит искусственным и скорее всего связано уже с упорядочением управления территорией Псковской земли в целом и переносом города на новое место.

В южной части Вороничского уезда статус губ получили развивавшиеся параллельно с ближайшей округой города Терebenская, Заклинская и Полянская волости. Закрепление их статуса ознаменовалось обустройством в XV в. погостов и последующим строительством приходских — погостских — храмов.

Обособленно и несколько странно выглядят на фоне других губ Богородицкий Утреток (именуемый в источниках XVI—XVII вв. губой), как бы вклинивающийся в Полянскую губу. Как уже отмечалось, археологических материалов ранее XVI в. на селище в Утретках не обнаружено, что наталкивает на мысль о его более позднем происхождении. Не исключено, что территория Утретка действительно была вычлeнена из более древней губы по причинам, остающимся пока нам не известными. При этом надо иметь в виду, что на территории соседнего Опочецкого уезда, на другом берегу р. Кудки, также находился Богородицкий Утреток, погостом которого являлись Утретки в Вороничском уезде.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий С. В.*, 1998. Пушкинский край по данным археологии // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 2. С16.
- Глазов В. П.*, 1900. О раскопках Императорского Русского археологического общества в Новоржевском и Опочечском уездах Псковской губернии // Архив ИИМК РАН, ф. 1. 1900. № 114.
- Исполатов Е. И.*, 1928. Письмо от 9.12.1928 г. // Архив ИИМК РАН, ф. ГАИМК, № 49.
- Пронин Г. П.*, 1984. Отчет о работе Кривичской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р-1. N 9441.
- Пронин Г. П., Раев Б. А.*, 1986. Работы Кривичской экспедиции // АО. 1984 года. М.
- Харлашов Б. П.*, 1988. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в центральных и западных районах Псковской области в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12564.
- Харлашов Б. П.*, 1989. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в Псковском, Нечорском, Порховском, Новоржевском, Пушкиногорском, Опочечком и Краснородском р-нах Псковской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 13478.
- Харлашов Б. П.*, 1991. Псковские губы (к вопросу о происхождении) // КСИА, № 205. М.
- Харлашов Б. П.*, 1997. Псковская земля в XIV—XVI вв. Территория и границы // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М.
- Царькова Л. А.*, 1975. Отчет о разведках на территории Псковской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 5734.
- Царькова Л. А.*, 1977. Отчет об археологической разведке на территории Новоржевского р-на Псковской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6674.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Археологические открытия.
- ВУА — Военно-ученый архив Генерального штаба Российской Империи.
- ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- МАМО — Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. М., 1913.
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов.
- РГВИА — Российский Государственный военно-исторический архив.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ ПОДВЕСОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОЛОВОК БЫКА

Среди женских украшений из курганных погребений Древней Руси выделяется группа круглых подвесок с рельефными изображениями бычьих головок, которые, с легкой руки А. А. Спицына, были названы подвесками «радимичского типа». Действительно, первые находки были обнаружены при раскопках П. М. Ерёмченко в курганах бассейна Верхнего Поднепровья (в частности, на р. Илуты), которые в дальнейшем стали связываться исследователями с погребальными памятниками радимичей (Спицын, 1986: 95—103; Рыбаков, 1932). Однако в настоящее время накоплен достаточно интересный материал, который позволяет заново проанализировать проблему появления этих украшений в курганах Древней Руси.

Подвески, за редким исключением, входили в состав женских ожерелий вместе с бусами и другими привесками. Они представляли собой круглые литые украшения диаметром около 2 см, на лицевой стороне которых были изображены головы быков с закрученными вверх рогами и рельефными треугольными валиками на лбу. По краю подвесок проходит ложнозернистый орнамент, отделенный от основного сюжета рельефным валиком (или валиками), которые сверху соединяются с рогами животных (рис. 2). Собранный материал на различных территориях поражает стереотипностью в деталях основной композиции. Вокруг головок быков пустое пространство заполнено треугольными фигурами, иногда выполненными в технике ложной зерни. По бокам морд имеются по две пары фигур, повернутых основаниями друг к другу, а между рогов — три фигуры, расположенные в шахматном порядке, боковые — вершинами вверх, а средняя — вершиной вниз. Б. А. Рыбаков усматривал в семантике данных подвесок связи с обрядом славянской языческой триады (поклонение быку) (Рыбаков, 1987: 537—538, 665—666).

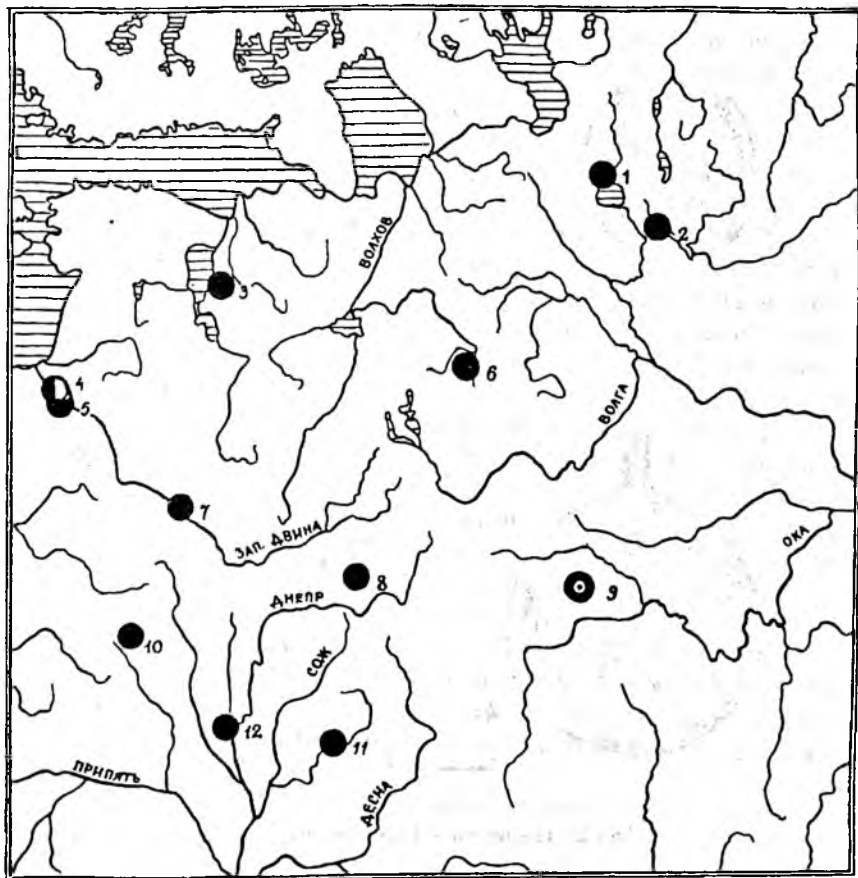

Рис. 1. Карта распространения подвесок с бычьими головками:

1 — Никольское III; 2 — Нефедьево; 3 — Залхтолье; 4 — Даугмальское городище; 5 — Нарини; 6 — Федово; 7 — Полоцк; 8 — Новосеки; 9 — Щербинское городище; 10 — Игуменский уезд; 11 — Вязовичи; 12 — Гадлиовичи.

Коротко остановимся на территории распространения этих необычных украшений. Наибольшее их число встречено в бассейнах Верхнего Днепра и Западной Двины (рис. 1). На территории Поднепровья находки распределяются следующим образом: одна подвеска найдена в могильнике Новосеки при раскопках С. М. Соколовского (рис. 2, 3), опубликованных А. М. Лявданским (Лявданский, 1932: 34, 55, табл. 18-4); одна — издана А. А. Спицыным и

Рис. 2. Подвески с бычьими головками:

1 — Щербинское городище (по А. Ф. Дубышину); 2 — Вязовичи (по Б. А. Рыбакову); 3 — Новосеки (по А. М. Ляданскому); 4 — Залатовые (раскопки автора); 5 — Нарини (по М. Анязису).

раскопок П. М. Ерёмченко курганов у дер. Вязовичи на р. Ицуты¹ (рис. 2, 2); четыре подвески обнаружены в составе женского ожерелья кургана № 10 большого могильника Гадилевичи (Соловьева, 1972: 51), и одну упоминает Г. Х. Татур как найденную им при раскопках насыпей в Игуменском уезде Минской губернии (Татур, 1892: 87—88).

¹ Судя по работе Б. А. Рыбакова (1932: 92), в Вязовичах, видимо, была найдена не одна подвеска, так как автор упоминает эти находки во множественном числе. По полевым дневникам П. М. Ерёмченко, хранящимся в архиве НИМК РАН, данный вопрос уточнить не удалось, поскольку описание комплексов находок из курганов дано чрезвычайно суммарно.

В бассейне Западной Двины имеются три пункта, связанных с рассматриваемым типом украшений. Подвеска с бычьей головой найдена в слоях древнего Полоцка (Штыхов, 1975: 69, рис. 34: 21). Еще одна входила в состав инвентаря женского захоронения в ливском могильнике Нарини (рис. 2, 5; Атгазис, 1969: 373—375), а на Даугмальском городище обнаружена каменная литейная формочка для отливки данного типа украшений (рис. 3; Rādiņš, 1994: 92—95).

Подвески с бычьими головами встречены и в памятниках Новгородской земли. В частности, три экземпляра были найдены в кургане № 208 могильника Залахтовы на восточном побережье Чудского озера (рис. 2, 4; Хвоцинская, 1990: 58, рис. 1: 12); одна подвеска (?) — в могильнике Фёдово в Помостье (Спицын, 1905: 4), а в последнее время серия подобных украшений зафиксирована Н. А. Макаровым в северо-восточных районах Новгородской земли в грунтовом могильнике Нефедьево (5 экз., погр. 31) и в курганообразном могильнике Никольское III (1 экз., курган № 8, захоронение детское № 2, подвеска располагалась между бедренных костей) (Макаров, 1990: 71, табл. XVI: 9; 1997: 178, табл. 134: 10—11).

Таким образом, в настоящее время имеются данные о находках более чем 19 подвесок с бычьими головами из 11 пунктов (рис. 2). К этому следует добавить сведения о литейной формочке с Даугмальского городища и еще об одной подвеске несколько упрощенной формы, встреченной на Щербинском городище (рис. 2, 1; Дубинин, 1974: 233, 265, табл. XI: 17).

Все упомянутые подвески отличаются универсальностью в характере композиции и стилизации головы зверя. Некоторые из них настолько похожи друг на друга (например, залахтовские и нефедьевские), что создается впечатление, что они вышли из-под руки одного мастера. Несомненно, мы имеем дело с четко отработанной законченной сюжетной композицией, которая несла на себе определенную семантическую нагрузку. По всей видимости, данный сюжет сформировался в определенной этнической среде и распространился на достаточно широкой территории. Отметим также, что большинство украшений выполнено в бронзе достаточно тщательно, безусловно, мастерами-профессионалами. Исключением являются подвески из Полоцка и курганов Игуменского уезда, которые были сделаны из оловянистого сплава и скорее напоминали небрежные подражания имеющимся образцам. На этих изделиях, в частности, отсутствуют обычные пирамидки вокруг головы животного.

Датировка большинства находок приходится на XI—XII вв. (в данном вопросе мы опираемся на материалы раскопок последних лет). Так, захоронения с подвесками в могильниках Несфедьево и Никольское датируются XI в., причем в Несфедьево, по данным Н. А. Макарова, погребение с пятью подвесками было совершено не позднее третьей четверти XI в. (Макаров, 1997: 126). Комплексы с подвесками из могильников Гадиловичи и Нарини датируются авторами раскопок в целом XI—XII вв. (Соловьева, 1972: 51—52; Атгазис, 1969: 374). Залахтовское погребение относится к первой половине XII в. Второй половиной XII в. датируется формочка с Даугмальского городища (Radiņš, 1994: 94), а полоцкая подвеска происходит из слоя XII в. (Штыхов, 1975: 69).

Несколько обособленно от основной группы подвесок стоит находка из верхнего слоя дяковского Щербинского городища (на глубине 0,17 м от поверхности). Подробно она была проанализирована в работе И. Г. Розенфельдт (Розенфельдт, 1982: 69), которая, подчеркивая, что подвеска встречена «в ненарушенном культурном слое», не согласилась с мнением А. Ф. Дубынина, что данная вещь «по-видимому, не относится к комплексу городища» и оказалась там «случайно» (Дубынин, 1974: 233). По мнению И. Г. Розенфельдт, «подвеска могла попасть сюда только в результате связей с синхронным населением более западных районов в период заключительного этапа существования памятника» (Розенфельдт, 1982: 69). Ссылаясь на уже упомянутые нами аналоги XI—XII вв., А. Ф. Дубынин без всяких обоснований датировал данную находку на городище X—XI вв. (Дубынин, 1974: 223), а И. Г. Розенфельдт — X—началом XI вв. (Розенфельдт, 1982: 69). Что касается датировки И. Г. Розенфельдт, то, на наш взгляд, она основывается, прежде всего, не на аналогиях древнерусского времени, а на общей хронологической схеме, разработанной ею для позднего этапа дяковских городищ. В отличие от ряда исследователей, полагающих, что жизнь на дяковских городищах затухает в V—VI вв. (Смирнов, 1974: 77), И. Г. Розенфельдт выделила в их верхних слоях значительный пласт древностей, которые нельзя отнести просто к разряду случайных предметов. Хронологически они попадают в рамки с VI по X—начало XI вв. (Розенфельдт, 1982: 73). В число предметов данной группы входит и подвеска с головой быка, и, если бы автор не ориентировалась на поздние аналогии, данная находка вполне могла бы попасть в любой период второй половины I тыс. н. э.

На мой взгляд, надо очень осторожно оценивать факт находки на Щербинском городище примитивной подвески с изображением головы быка и было бы опрочетчивым просто охарактеризовать ее как «случайную находку» в верхнем слое дьяковского поселения. Дело в том, что подвеска со Щербинского городища, действительно, по общему облику и сюжету, хотя и близка группе рассмотренных украшений, типологически сильно отличается от них своей примитивностью. На ней лишь намечены общие контуры головы, нет ее детальной проработки, как на курганных образцах; отсутствуют обычные пирамидки вокруг головы и второй ободок из зерни по краю. Так что типологически ее вполне можно было бы рассматривать в качестве прототипа украшений древнерусской поры, а не элемента заимствования.

В этой связи интересен вопрос, в какой этнической среде возникает и распространяется данный сюжет, семантика которого до конца нам неизвестна. Касаясь населения позднедьяковских городищ, И. Г. Розенфельдт сделала заключение, что «позднедьяковское население, этнически неоднородное (балто-финно-угорское), было родственно мерянам, муроме и некоторым другим финно-угорским племенам, но принадлежало к другой группе племен» (Розенфельдт, 1982: 176—177).

Большинство известных находок подвесок XI—XII вв. с изображениями голов быков имеет достаточно выраженный балто-финский контекст. Так, пока известно лишь одно место изготовления подвесок — Даугмальское городище в низовьях Даугавы — крупном центре балто-латгальского населения. Каменная литейная форма была найдена в 1986 г. на четвертой площадке в первом слое городища. Один из авторов раскопок А. Радиньш посвятил ей специаль-

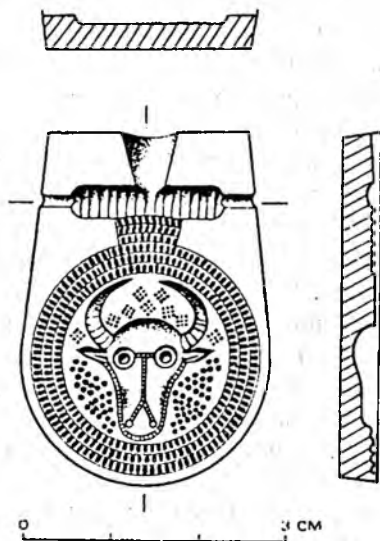

Рис. 3. Литейная формочка с Даугмальского городища (по А. Радиньшу).

ную работу, где высказал предположение, что данная формочка служила не для изготовления собственно металлического украшения, а была эталоном для изготовления форм для отливки этих украшений. Кроме того, автор обратил внимание на необычную верхнюю часть отгиска, напоминающую ливские витые гривны. В этом он усматривает местные традиции, а говоря о семантике изображений, А. Радинш находит соответствие с многочисленными подвесками, так называемыми «рогатыми коньками», которые традиционно называются «кошками», но скорее изображают рогатых животных (Radinš, 1994: 92—95). Подобные рогатые подвески, кстати, встречаются в погребальных памятниках Причудья бассейнов рек Мологи и Верхней Волги в XI—начале XII вв. (Рябини, 1981: 31).

Могильники Нарини и Залахтове, в комплексах которых найдены подвески рассматриваемого типа, по своей материальной культуре, были оставлены прибалтийско-финским населением — соответственно ливами и эстами. Могильник Фёдово на р. Верхней Мсте характеризуется ярко выраженными элементами финской культуры. Точно так же могильники северо-восточных окраин Новгородской земли — Нефедьево и Никольское — находятся в зоне контактов славянского и финского населения, что в полной мере отражается в их материальной культуре.

Материалы могильников, расположенных в бассейне Верхнего Днепра, по мнению большинства исследователей, характеризуют культуру славянского племени радимичей. Как убедительно показал В. В. Седов, в радимических курганах в отличие от могильников других славянских племен имеется большое количество предметов, прежде всего, украшений балтского происхождения. К ним, в частности, относятся гривны с заходящими концами, лучистые или звездообразные пряжки, браслеты со стилизованными звериными головами, подвески-«уточки» и т. д. К этому следует добавить, что у радимичей достаточно часто встречается восточная ориентировка погребенных, что также обычно рассматривается как наследие балтского субстрата (Седов, 1982: 156—157).

Одним словом, подвески с головой быка включались в костюм балтского и финского населения Восточной Европы, и даже, по крайней мере частично, изготавливались им (Даугмальское городище), а также были распространены у групп древнерусского населения, в материальной культуре которых явно ощущается местный субстрат. Можно предположить, что подвески появились в дославянской среде населения лесной зоны и затем перешли в древ-

нерусскую культуру. находка со Щербинского городища вполне укладывается в эту схему, но использовать ее как основное доказательство в пользу того или иного решения вопроса было бы опрометчиво ввиду спорности ситуации с датировкой позднediaковских памятников. Что касается семаптики подвесок, то это особая проблема, требующая привлечения многообразного фольклорного и этнографического материала, и тема совсем другого исследования. Надеемся, что собранный в данной статье материал послужит исходной базой для последующих разысканий в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

Атгазис М., 1969. Раскопки на левобережье Даугавы // АО 1968 года: 373—375. (М.)

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура: 198—248. (М.)

Люданскі А., 1932. Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Археалёгічныя досьледы С. М. Сакалаўскага ў былым Рослаўскім павеце // Працы сэкцыі археалёгіі. Т. III: 5—67. Менск.

Макаров Н. А., 1990. Население русского Севера в XI—XII вв. М.

Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси XI—XIII веках. М.

Розенфельдт Н. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.

Рыбакоў Б. А., 1932. Радзімчы // Працы сэкцыі археалёгіі. Т. III: 81—151. Менск.

Рыбаков Б. А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рябишин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. Вып. Е 1—60. Л.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура: 7—89. Москва.

Соловьёва Г. Ф., 1972. Славянские курганы близ г. Рогачёва Гомельской области // КСИА. Вып. 129: 50—53.

Спицын А. А., 1896. Вещи из раскопок П. М. Ерёмченко в курганах Ново-зыбковского и Суражского уездов // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1: 95—102.

Спицын А. А., 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области // ИАК. Вып. 15: 1—5.

Татур Г. Х., 1892. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и их археологическое значение: 87—88. Минск.

Хвоцинская Н. В., 1990. Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе VI—XV веков. Вып. II: 6—14, 58. М.

Штыльхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. Минск.

Radiņš A., 1994. Daugmales pilskalnā atrastā 12. Gs. bronzas lejamvedne // Arheoloģija un etnogrāfija XVII: 92—95. Rīga.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КАЗАНИ КАК ОДНОГО ИЗ ЦЕНТРОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ (конец X— начало XIII вв.)

Последние два столетия I тысячелетия н. э. в исторической науке справедливо рассматриваются как переломный этап в истории народов Европы. В это время происходят существенные изменения в социально-экономической и общественной жизни славянских, тюркских и финно-угорских народов, приведшие в конечном итоге к возникновению раннефеодальных государств. На территории Восточной Европы это были Древняя Русь и Волжская Булгария. На протяжении веков они тесно контактировали между собой в области экономики и культуры, соперничали за расширение сферы влияния на соседние регионы. Это соперничество нередко приводило к серьезным военным столкновениям, которые завершались, как правило, заключением мирных договоров.

Глубокие перемены в сфере общественно-экономической жизни сопровождались возникновением и бурным развитием городов — как на Руси, так и в Булгарии. Согласно источникам, не позднее конца IX—начала X столетий у волжских болгар, недавних кочевников, освоивших плодородные земли в Волго-Камском регионе, появляются первые стационарные поселения. В начале X столетия князья-эмиры чеканили уже собственные монеты (Янин, 1962), часть населения была мусульманизирована, в некоторых селениях, по словам арабского географа Ибн Русте, имелись мечети и начальные религиозные школы при них (Хвольсон, 1869: 23). К этому же времени относятся первые попытки болгарского царя установить дипломатические отношения с другими странами.

Следует, однако, заметить, что в «Записках» Ибн Фадлана, с именем которого связано официальное принятие булгарами ислама, ни-

каких упоминаний о болгарских городах не содержится, но сообщается о готовности царя Алмуша построить сильную крепость, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников» (Ковалевский, 1956: 121, 133, 141). В историографии Волжской Булгарии принято считать, что именно в ибифадлановское время возникают наиболее крупные и исторически известные города — Булгар, Сувар, Биляр (Хузин, 1993: 16). Действительно, в настоящее время на территории Татарстана и сопредельных областей — Ульяновской, Самарской, Пензенской, — а также в соседней Чувашии известно около 150 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников и прочих археологических памятников, датируемых в пределах X—начала XIII вв. (Фахрутдинов, 1975: 156).

К сожалению, в нашей историографии тема «Булгарский город и его происхождение» до сих пор остается недостаточно изученной. Впрочем, проблемы раннесредневековых городов (древнерусских и западно-европейских), касающиеся в первую очередь причин, путей и времени их возникновения, активно обсуждаются, особенно в последние десятилетия, не только в отечественной, но и в зарубежной литературе (European, 1977; Бланкофф, 1987; Труды... 1927). Выводы ученых о многообразии путей возникновения древнерусских городов подтверждаются всей совокупностью археологических и письменных источников. В последнее время в этих процессах отводится важная роль торговле и торговым путям и тем самым в известной степени реабилитируется т. н. «торговая теория» происхождения русских городов В. О. Ключевского (Носов, 1998). На эти вопросы стали обращать серьезное внимание и казачские археологи.

Историки средневековья, как отечественные, так и зарубежные, единодушны в оценке важной роли, которую играл Великий Волжский или Балтийско-Волжский путь в истории народов Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Волжский путь рассматривается как крупнейшая, непрерывно действующая на протяжении столетий трансевропейская магистраль, по которой с Востока поступали в больших количествах арабское серебро, шелк, пряности и многие другие товары (Мельникова, 1999). По мнению исследователей, выход из Приладожья и Поволжья на Волгу и дальнейшее движение по Волге до Каспия был прочно освоен еще в середине IX столетия (Дубов, 1989: 180). Об этом свидетельствует возникновение вдоль пути торгово-ремесленных поселений, нередко с довольно сложным этническим составом населения (в них, напри-

мер, четко представлен скандинавский компонент). Эти поселения представляли собой в первую очередь ярмарочные места, пункты, обслуживавшие купцов и контролировавшие опасные участки торговой магистрали.

Ранние торговые пункты возникали не только на северо-восточно-европейском участке Балтийско-Волжского пути, но и южнее — на Средней Волге.

Один из таких крупнейших пунктов находился, в частности, в Булгаре, располагавшемся на левом берегу Волги, недалеко от места впадения в нее Камы. По справедливому мнению В. Л. Янина, «на протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар» (Янин, 1956: 105). Он имел непосредственные контакты со Средней Азией и арабским миром. Сюда тянулись и сухопутные караванные пути, причем не только из Средней Азии, но и из южнорусских земель (Моця, Халиков, 1997). Практически в Булгаре «завершался путь большинства скандинавских купцов, ездивших на Восток, хотя некоторые из них достигали Каспийского моря, и даже Багдада» (Мельникова, 1999: 81).

Булгар был не единственным международным торговым пунктом на Средней Волге. Начиная с 1970-х годов известный казанский археолог Е. П. Казаков изучает ряд памятников на Волге и Каме, которые возникли в X в. как рыночные места и в скором времени превратились в развитые торгово-ремесленные поселения (Казаков, 1991). Среди них Измерское, Семеновское, Старокуйбышевское и другие селища, на которых обнаружены сотни монет, в основном серебряные арабские дирхемы и их подражания, а также западно-европейские монеты XI в. Весьма частыми находками являются складные весы для малых взвешиваний, железные кубические и бронзовые бочонковидные гирьки со знаками кратности. Есть предметы, указывающие на присутствие русских и скандинавских купцов. Торгово-ремесленные поселения булгар располагались также на участке Волги между Булгаром и Казанью, в Марийском Поволжье, и даже в районе Нижнего Новгорода, возникшего в 1221 г. на месте прежнего булгарского поселения.

В числе ранних торгово-ремесленных поселений булгар на Волге, по моему убеждению, была и Казань, расположенная на левобережье Волги к северу от Камы.

Освоение этого региона булгарами происходило в X—XI вв. В указанное время здесь появляются такие известные города и крепости, как Кашан, Чаллы, Кирмень, Алабуга, а также ряд сельских поселений в бассейнах рек Меши и Казанки. Отсюда, по р. Казанке, а также по Каме и Вятке булгары проникают и в более отдаленные районы, населенные финно-уграми. По мнению пермского археолога А. М. Белавина, «уже к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки, где уже в X—XII вв. возникает русская Вятская земля) становится частью территории Волжской Булгарии, ее своеобразной угро-финской периферией» (Белавин 1999: 163). Здесь, в Верхнем Прикамье, насчитывается около 200 пунктов, в которых встречены многочисленные вещи из Булгарии, в том числе монеты и раннебулгарская керамика салтовомаяцкого облика. На землях, принадлежавших предкам удмуртов и коми, булгары основывали не только торговые фактории, но и настоящие города (Авкуль, Ыбыр, Чулман), которые являлись важнейшими опорными пунктами сбора налогов с местного населения и контроля над торговцами на Северном пушном пути. Среди археологически изученных памятников выделяется крупный Рождественский комплекс на р. Обве, включающий в себя булгарское городище с прилегающим ремесленным посадом и мусульманский некрополь.

Таким образом, еще во второй половине X—XI вв. обширный регион Средней Волги, в котором располагалась древняя Казань, был прочно освоен булгарами. Местоположение этого булгарского поселения — высокий мыс (совр. Кремлевский холм) на левом берегу р. Казанки, примерно в 6 км от Волги. Кстати, все исследованные торгово-ремесленные поселения, включая Булгар, расположены не на основном русле Волги и Камы, где была опасность разбойничьих нападений, а в некотором удалении от него, на притоках в глубине речной долины. Благодаря чрезвычайным удобствам местности, * Кремлевский мыс был обитаем с глубокой древности — здесь обнаружены следы поселений каменного века, эпохи бронзы, раннего железа и раннего средневековья (Халиков, 1983).

С 1994 г. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский кремль» совместно с Инсти-

* - Не обрести можно другого такого места по всей Русской земле, нигде же таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, еще есть будет в чужих землях» (Казанская история, 1954: 47).

тутот истории Академии наук Татарстана и Казанским государственным университетом при финансовой поддержке городского Совета народных депутатов проводит планомерные и крупномасштабные археологические раскопки на территории Кремля. За последние 5 лет нашей экспедицией было заложено 22 раскопа общей площадью более 4 тыс. кв. м при средней мощности культурного слоя 3 м (рис. 1).

Стратиграфическая шкала культурных напластований Казанского кремля была создана еще проф. А. Х. Халиковым в процессе раскопок 1970-х годов. Им впервые был выделен V (домонгольский) слой, датированный на основе достаточно выразительных, но, к сожалению, немногочисленных материалов XII—первой половины XIII вв. (Халиков, 1985: 90—92). Мощность этого слоя была небольшой — в пределах 5—25 см вне построек. Археологическими исследованиями 1990-х годов получены новые, в ряде случаев уникальные, материалы, позволяющие существенно уточнить стратиграфическую шкалу Халикова в части датировки древнейшего слоя. В числе массовых находок следует отметить в первую очередь болгарскую гончарную керамику домонгольского времени, а также фрагменты лепной, в большинстве своем подправленной на гончарном круге посуды салтово-маяцкого происхождения, полностью вышедшей из употребления в начале XI в. Среди индивидуальных находок, верхний хронологический рубеж бытования которых определяется концом X—началом (или первой половиной) XI в., представляют интерес предметы женского украшения (дротовые браслеты с утолщенными концами и циркульным орнаментом на поверхности, бронзовая грушевидная и лазуритовая подвески, стеклянные и сердоликовые бусы), бронзовые пряжка и накладка на ремешок и др. Нумизматические находки пока единичны: арабский дирхем и чешский денарий первой половины X в. (Хузин, 1999а: рис. 5—7; Хузин, 1999б: рис. 5—7; Хузин, 1999в: 21—24; Гамаледдин, 1999: 238—239; Хаскова, 1999: 227—234). Комплекс датированных предметов указывает на конец X—начало XI вв., то есть на более древний возраст болгарского поселения на Кремлевском холме, чем предлагавшийся нашими предшественниками. Топографически наиболее ранние находки сосредоточены только в северной половине современного Кремля: в раскопе I на территории т. н. «Пущечного двора», в раскопах II, III, XX южнее Благовещенского собора, в раскопах IX, X к востоку от того же собора, в раскопах

XVIII, XIX, XXII во дворе резиденции Президента Республики Татарстан и в раскопе XIII на склоне северо-восточной части холма. Эта территория, занимающая площадь около 4—5 га (рис. 1), была укреплена с самого начала возникновения болгарского поселения. Следы древнейших укреплений по восточному краю холма выявлены в виде линии столбовых ямок от деревянного частокола или тына. С южной, западной, стороны первоначальный город был защищен глубоким Тезицким (Купеческим) рвом и земляным валом с дополнительными деревянными конструкциями поверху.

За пределами укреплений располагался торгово-ремесленный посад, исследования которого начались лишь недавно. В восточном посаде раскопками С. И. Валиуллиной обнаружены следы металлургического производства в виде большого количества кричного железа в слое домонгольского времени (XII—начала XIII вв.).

В свете новых археологических исследований древняя Казань вырисовывается перед нами как небольшое укрепленное поселение с прилегающим к нему посадом. Представляется, что своим возникновением город обязан торговле — одной из важнейших отраслей экономики молодого Булгарского государства. Он был основан на оживленной международной торговой магистрали, практически на пересечении Северного пушного пути с Великим Волжским, в районе, издавна населенном финно-угорскими племенами.

О занятости населения древней Казани свидетельствует анализ материалов из домонгольского слоя. Торговые связи с древнерусскими землями документированы находками шиферных пряслиц (8 экз., см.: Хузин, 1999а: рис. 6, 17—20), обломка стеклянного браслета киевского производства (Халиков, 1985: рис. 6, 3) и некоторыми типами стеклянных бус (Хузин, 1999а: рис. 6, 6, 9, 10). Обнаружены единичные обломки глиняной посуды с характерным отогнутым венчиком и шамотно-древсяными включениями в тесте.

Из прибалтийских земель в Волжскую Булгарию ввозился янтарь-сырец, необработанные кусочки которого неоднократно встречены и в древнейшем слое Казанского кремля. Янтарная подвеска обнаружена в раскопе II 1996 г. (Хузин, 1999а: рис. 6, 15).

Традиционные связи Волжской Булгарии с Востоком отражают находки дорогостоящей люстровой посуды, привезенной в XII—начале XIII вв. из городов Ирана (Кашан, Рей). Казанская коллекция насчитывает более десятка фрагментов такой посуды. Из XIII раскопа, заложенного в 1997 г. на подошве северо-восточного склона

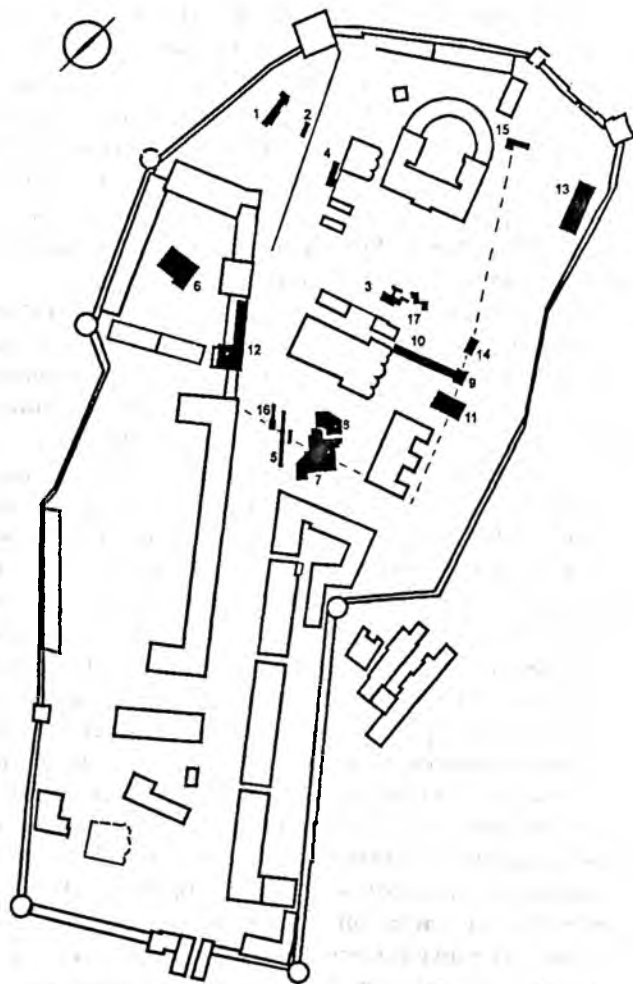

Рис. 1. План Казанского кремля с указанием раскопок:

1 — раскоп I 1953 г.; 2 — раскоп II 1954 г.; 3 — раскоп I 1974 г.; 4 — раскоп IV 1977 г.; 5 — раскоп I 1978 г.; 6 — раскоп I 1994—1995 гг.; 7 — раскоп II 1994—1997 гг.; 8 — раскоп III 1994—1995 гг.; 9 — раскоп V 1995 г.; 10 — раскоп IX 1997 г.; 11 — раскоп X 1997—1998 гг.; 12 — наблюдения (записка стенки) котлована столовой в 1995 г.; 13 — раскоп XIII 1997—1998 гг.; 14 — раскоп XV 1997—1998 гг.; 15 — раскоп XVIII 1998 г.; 16 — раскоп XX 1998 г.

Пунктиром указана линия ранних укреплений города.

Кремлевского холма (территория восточного посада), происходит обломок серебряного дирхема, чеканенного, по мнению египетских ученых А. Совелама и М. Гамаледдина, в г. Шаше в период правления саманида Исмаила Ахмада (892—907 гг.) (Гамаледдин, 1999: 238—239).

Особый интерес вызывают находки, свидетельствующие об отдаленных западных связях населения древней Казани. Это упоминавшаяся уже чешская монета-подражание 929—930 гг., чеканенная в Праге от имени князя Вацлава. По утверждению Я. Хасковой, в качестве образца для чешского динария — символа политической власти — послужили монеты баварского короля Конрада I, выпущенные в г. Регенсбурге (Хаскова, 1999: 228). Предположительно монета эта попала в Казань по сухопутному пути — через Венгрию и южнорусские земли. Но здесь она использовалась как женское украшение.

На международные связи древней Казани указывает еще одна редкая находка — бронзовая накладка на ремень конской сбруи (Хузин, 1999а: рис. 7, 2). Накладка литая, позолоченная, имеет округлую форму диаметром 3 см. «В центре лицевой части ее имеется полушарный выступ, а по краю — бордюр с симметрично расположенными утолщениями, как бы имитирующими круглые и вытянутые звенья цепочки. Центральный выступ соединяется с бордюром четырьмя, также симметрично расположенными изображениями стилизованных лепестков», — так описывает Е. П. Казаков идентичную находку из раннебулгарского Тапкеевского могильника (Казаков, 1972: 163). Наша находка была обнаружена в сооружении 13 раскопа XIII 1998 г. (территория восточного пригорода). Подобные накладки в целом редко встречаются на территории Восточной Европы (известно всего 5 экз.), но достаточно часто обнаруживаются в памятниках Венгрии, датируемых преимущественно до середины X в. (La Hongrie, 1998: 155, илл. 157). Думается, что венгерская накладка попала в древнюю Казань не позднее конца X в. Подобно чешской монете, она была использована здесь не по прямому своему назначению, а в качестве женского украшения, о чем свидетельствует сквозное отверстие для подвешивания.

Таким образом, в результате новых исследований территории Казанского кремля и прилегающей части посада накопилась выразительная серия находок, которые дают важные сведения о достаточно активной торговой деятельности населения древней Казани. Обра-

щает на себя внимание отсутствие в древнейшем слое находок, связанных с сельскохозяйственным производством, что может свидетельствовать о неаграрном характере болгарского поселения на Кремлевском холме. Роль этого первоначального поселения в качестве сторожевого пункта или военной крепости ярко показывают остатки древнейших (конца X—первой половины XII вв.) оборонительных укреплений и многочисленные предметы вооружения (это в основном железные накопечники стрел, реже — колчаные крючки и кольчужные колечки).

В 1970-е годы А. Х. Халиков высказал гипотезу о возникновении Казани во второй половине XII в. (1177) в качестве крепости, построенной для отражения возможных военных акций со стороны русских в период обострения внешнеполитической ситуации в регионе, вызванной борьбой болгарских и владими́ро-суздальских князей за Волжский торговый путь (Иванов, Ионенко, Халиков. 1996: 273—274). Данные наших раскопов последних лет позволяют говорить о важной роли международной торговли в возникновении древней Казани. Город был вызван к жизни потребностями болгарских князей оживить торговую деятельность в северной периферии государства и прочно укрепиться на более северных (по отношению к Булгару) участках Волжской магистрали путем заложения в устье р. Казанки сторожевого пункта или военной крепости.

ЛИТЕРАТУРА

Белашин А. М., 1999. Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Казань.

Бланкофф Ж., 1987. Западно-европейские и древнерусские города. Сопоставление генезиса и эволюции // Труды Пятого международного конгресса славянской археологии (Киев, сентябрь 1985). Т. 1. Вып. 2а. М.

Гамаледдин М., Соведам А., 1999. О саманидском дирхеме из древней Казани // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Казань.

Дубов И. В., 1989. Великий Волжский путь. Л.

European towns, 1977. Their archaeology and early history. L.

Иванов В. В., Ионенко И. М., Халиков А. Х., 1996. О времени возникновения и названии г. Казани // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань.

Казиков Е. П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в венцевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

- Казаков Е. П.*, 1991. Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. Казань.
Казанская история, 1954. Подготовка текста и вступительная статья
Г. И. Моисеевой. М.; Л.
Ковалевский А. П., 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии
на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков.
La Hongrie de l'an Mill. 1998. Naissance d'une nation europeenne. Budapest;
Milan.
Мельникова Е. А., 1999. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Вос-
точной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего
Поволжья IX—XII ввек. (Материалы Международного симпозиума. Казань,
сентябрь 1998). Казань.
Моцы А. П., Халиков А. Х., 1997. Булгар—Киев. Пути. Связи. Судьбы.
Киев.
Носов Е. П., 1998. Древнерусский город в отечественной исторической
мысли (пресметвенность и концепции) // Культурное наследие Российского
государства. СПб.
Труды VI международного конгресса славянской археологии (Новгород,
август 1996), 1997. Т. 2. Славянский средневековый город. М.
Фахрутдинов Р. Г., 1975. Археологическая карта Вожеко-Камской Бул-
гарии // Татария в прошлом и настоящем. Казань.
Халиков А. Х., 1983. Основные этапы археологии и ранней истории Каза-
ни до возникновения города // Новое в археологии и этнографии Татарии. Ка-
зань.
Халиков А. Х., 1985. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборони-
тельное дело домонгольской Булгарии. Казань.
Хасков Я., 1999. Древнечешская монета из Казани // Международные
связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII ввек. Казань.
[*Хвольсон Д. А.*], 1869. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах,
славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе
арабского писателя начала X в. СПб.
Хузин Ф. Ш., 1993. Итоги и перспективы изучения булгарского домон-
гольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, реше-
ния. Казань.
Хузин Ф. Ш., 1999а. Древняя Казань и проблемы ее возникновения
(в свете археологических исследований 1994—1998 гг.) // Международные
связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII ввек. Казань.
Хузин Ф. Ш., 1999б. Древняя Казань в X—начале XIII вв. (по матери-
алам археологических исследований 1994—1998 гг.) // Археологическое изуче-
ние булгарских городов. Казань.
Хузин Ф. Ш., 1999в. Древняя Казань // Борьингы Казан — Древняя
Казань. Каталог выставки. СПб.
Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья.
(Домонгольский период). М.
Янина С. А., 1962. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии
в X в. // МИА. № 111.

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА «СЛАВЯНЕ, ФИННО-УГРЫ, СКАНДИНАВЫ, ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ»

С 11 по 14 мая 1999 года в Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское» проходил Международный симпозиум «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары». За четыре дня работы симпозиума было заслушано и обсуждено 30 докладов и сообщений. Участники симпозиума констатируют плодотворность проведения дискуссий.

Участники симпозиума приносят глубокую благодарность за помощь в проведении симпозиума Российскому Гуманитарному научному фонду, Казанскому Совету народных депутатов, администрации г. Казань, Академии наук Татарстана, Постоянному представительству Республики Татарстан в Санкт-Петербурге, Институту Финляндии в Санкт-Петербурге, Музейному ведомству Финляндии, Институту истории материальной культуры Российской Академии наук. Особая признательность администрации и сотрудникам Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское», не только взявшим на себя организацию работы симпозиума, но также предоставивших участникам симпозиума возможность познакомиться с уникальными памятниками Пушкинского уголка.

Обсудив планы дальнейшей совместной научной работы, участники симпозиума приняли следующие решения:

1. Целесообразно проведение через три года, в 2002 году аналогичного симпозиума в России или Финляндии. Это будет способствовать продолжению тесных научных контактов, установленных в рамках финляндско-российского сотрудничества, начиная с 1976 года.

2. Считать необходимым публикацию трудов симпозиума, оказавшегося очень результативным для дальнейшего развития археологии России, Финляндии и Европы в целом.

3. Рекомендуется провести в столице Татарстана г. Казани в 2000 г. Международную научную конференцию «Великий Волжский (Волжско-Балтийский) путь» с участием ученых России и всех заинтересованных музейных и научных центров стран Европы и Азии. Этот симпозиум впервые в истории науки подведет итоги и наметит новые пути в изучении столетий евразийской истории, когда народы достигли выдающихся результатов в области культуры и экономики в масштабах всего Старого Света.

4. В интересах сохранения культурного наследия России участники симпозиума считают необходимым обратиться к администрациям г. Пскова и Псковской области с рекомендацией безотлагательно решить вопрос о консервации, реставрации и музеефикации уникальных храмов XIV в. на восточной границе Довмонтова города в Пскове, исследованных раскопками 1970-х годов и в настоящее время продолжающихся разрушаться.

5. В целях сбережения и пропаганды выдающихся архитектурных и археологических памятников Псковской области участники симпозиума считают необходимым рекомендовать администрации Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» решить вопросы: а) о консервации и музеефикации нижних частей каменной крепости Велье (XIV—XV вв.); б) о запрещении дальнейших захоронений на площадке крепости Велье; в) о целесообразности размещения в селе Велье, в доме купца Машнева (уникальном усадебном комплексе XIX—начала XX вв.), местного краеведческого музея.

15.05.1999

**СЛАВЯНЕ,
ФИННО-УГРЫ,
СКАНДИНАВЫ,
ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ**

ДОКЛАДЫ
международного научного симпозиума
по вопросам археологии и истории
11—14 мая 1999 г.
Пушкинские Горы

Редакционная коллегия
А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса
Технический редактор
Г. В. Преснова
Корректоры
Л. В. Мезенцева, Н. И. Шишкова
Компьютерная верстка
И. А. Гордеева

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97

Сдано в набор 19.10.99 г. Подписано к печати 01.02.2000 г. Усл. печ. л. 15,63.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 230.
Издательско-полиграфический комплекс «Вести»,
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.

**В Институте истории материальной культуры
Российской Академии наук
выпущена серия книг
по фундаментальным темам археологии
и истории Северо-Запада России**

**Древности Северо-Запада России
(славяно-финско-угорское взаимодействие,
русские города Балтики). СПб., 1993.**

**Новые источники
по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.**

Древности Поволховья. СПб., 1997.

**Раннесредневековые древности Северной Руси
и ее соседей. СПб., 1999.**

**Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары.
Доклады Международного научного симпозиума
по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г.
Пушкинские Горы. СПб., 2000.**

**Готовятся к печати сборники, посвященные древностям
Старой Ладogi и Великого Новгорода.**

По вопросу о приобретении книг обращаться:
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, дом 18,
Институт истории материальной культуры РАН.
Канцелярия: тел. (812) 312-14-84; факс (812) 311-62-71.
Библиотека: тел. (812) 311-81-92.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
Издательско-полиграфический комплекс
«ВЕСТИ»

Многокрасочная высококачественная печать

визитки • бланки
буклеты • газеты
брошюры • книги

в максимально короткие сроки.

*Изготавливаем удостоверения, представительские папки.
Выполняем набор и верстку, изготавливаем формы,
производим фальцовку и брошюровку.*

Цены договорные

ИПК «ВЕСТИ»

готов также

РАЗМЕСТИТЬ РЕКЛАМУ

вашей фирмы

или вашей продукции

В СВОИХ ИЗДАНИЯХ

Наш адрес: 193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3

Телефон: (812) 271-24-92